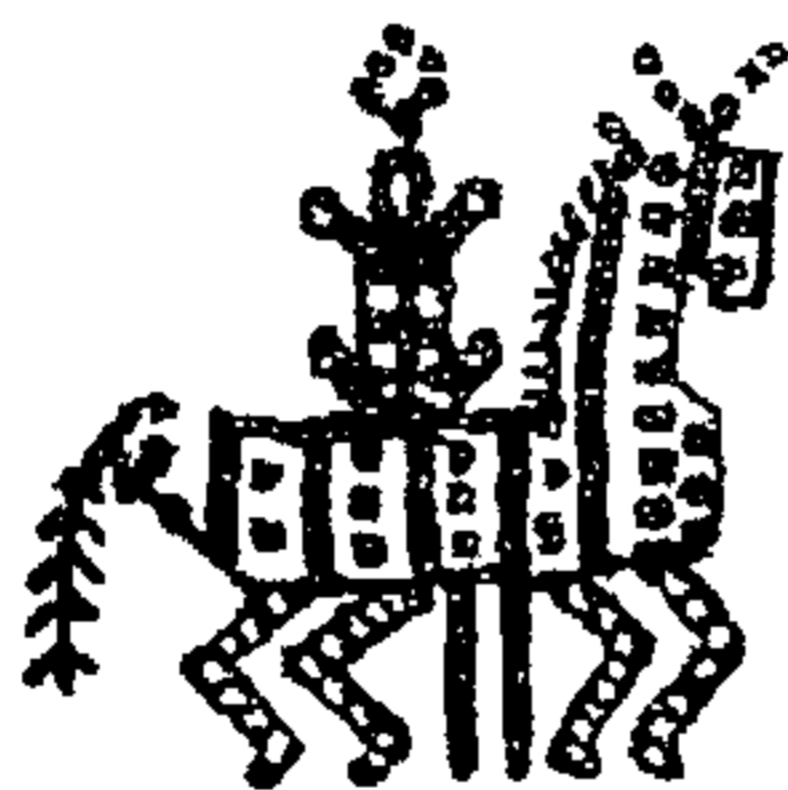

БЕЛОМОРСКИЕ

СКАЗКИ

РАССКАЗАННЫЕ

М.М. КОРГУЕВЫМ

*редакция
А.Н. Нечаева*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1938

*Заставки, концовки, переплет,
титул и форзац
художника М. Кирнарского*

СКАЗКИ М. КОРГУЕВА

В северной части Карельского Беломорья живет замечательный сказочник Матвей Михайлович Коргуев. Он располагает огромным репертуаром и владеет исключительным мастерством рассказчика. Коргуеву 56 лет. Он хороший рыбак, активный член рыболовецкого колхоза с. Кереть. Родился в семье бедного рыбака. Отца лишился рано, и это определило его дальнейшую судьбу. Не имея собственных орудий лова, он с детства батрачил у местных богатей. Мать сказочника — карелка. Она знала много сказок и была певичей рун. От нее Коргуев узнал карельский язык, от нее же унаследовал и мастерство художественного слова. Сказка в Беломорье пользовалась и пользуется сейчас широким распространением, и это имело для Коргуева большое значение. До поездки в Петрозаводск летом 1936 года он ни разу не был ни в одном городе, кроме Кемь. Но, работая на промыслах, на постройке железной дороги, на прокладке телеграфной линии, встречался с людьми из самых различных местностей. И каждая встреча обогащала его новыми впечатлениями. В течение всей своей жизни, — было ли то на семужьей тоне, на охоте или на лесозаготовках, — он очень охотно рассказывал известные ему с детства сказки и одновременно жадно слушал и запоминал те, которые ему приходилось слышать впервые. Беспреданно пополняя свой репертуар, он не держит сказки мертвым грузом в своей памяти, а сразу же начинает рассказывать сам. Память у Матвея Михайловича прямотаки изумительная. Записав от него одну из лубочных сказок, кажется о Францель-Вендиане, я был поражен близостью варианта к нижнему тексту.

Зная, что Коргуев неграмотен, спрашиваю его:
— Сколько раз и давно ли ты слышал эту сказку, и кто ее тебе читал?

— Слышал эту сказку на работах по подвеске телеграфного провода. Читали один раз вслух. Было это в 1904 году, в мае месяце. Помню, дождик шел с утра, не работали. Небольшая книжка с картинкой, — кажется, сто восемь листиков всего... Потом сам стал рассказывать. Первый раз рассказал на поимке оленей. В это время в осенние ночи около огня много сказок да песен было!

Тридцать два года прошло с тех пор, как он слышал сказку, а рассказывает так, как будто бы ему читали ее только вчера. Запомнил даже все мелкие подробности, связанные с чтением. Однако важно не это, — дело тут не только в памяти. Память неграмотному Коргуеву заменяет записные книжки. Она служит ему прекрасным средством иметь всегда под рукой обширный материал, которым он пользуется, создавая и рассказывая свои замечательные сказки. Я говорю — создавая и рассказывая. Это не обмолвка. Коргуев именно такой сказочник, который не просто пересказывает, а, рассказывая, как бы заново создает произведение. От него записано 115 сказок, составляющих 1500 страниц машинописи. Но этим ни в коем случае не исчерпывается репертуар беломорского сказочника.

Коргуев — один из крупнейших сказочников. Дело тут не только в том, что от него записано большое количество сказок, составляющих исключительный по объему материал. Он является живым убедительным примером расцвета творческой деятельности нашего народа. И замечательно, как сказки Коргуева живут и звучат сегодня. Не случайно бригада колхозников на семужьей тоне, где произошла моя первая с ним встреча, с огромным интересом слушала сказки своего бригадира. Шла семга. Лов был удачен, и потому рыбаки только на несколько часов после тяжелой работы завернули в избу. После ужина Матвей Михайлович стал рассказывать, и в течение полутора часов, пока он не довел сказку до конца, все слушали, не проронив слова. И только после того, как Коргуев, окончив сказку, деловым тоном бригадира предложил отдохнуть, рыбаки стали укладываться спать.

Так он умеет держать в напряжении аудиторию. Недаром в течение целого сезона лет восемь тому назад в геолого-разведывательной экспедиции Коргуев каждый день после работы рассказывал свои сказки, и все участники экспедиции с большим удовольствием вспоминают беломорского сказочника.

Коргуев не только занимательно строит и развертывает перед слушателями сюжет, он с большим мастерством и тактом ведет и самый рассказ. Сказки приобретают обаятельность благодаря тому, что исполнитель умело пользуется средствами художественной

передачи. Разнообразные чувства своих героев он передает голосом, мимикой и жестами, но никогда не переигрывает, как это свойственно некоторым другим рассказчикам.

Сказки представляют собою один из наиболее распространенных многообразных и жизнеспособных видов народно-поэтического творчества. Они являются богатым и ценным материалом для изучения истории культуры, материалом для изучения чаяний и дум народных. «Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных; первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» — говорил еще в 1909 г. А. М. Горький. И в дальнейшем, не раз возвращаясь к этому, он подчеркивал, что фантастика народа оплодотворялась его трудовым опытом и тесно связана с реальными потребностями жизни и всем ходом истории человечества. На первом Всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький так сформулировал эту мысль: «Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху — об этом говорят нам легенды о Фаятоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказка о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения на земле — сказка о «сапогах-скороходах». Мыслили о возможности пряхсть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище... создали прялку... и создали сказку о Василисе Премудрой».¹

В новых исторических условиях сказка приобретает новые черты. Протест против угнетателей, насмешка над барами, попами и монахами, весь комплекс жизненных условий трудовых масс, все богатство окружающей социальной действительности находят яркое реалистическое выражение в художественных образах народной сказки.

Русский народ, боровшийся на протяжении столетий с иностранными посягателями, открывал все новые страницы своей героической истории, выдвигая мужественных, отважных героев. А их подвиги давали богатый материал для поэтической обработки. Суммарный тип этих народных героев находил свое воплощение в былинах и в волшебно-героических сказках.

Русская народная сказка занесена в Беломорье вместе с продвижением русских на север. Здесь она претерпевает некоторые

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1935, стр. 6.

изменения под влиянием карельского народного творчества. С другой стороны, в силу более высокой грамотности русских поморов, в сказке значительно отразились и книжные влияния.

Главное, что выделяет сказки колхозника Коргуева из ряда других сказочников, — это стремление к монументальным формам и органическая связь сказки с современностью. Его сказки перерастают обычные нормы не только по объему, они выходят за пределы привычного представления о сказке и в то же время продолжают оставаться сказками. Коргуев такой же мастер-новатор, как и известная воронежская сказительница Куприяниха. Разница между ними только в том, что Куприяниха разрабатывает главным образом только малые формы, а для творчества Коргуева характерным является стремление к большому полотну.

Его сказки не укладываются в привычные схемы. В большинстве они представляют сложные, необычные соединения различных мотивов, а иногда и целых сюжетов.

Чтобы пояснить, как он, пользуясь материалом, творчески его перерабатывает, приведу такой пример. В январе 1937 года Матвей Михайлович приехал вторично в Петрозаводск. И пришлось ему присутствовать на вечере народного творчества, где сказитель Петр Рябинин первый раз пел тогда былинку о Чапаеве. На другой день Коргуев говорит мне:

— Слышал ли ты, как Рябинин пел вчера про Чапая?

— Слышал. А тебе понравилось?

— Слушай, Александр Николаевич, а если я сказку скажу тебе про Чапая, запишем?

На мой вопрос, почему он никогда ничего раньше об этой сказке не говорил, он ответил:

— Разве все сразу вспомнишь. Год уж не один, я думаю, прошел, как читали книжку на тоне про все эти его похождения. Уж забывать стал, а вчера вспомнил. Только слушай, о чем я тебе скажу: не будем сегодня писать, еще не так складно сегодня она выйдет, запишем потом.

В тот же день вечером мы уехали с ним в Ленинград. Прошло несколько дней. Продолжая запись, я завел разговор о Чапаеве и напомнил Коргуеву о его обещании.

— Да что рассказывать-то, как все уж в книжке напечатано. Ты все это происшествие лучше моего, наверное, знаешь. Дело было, в общем, так — этого-то ты не ниши.

Минуту помолчав, он начал:

«Вот не в котором царстве, не в котором государстве...» —

и тут же рассказал сказку «Про Чапая». Рассказал первый раз. Через два месяца эту же самую сказку мне пришлось слышать от него еще раз. Новая редакция существенно ничем не отличалась от первой. Но некоторые детали и мелкие изменения значительно улучшили сказку, придав ей большую завершенность и композиционную устойчивость. Так создалась новая героическая сказка «Про Чапая».

Здесь Коргуев использовал свой обычный прием — соединение различных элементов в новой композиции. Этот опыт создания новой сказки на современном материале любопытен не только внешними условиями, при которых она создавалась. Кроме указания на широкий творческий диапазон автора, сказка «Про Чапая» дает богатый, интересный материал для изучения коргуевского мастерства. Разрабатывая новый сюжет, он использовал из традиционного сказочного материала только два мотива и при этом с чуткостью большого художника отобразил такие из них, которые наиболее соответствуют легендарно-героическому представлению о Чапаеве. Поразительные военные подвиги героя гражданской войны и его необычайную популярность Коргуев объединяет в традиционном сказочном образе богатыря-змеборца, неуязвимо в бою благодаря имеющемуся у него кольцу-талисману. Вот, пожалуй, и все, что он берет из сказочных мотивов при разработке материала. Однако произведение носит все черты сказочной традиции. Достигается это и построением сюжета, и композицией, и всем стилем повествования. Тут и привычные сказочные формулы, как, например, зачин «не в котором царстве, не в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жи-бы крестьянин», — или в описании боя: «и начал он бить, как траву косить, колчакевичей и деникинцев», или: «и мечом рубил, и копьём колол, и носился как вихорь» и др. Тут и сказочная троица: герой, младший из трех братьев, бьется с возрастающим напряжением в трех битвах. Некоторые эпизоды целиком заимствованы из волшебных-героических сказок, но в новой композиции они звучат по-новому. Так, например, даже сказочная формула в описании боя связана с современностью: «и мечом рубил, и копьём колол; приходилось и из нагана бить». В традиционное описание боя вводится новый вид оружия, и это сразу создает органическую связь сказочного образа с современностью.

Сказка «Про Чапая» — в высшей степени интересный опыт обработки близкого нам исторического материала, опыт воплощения в художественных образах народного творчества героики

гражданской войны. Коргуеву опыт удался. Он чувствует материал и умело разрешает поставленную перед собою задачу.

Коргуев не ограничивает себя каким-нибудь одним-видом сказок, но тем не менее основным и наиболее для него характерным являются волшебные и волшебнo-героические сказки. Здесь его мастерство достигает исключительного подъема и можно уверенно сказать, что его волшебные и волшебнo-героические сказки представляют собою один из лучших образцов из всего известного русского материала.

При сравнении сказок Коргуева с аналогичными вариантами других сказочников необходимо отметить самое главное, что всегда выделяет коргуевский стиль, его манеру. Все или во всяком случае большинство его сказок отличаются стремлением сказочника окрасить традиционные мотивы в реалистические, бытовые и психологические краски. Это, не снижая занимательности сюжета, придает его сказкам большую свежесть, композиционную слаженность и как бы переводит их из волшебного плана в план реально-объяснимый. Герои его сказок очеловечены. Их поступки мотивированы и психологически оправданы. Например, в сказке «Андрей-стрелец», герой, отправленный выполнять третью задачу, идет вслед за однообразно разматывающимся клубком. Обычно переживания путешественника опускаются. Коргуев подчеркивает утомительное однообразие пути и напряженное внимание героя: «...скучно Андрею идти, все думал об Елене Прекрасной. Вот все шел и шел, продолжал свою дорогу, клубок стал маленький, с куриную головочку. Стало Андрею скучно, никакого жительствова нет. Чем клубок меньше, тем Андрею скучнее».

Для сказок Коргуева очень характерны реалистические зарисовки бытовых подробностей, окрашенных в интимные личностные тона. Герои и героини часто называются Танечкой, Леночкой, Елечкой, Санечкой, Андреюшком. Елечка достала для Андрея свинку-золоту щетинку, «забаковала ее в ящик и повадилась спать. Проспала немного, встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала будить Андрея:

— Ставай, Андреюшко, ставай, друг дорогой, надо попить, поесть, да в путь-дорогу отправляться».

И дальше: «Вот заходила он, ему было очень ее жалко, заплакал. Она его стала утешать. Вынимает платок из кармана, утерла его, и вместе вышли на улицу — у крыльца».

Таковыми подробностями Коргуев никогда не злоупотребляет, а вводит их с большим чувством меры. Это у него одно из средств, с помощью которого достигается реалистичность его сказок.

Очень любопытен и необычен у Коргуева образ женщины. Центр внимания очень часто переносится с героя на героиню. Женщина в коргуевской сказке играет большую роль. Отличительные черты ее характера не только ум и инициативность. Она — хорошая хозяйка, заботливая жена и мать, а во многих случаях и кормилица семьи. Образ уверенной в себе, независимой женщины, варьируясь, проходит через весь репертуар сказочника. В ряде случаев наблюдается даже некоторое превосходство женщины над мужчиной. Так, в сказке «Андрей-стрелец» Елена Прекрасная на всем протяжении рассказа в борьбе с тираном-царем играет главную роль, хотя по общему замыслу эту роль должен был бы выполнять главный герой, именем которого названа сказка, — муж Елены Прекрасной — Андрей-стрелец. Или, например, в сказке «Как Елена-королевна вывела царского сына от волшебного короля» дан образ мужественной женщины, жены-друга, которая в трудную минуту утешает мужа. И особенно в этом отношении показателен последний эпизод сказки, где героиня, невольно оскорбленная мужем, держит себя с большим чувством собственного достоинства, добиваясь от него полного раскаяния.

Примеры можно увеличивать сколько угодно, так как они встречаются почти в каждой сказке Коргуева.

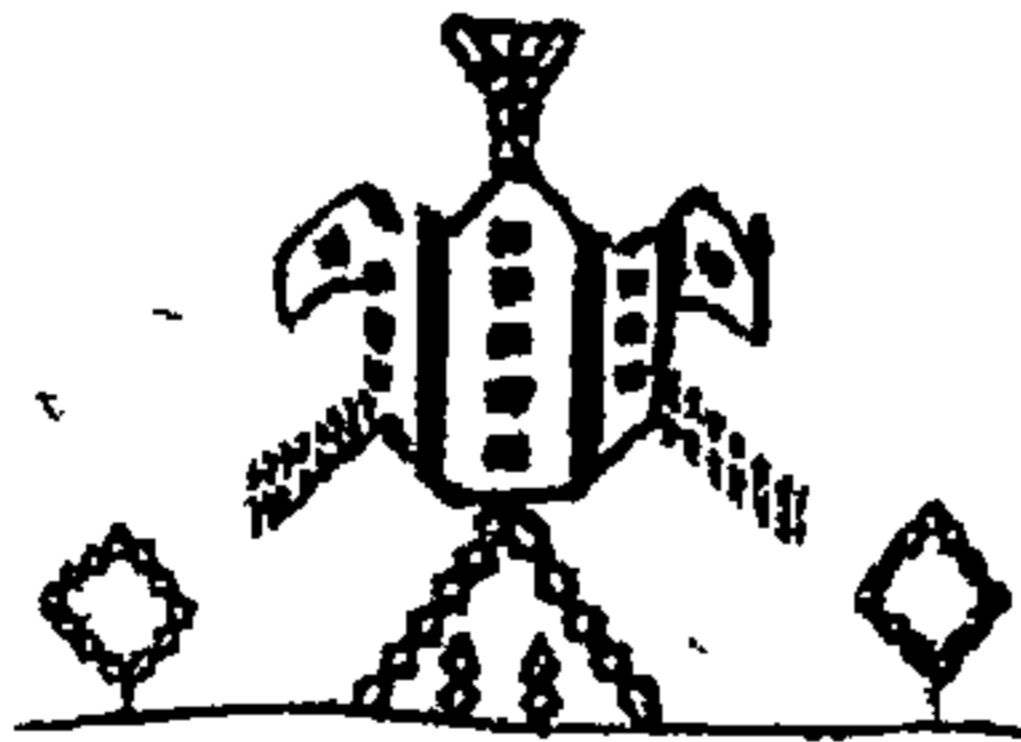
Такая трактовка женского образа может объясняться несколькими причинами. Запись сказок производилась в 1936 году. Девятнадцать лет Великой социалистической революции внесли коренные изменения в жизнь Поморья. Чуткий художник Коргуев остро чувствует современность и переносит ее в свои сказки. В Беломорье отношения мужчины к женщине и раньше носили характер большего равенства, чем это было в других местах. Происходило это потому, что поморская женщина, надолго остающаяся в качестве хозяйки дома, пользовалась большой самостоятельностью. Кроме того здесь могло сказаться — и безусловно сказалось — влияние матери сказочника, которая, по его рассказам о ней, была незаурядным человеком и отличалась смелым и независимым характером. Наконец, на его творчестве не могло не отразиться влияние хорошо известного ему карельского фольклора, в котором встречаются отзвуки матриархата: так в рунах новой записи Вейнемейнен принимает иногда образ женщины.

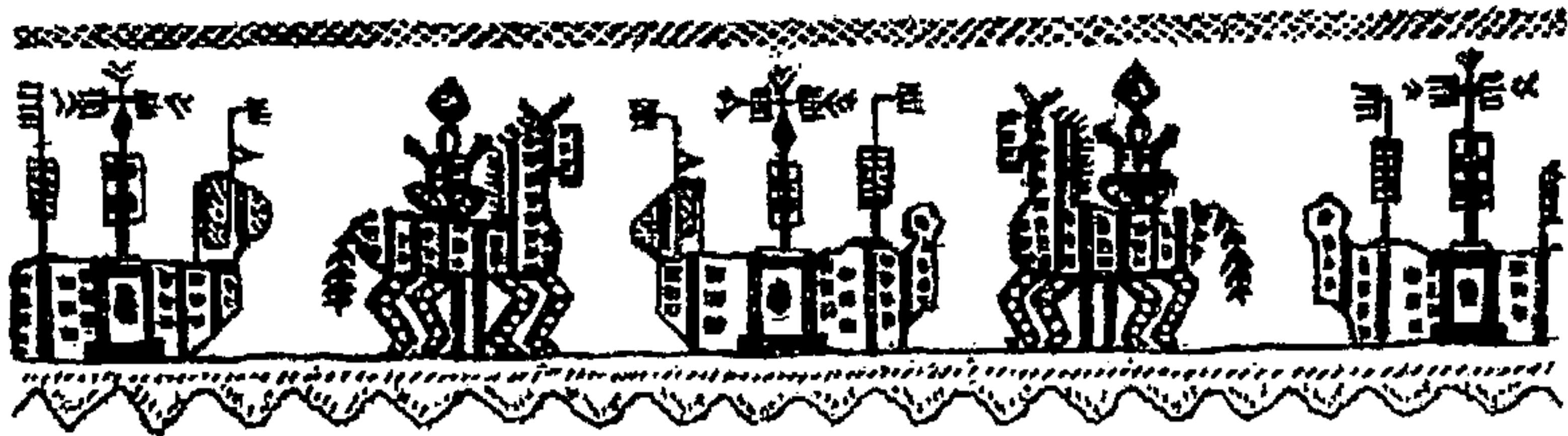
Несмотря на то, что огромный репертуар Коргуева происходит из самых разнообразных источников, все его сказки имеют яркий местный колорит. Они наполнены местными чертами, отражающими условия труда и быта поморов и описаниями местной

природы. Герой коргуевской сказки, отправляясь путешествовать, пользуется чаще всего водным путем. Море встречается в каждой сказке. Часты описания шторма и гибели кораблей. В сказке «Шкин» герой, подготавливаясь к далекому пути, тщательно продумывает и разрабатывает план постройки корабля, обладающего свойствами подводной лодки. Затем сам внимательно следит за постройкой судна и дает объяснения мастерам, почему та или другая деталь должна в точности соответствовать чертежу и какое она имеет значение. В сказках часто встречаются морские термины. Даже Чапаев в представлении Коргуева — сын бедного рыбака, у которого «...своих ловушек не имелось и также не было своих посудин, на которых нужно было выезжать на лов».

Перерабатывая заново традиционную схему, строя новую композицию и вводя в большом количестве современный материал, Коргуев корректирует многие старые понятия и тем самым органически связывает сказку с нашей современностью. Деревянный орел, на котором путешествует обычно сказочный герой, у него заменяется двухместным аэропланом с рычагами для управления «вправо» и «влево»; необычен также для сказки принципиальный отказ героя жениться на царской или княжеской дочери, и большое количество новых слов (товарищ, заведующий, туннель, бухгалтер, аэроплан и т. д.), и современная фразеология. Все это вместе взятое придает сказкам Коргуева исключительную жизненность, занимательность и познавательную ценность.

А. Нечаев

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЖАР-ПТИЦА

Вот нѣ в котором царстве, еѣ в котором государстве, неподалеку от царства стояла деревня. И в этой деревне жил-был старичок. И этот старичок, конечно, он еще был в порѣ. Только у них не было никого детей. Он все занимался охотой. Ставил там сѣлья, ловил птиц и с этого кормился. И вот у них в одно прекрасное время родился сын. И он стал подрастать и выучился в грамоту, хотя немного. Потом, когда сын вырос, так годов двенадцати, и говорит отцу:

— Папа, возьми-ко ты меня охотиться, или хоть я посмотрю лесѡв.

Он говорит:

— Ну, что же, сын, давай, пойдѣм.

Они пошли в лес. Он ему дорогой и говорит:

— Вот что, сын, когда мы пойдѣм похожать сѣлья, тебе бы надо было тоже поставить силѡ на свое счастье, хотя одно; может, попалѡ бы что.

Когда они пришли в лес, то отец показал ему, как поставить силѡ. И он поставил на свое счастье одно силѡ. Вот они опохожали все сѣлья и пошли домой. Попало им птицы много.

Старичок, когда пришли домой, эту птицу рѡспродал. А они, конечно, с этого только и жили, с этого и кормились. Просидели они день-два, и снова походят.

— Но пойдѣм, узнаѣм, что нам теперь попалѡ.

Идут, похожают, смотрят тамѡтки. Не дошли до его силѡ еще, отец и говорит сыну:

— Смотри-ко, у твоего силѡ горит огонь.

Он смотрит. Да, горит огонь. Подошли ближе, огонь стал яснее и яснее. Когда пришли ближе, дедушко и говорит: — Слушай, сынок, ведь попала в твое силó жар-птица.

И хочет к ней поближе подойти. Вот старик подошел, хотíт ее взять, но птица ему не сдается, жжет его, огнем палит, в руки не сдается. Тогда он сказал сыну:

— Но, как ты поставил, так доставай теперь ее, как хочешь.

И подтолкнул своего сына ближе к силу. Когда он подтолкнул его ближе, то этот паренек берет ее. Она ему далась. Распутал он и полóжил в кошель. Они пошли дальше, остальные силья похожать. Пока они похожали, их затянуло долго, уже стало тёмно. Когда стало тёмно, то, несмотря на то, что жар-птица была в кошеле, она освещала им путь, как днем. И они пришли домой. Когда они пришли домой, старик котóро рóспродал, котóро для себя оставил и говорит старухе:

— А куда мы эту жар-птицу кладем? Мы, конечно, для себя ее не оставим, а кому-ни продаем. Может, за нее побольше дают.

Тогда старушка согласилась:

— Да, старичок, надо ее нести в город и там сдать купцу или прямо нести к царю. Пожалуй, неси прямо к царю, может быть он купит.

Вот этот старик полóжил птицу в мешок, сын ему помог, и пошел в город, прямо к царю понес птицу. Приходит он к царскому дворцу на двор. Тут же спросили его придворные:

— Дедушко, куда ты идешь?

Дедушко отвечает:

— А я иду прямо лично к царю и хочу предложитъ ему жар-птицу, может быть он ее у меня купит.

Тогда придворные его проволи к царю. Он пришел, поклонился:

— Здравствуйте, ваше величество.

Потом говорит царь:

— Ну, что скажешь, дедушко, зачем пришел?

Он ему отвечает:

— Может быть не желаете ли, ваше величество, купить у меня птицу; она мне попалась в силó.

— Ну, тогда покажи.

Начинает старик трясти из мешка. Когда вытряс, то так все освétилось, что переменяло все царство от этого света.

Тогда сказал царь:

— Ну, дедушко, дак сколько тебе надо за эту птицу, я столько тебе и даю.

— Я не знаю, ваше величество, а что дайте, как ваша милость будет, я то и возьму.

Он и говорит:

— Ну, дедушко, я вот тебе даю два анкирька золота да каменный дом; довольно будет?

Дедушко отвечает:

— Большое спасибо, ваше величество, сколько дайте — я доволен буду.

Сразу же царь приказал министру открыть подвал, дать дедушку золота и лошадь, перевезти золото и дом. Вот это все было сделано. Министр повел его, и когда он все получил, приехал, выложил дом и побежал к своей старухе (*сначала успокоим старика, а потом пойдём дальше*), приходит к старухе и говорит:

— Ну, теперь мы, старушка, разбогатели. Пойдемте, бросайте этот дом, сынок, и пойдемте в новый. На наш век и того хватит, и хлеба, и всего — теперь без нужды жить станем.

Вот они приходят, конечно, в каменный дворец, заходят туда. Старичок и старушка прожили до глубокой старости. Сын потом женился. Теперь эта часть кончилась. Их оставим — перейдем к царскому сыну.

Когда этот царь получил птицу, он отвел ей особую комнату и стал сам ее кормить, что только она желала и что сам ел. И не доверял ключей от этой комнаты никому, чтобы ее никто не выпустил. Вот в одно прекрасное время и говорит жене:

— Но, жена, я теперь поеду во все государства и соберу пир. На пирю покажу эту жар-птицу. Пусть обценят все, сколько она будет стоить. Ее никто не видал. — И добавляет еще: — Вот, жена, я ключи от этой комнаты доверяю тебе. И ты их никому не давай, чтобы птица была сохранна.

И сам уехал по всем государствам повещать про эту птицу и собирать на бал. Пусть посмотрят, а он ее покажет. Он уехал, а у него был сын. Звали его Ванюшей. Он все бегал, играл на улочке. И случилось ему увидеть в окно эту жар-птицу. Когда он увидал, то жар-птица заговорила человеческим голосом:

— Ну, Иван-царевич, выпусти меня отсюда, я тебе пригожусь. Я отплачу тебе за это, чем только ты пожелаешь.

Он и говорит:

— Вот что, жар-птица, как же я тебя отпущу: у меня нет ключей, и я не знаю, где они есть. Мне тебя, пожалуй, не отпустить будет.

— Так слушай, Иван-царевич, если ты желаешь меня отпустить, то я тебя научу, как это сделать. Вот сейчас же иди к матери и попроси, чтобы она у тебя поискала в голове. А в это время отвяжи ключ. Зайдешь в комнату, открой окно, и я улечу. А потом опять попроси поискать в голове, и привяжешь ключ на место.

Вот он сразу же приходит к матери. А как он был единственный сын, она его всегда потешала. Подошел и говорит:

— Мама, у меня что-то сегодня в голове чешется, поищи в голове.

— Да что, ложись на колени, я поищу.

А в это время, когда она искала, он отвязал ключи. Вот она кончила. А он кряду же пошел в эту комнату. Приходит, открывает замок, открывает дверь и открывает окно. — Вот теперь лети, жар-птица, не обижайся на меня, что я тебя не отпустил.

Она села на окно, растянула крылья и говорит:

— Но, Иван-царевич, оставь окно поло на шесть часов: если я не могу высоко подняться, я снова прилечу сюда через шесть часов, и ты тогда закрой окно. А если не прилечу, тоже закрой.

Он через шесть часов приходит, а она уже прилетела обратно.

— Но, Иван-царевич, я только могла подняться третью часть. Подержи меня еще трое суток, а тогда выпустишь.

Он закрыл комнату и пришел к матке. Она опять поискала у него в голове, и он привязал ключи. И прошло трое суток. Опять же он подходит к матери:

— Поищи, мама, опять у меня что-то зачесалось в голове.

А она не знала хитрости сына и говорит:

— Ну, ладно, сынок, ложись.

И стала искать. А он в это время опять же отвязал ключи. И она кончила только, он и пошел. Приходит в эту комнату и открывает комнату и окно. Жар-птица ему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, теперь продержи восемь часов окно, будё я не прилечу через восемь часов, то я могу подняться и улечу.

Он, когда отпустил, ушел домой, оставил окно по́ло. Пришел через восемь часов, она сидит уже в комнате и говорит:

— Ну, Иван-царевич, я сегодня поднялась уже больше половины, а мне надо подняться, чтобы скрыть всю землю, тогда только я могу улететь в свое царство. Теперь ты держи меня шесть суток и корми.

Прожила она еще шесть суток, а уж он матери ключи привязал. Прошло шесть суток, он опять пришел к матери:

— Но, мама, поищи у меня еще в голове, видно, опять что-то завелось, а уж потом я не буду приневоливать.

Вот она кончила искать. Он взял ключи, пошел, открыл окно. Она ему и говорит:

— Но, Иван-царевич, если я не прилечу через девять часов, то я улетела, значит. А там, когда тебе будет нужда, то спомни меня.

Прошло девять часов — и нет жар-птицы. Он сейчас закрыл окно и заложил эту комнату. Сам пришел к матери:

— Ну, мама, поищи еще раз.

Она поискала, и в это время привязал ключ на место.

Не через долго приезжает царь. И начали из разных государств собираться цари и также короли, князья и бояра. Когда только собрались, то царь пришел в эту комнату, где была жар-птица. Уж ее и нет, только осталось одно перо небольшое. Тогда приходит и говорит: — Но, жена, сказывай, кто был в комнате и отпустил птицу, а то сейчас казнить буду. У меня собрались со всех государств цари и короли и бояра, а показать нечего — я как будто их обманул.

Жена отвечает:

— Ну, муж, что хошь надо мной делай, а я не знаю, куда она делась. Я ее навещала сама только раз в сутки и ключей никому не давала.

Тогда подошел сын. Видит заплаканную мать свою. Ему стало жалко.

— Батюшко, это все есть вина моя. Я отпустил жар-птицу, делай со мной, что хошь, но матери моей напрасно не тревожь!

Потом он ему и говорит:

— Дақ слушай, сынок, как ты смел отпустить; а ты, жена, как смела ему дать ключи?

— Нет, папа, она мне ключей не давала, а я взял эти ключи сам; уж как там ухитрился — это мое дело, а мама мне ключей не давала. Когда жар-птица стала проситься, она меня и научила, как отвязать у мамы ключи, и я так и сделал: попросился поискать в голове и в это время отвязал ключи и выпустил птицу. И таким же манером привязал обратно на место, она про это и не знала. А теперь делай со мной, что хошь.

— Ну, коли так, ты сделал такое преступление, я тебя буду казнить.

Мать еще पुще заплакала. Тогда царь сказал:

— Ну, ладно, иди на обсуждение ко всем царям и королям, они тебе скажут наказание.

Пошли, и он захватил с собой это перо. Когда он привел, и говорит:

— Вот, товарищи, мой сын, и он сделал такое преступление: выпустил жар-птицу, только осталось от нее перо.

И он выложил это перо на стол.

— Я его хочу казнить. Какое вы выносите ему приговор?

Они ему и отвечают:

— Ваше величество, вы, как сами знаете, что царского рода не казнят, не вѣсят, а только можно выслать на все четыре стороны, но не снимать у него царского звания — это только есть наше такое решение.

Тогда он сказал сыну:

— Ну, сын, сейчас же уходи из царства, куда знаешь, и никакого тебе не будет надеда. Уходи, в чем стоишь.

Мать сильно, сильно заплакала, — так ей было жалко своего сына. И заговорила она:

— Слушай, как ты отец своему сыну, так куда он теперь пойдет без лакея да без лошади? Все-таки попервости он не один пошел бы хоть.

Тогда царь приказал отыскать самую худую лошадь в конюшне и дал лакея. Звали этого лакея тоже Иваном.

И так они отправились на лошади: Иван-царевич и лакей Иван. Этот царь остался со своими царями и королями, и только так они ему поверили, что у него было перо от этой жар-птицы. И вот когда у них отошел пир, они все разъехались по своим странам.

Теперь уж пойдём за Иваном. Вот этот Иван-царевич попадает со своим лакеем. Далеко ли, близко, все едут и едут. Вот они ехали, ехали, а потом утомился ихний конь, упал на дороге, и им пришлось бросить его и идти пешеходом. Долго они шли по дороге. Ну, ведь царевич молодой, дак не может идти так быстро, как лакей, а все-таки поддерживается. Вот они шли-шли, потом подходят к колодезю. Иван-царевич и говорит:

— Но, давай этта остановимся, подзакусим и поотдохнем.

Колодец был очень глубокий, а Ивану-царевичу хотелось пить. И он и говорит слуге:

— Ну-ко, слуга, спустись в колодец и достань мне воды.

А этот слуга и заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, если я опущусь, так тебе меня не вы́здынуть будет, а лучше ты спустись, нам легче будет.

И вот он, конечно, не переменил слова его. Слуга привязал пояс к нему и спустил в колодец. Когда он напился, и говорит:

— Ну, так, Ванюша, здымай теперь меня обратно, я напился.

А он ему и говорит на ответ:

— Нет, Иван-царевич, я тебя обратно здымать не буду. Если отдашь мне царскую одёжду, да будешь служить у меня лакеем Иваном, а я буду Иваном-царевичем, дак тогда вы́тяну, а иначе оставайся в колодеце.

Он тогда сказал:

— Ну, уж буду служить тебе лакеем и отдам царскую одёжду.

И клянется ему всем на свете. И вот так он вы́тянул его. Иван-царевич не переменил слова своего, кряду же стал раздеваться и отдал ему свою одёжду, а сам надел лакейское платье. И так они пошли дальше. И идут, и идут себе и не через долго приходят в одно царство. Когда они пришли только в царство, то сразу идут к царю во дворец. Там видят, что идет чей-то царевич, и встречают его с радостью. Расспросили царевича, как его звать. И он все обсказал им: что он такого-то государства есть Иван-царевич. Тогда говорит царь:

— Ну, Иван-царевич, куда прикажете своего лакея класть, на какую должность или что с ним будете делать?

Он отвечает:

— Ваше величество, нет ли какой-нибудь работёнки ему, хоть бы куриц пасти, ли может каким-нибудь пастухом. Я на то согласен, чтобы он не возжался без дела тут.

Отвечает ему царь:

— Вот что, Иван-царевич, нет у нас такого дела, чтобы куриц пасти, либо другое что, а вот есть у нас триста зайцёй, так может ли он их пасти, чтобы не растерять? И пасти их нужно три года. И когда он будет пасти, в течение трех лет хошь одного потеряет, то он за это будет наказан.

— Ну, он может пасти.

Итак, отвели ему комнату. На второй день сдали на́ руки этих зайцёй. Он сосчитал их, конечно, и выгнал пасти в первый раз (*каждый выгон — год, к году должен всех пригонить*). Выгнал он их за город и погнал в лес. И вот только что выгнал их в лес, зайцы увидали кусты и разбежались кто куда. Он целый день бегал, бегал за нимá и ни одного не мог и на глаза схватить. К вечеру он и думает: «Вот я теперь попал на смерть».

Увидал большой камень, пал на него и заплакал. И до того заплакал, что лицо опухло у него от слез. Потом и вспомнил: «Ох, хоть бы жар-птица мне помогла!»

А это было дело ночью. И вдруг он вскинет глаза и смотрит: стает солнце. И это солнце стало ближе и ближе. И не солнце, а прилетела к нему жар-птица. Прилетела и говорит:

— Что ты плачешь, Иван-царевич, садись на меня и полетим ко мне. Все твои зайцы будут спокойны, только садись на меня.

Она посадила его на себя и полетела. И поднялась настолько высоко, что он худо и землю видит. И вдруг прилетает к высокой горе. Гора разошлась на две части, и они залетели в эту гору. Смотрит Иван-царевич, а там большое царство и такое богатое, что кругом только золото да серебро. Они зашли в дом. Жар-птица посадила его за стол.

— Теперь я у ты ничего не буду спрашивать, Иван-царевич, пока ты не поешь, не поешь.

И сама ушла. Не через долго приходит царь:

— Ну, здравствуй, Иван-царевич, что желал, то и получил. Я не птица-жар, а я есть царь этого государства. Ты знаешь, как судьба затянула меня в ваше государство:

я был на войне по соседству с вашим царством и обессилел совсем и попал в силó. И только у тебя поправился до прежнего положения и за то, что ты меня выкормил и выпустил, я все тебе отомщу, что пожелаешь. Вот теперь поживи у меня дней шесть, потом я тебя поведу к моей старшей сестре. И ты там пробудешь, одиннадцать месяцев проведешь, будто один день, и все печали и горести свои ты забудешь.

Вот он прожил шесть дён. Ему показалось за шесть часов. Исполнилось шесть дней, тогда царь позвал его к своей старшей сестре. Привел к сестре и говорит: — Вот, сестра, угощай Ивана-царевича, чем он только желает, и проси его, что он от тебя хочет. Держи его одиннадцать месяцев, а потом представь ко мне.

Она его с радостью приняла, Ивана-царевича, и стала его поить-кормить, угощать и ублажать. И у него пошла такая счастливая жизнь, что эти одиннадцать месяцев показались за одиннадцать дён. И вот на одиннадцатый месяц она у него стала спрашивать (*раньше-то и не спрашивала ничего*), когда оделась в самую дорогую одежду, и спрашивает его:

— Ну, Иван-царевич, скажи, чем мне отомстить, отплатить за моего брата, скажи только, что пожелаешь, я тебе всего даю: бери, Иван-царевич, золота, сколько тебе надо, бери сёребра, бери жемчугу, камнейев самоцветных, бери только, что тебе надо.

Но он от всего отказался:

— Ничего мне не надо.

— Ну, уж коли ты ото всего отказываешься, то возьми от меня хоть скатерётку-хлебосолку, как ты живешь при царстве бедно, так не отказывайся, она тебе пригодится.

Он берет эту скатерётку-хлебосолку, и она еще ему сказала:

— Когда ты придешь домой, наложь ей на стол, и тебе всего будет, сколько надо. Не думай, что оно убудет, это будет навсегда.

И кряду же она представила его своему брату после этого. Когда она представила его к брату, то сказала:

— Ничего, братец, Иван-царевич за тебя выкупа не берет, только дала я ему одну скатерётку-хлебосолку, больше ничего не взял.

— Ну, ладно, и на том спасибо, сестра, — отвечал ей царь.

После этого она распростилась и ушла. Вот и говорит этот царь:

— Иван-царевич, ведь завтра уж год, как ты у нас живешь.

(Вот провел время-то скоро!)

— Да, Иван-царевич, я теперь тебе даю гармошку и унесу к городу. Ты заиграй в эту гармошку, и твои зайцы все, как один, найдутся; только пусть считают — ты ни об чем и не думай.

Сейчас же он обернулся жар-птицей, посадил его на спину и поднялся. Поднялся так высоко, что всю землю скрыл. И скоро представил его в это царство. Сам улетел, а Иван-царевич пошел с этой гармошкой в город. Подошел только к городу и заиграл в гармошку. Смотрит, а со всех сторон один за одним бежат эти зайцы, только считай. Вот открыли ворота и начинают считать. Когда сосчитали, то все зайцы были полностью. И до чего эти зайцы были хороши, доложили царю, что вышли они такие гладкие, да хороши. Когда царь пришел, посмотрел и говорит:

— Ну, этому пастуху надо дать самую хорошую пищу, такую, какую мы сами едим, — и потом еще добавил: — Можешь теперь трои сутки гулять и отдыхать, а потом снова погоишь.

И вдруг приходит этот Иван — Ивана-царевича лакей, как Иван-царевич, — и говорит:

— Какую ему хорошу пищу? Дайте ему хлеба да воды, больше ему ничего не надо.

Тогда Иван-царевич, конечно, ничего не сказал, приходит в свою комнату. Принесли ему хлеб и воду. Он взял хлеб нищим отдал, воду вылил в рукомойку, а сам развернул скатерётку-хлебосолку. Ну, тут ему, конечно, было что пить-есть. Вот стал есть. Поел и раздёрнул свою гармошку, и так стал играть, что собрались все придворные смотреть. Услыхала и царская дочь и говорит своим нянюшкам:

— Нянюшки, мамушки, кто это так хорошо играет? Пойдемте, мне надо посмотреть. Я такой игры еще не слыхала в нашем государстве.

Те, конечно, не могли отказаться, пошли с ней. Идут по двору, на эту гармошку и подошли к той хижинке, где сидел Иван-царевич, играл. Она приказала служанкам открыть дверь, и все они зашли вместе в эту избушку. Иванушко сидел и играл на гармошке, а перед ним стояла скатерётка-хлебосолка. Вот, когда она пришла и поздоровалась:

— Здравствуй, пастушок, давно ли ты у нас пасешь зайцев?

Он говорит:

— Год, скоро придет другой. Вот что, ваше высочество, не угодно ли со мной садиться за стол со своимá нянюшками?

Но, она не могла отказаться, потому что у них и в царстве не было того, что стояло у него на столе. Тогда они сели за стол, а Иванушко стал играть на гармошке. И так она его слушала, что думала, прошло всего два часа, а меж тем уж прошло два дня, и она все сидит за столом вместе со своимá нянюшками.

И вот эти нянюшки стали говорить:

— Слушай, прекрасная царевна, не время ли нам итти прочь, потому что время, наверно, уж много.

Потом она встала на ноги.

— Да, пожалуй, пойдём.

Попрощались с Иванушком и пошли во дворец. Отцу про это ничего не сказала и не велела нянюшкам говорить, запретила. Сама про себя и думает: «Ежели удастся еще раз итти, я не возьму с собой нянюшек. Наверно, он мне скажет, кто он такой есть; уж не простого звания, коли имеет такие вещи за собой» — стала догадываться.

Вот прошло три дня, надо Ивану опять выгонять зайцев своих в лес. Он закрыл комнату, пришел к воротам, сосчитал зайцев и погнал. Гармошку взял с собой. Выгнал только до лесу, смотрит, зайцы все одни по одному стали теряться, и все потерялись, никакого он больше не видит. Пришел уже вечер. Он приходит к этому камению и думает: «Ну, ладно, теперь я сыграю в гармошку, наверно, мои зайцы найдутся».

Начал в гармошку играть. Но его все труды даром пропали. Сколько он ни играл, ни одного зайца больше не видит. Играл, играл, лег потом на этот камень и горько заплакал: «Что теперь мне делать?»

Вот немного поплакал, скинул глаза, видит — стает солнце; сам думает: «Нет, это не солнце, не что иное, как это жар-птица». И видит: все ближе и ближе, и, наконец, она к нему прилетела.

— Ну, что, Иван-царевич, плачешь? Наверно находишься в худом положении? Садись на меня!

— Да что, как не плакать, растерял всех зайцев. И играл, играл на гармошке, а ни одного не вижу.

— Да тебе и не увидать будет, лучше садись на меня и полетим в мое царство.

И так он сел на жар-птицу, и полетели. Сначала понесли так высоко, что скрылась земля. Потом прилетели в еиное царство. Опять раздвоилась гора на две части, и они залетели туда. Завел он его к себе в дом, напоил, накормил и говорит:

— Вот, Иван-царевич, живи ты у меня сутки, а потом я тебя поведу к моей средней сестре. И также проживешь ты у нее одиннадцать месяцев. И она тебе даст, что ты пожелаешь, за то, что выпустил меня.

Так он и сделал. На второй день повел его к средней сестре и все обсказал, как и в первый раз.

— Здравствуй, сестрица, вот я тебе привел Ивана-царевича. Пой его, корми, сама знаешь, за что, и сделай все, что он пожелает.

И сам ушел. Да, вот он и живет, и живет так весело, что и сам не знал, как прошло одиннадцать месяцев, как одиннадцать дён.

Вот после одиннадцати месяцев эта сестра оделась тоже в самую дорогую одёжду, а она еще красивее была первой, и спрашивает его:

— Ну, скажи теперь, Иван-царевич, что тебе надо за спасенье брата? Скажи правду, ты еще сейчас молодой, мысль твоя может ходить на все!

Больше дальше она говорить ничего не стала. Он и говорит:

— Слушай, прекрасная, мне ничего не надо.

— Ну, бери мешок золота, бери мешок серебра или жемчугу.

— Нет, мне ничего не надо. Мне первая сестра и так подарила много.

— Ну, смотри, больше у меня дарить нечего.

Потом уходит в одну комнату и приносит плеточку.

— На, Иван-царевич, это тебе пригодится в первую очередь. Когда ты придешь ко дворцу и у тебя не будет заицёв, ты как только придешь, то ударь по дороге три раза крест-накрест и увидишь, что будет: они побежат один за одним, только кричи, чтобы ворота отворяли да их считали. Теперь пойдём к брату, ты уж прожил у меня одиннадцать месяцев.

Берет его за руку и повела к брату. Привела к брату и говорит:

— Ну, братец, Иван-царевич никакого подарка от меня не взял, я только подарила ему плеточку; я знаю, что ему пригодится эта штука, когда будет собирать зайцев.

— Ну, ладно, сестра, хоть ты и это догадалась ему дать.

Тогда она попросилась с Иваном-царевичем и вышла домой. После этого он ему сказал:

— Ну, Иван-царевич, на завтрашний день я тебя снесу на старое место, а сегодня ночуй еще ночь и слушай, что я тебе скажу: в этот раз я тебе не дам ничего. Если дать тебе силу богатырскую, так мне тяжело будет нести тебя. И в этот раз также не укажу тебе, где конь богатырский и латы, и меч-кладенец, — это все обскажу, когда ты будешь у меня третий раз. Все равно не миновать тебе третьего раза побывать у меня.

Когда ночь переспал, утром встали, и он опять обратился в жар-птицу и унес его. Прилетел к царству, опустил его и сказал:

— Ну, вот, сестра дала тебе плеточку и сказала, как с ней обращаться, так ты и делай.

И сам улетел.

Он пришел к самому городу и начал плеточкой ударять. Раза три ударил крест-накрест и смотрит: зайцы бежат, как вину выют. Он закричал:

— Отворяйте ворота, считайте зайцёй!

Сейчас же открыли ворота и зачали считать. Все были зайцы налицо. И такие были тельные, как налитые, и выросли почти в два раза. И кряду же долбжили до царя. Как царь пришел, посмотрел зайцёй и говорит:

— Ну, у меня таких пастухов не бывало. Надо этому пастуху дать такую пищу хорошую, какую едим сами. Теперь тебе, Иван-пастушок, дам четыре дня отдыху: гуляй!

День прибавил в этот раз. В это время выходит Иван-царевич и говорит:

— Моему пастуху Ивану ничего не надо, только давать коврижку хлеба да воды.

Вот опять ему принесли хлеба и воды. Хлеб он нищим отдал, а воду в умывальник вылил. Развернул скатерётку-хлебосолку, позакусил и взял раздёрнул гармошку. Так занграл, что все царство развеселил. Когда услышала царевна Александра, она ничего не сказала своим нянюшкам, а прямо убежала к своему пастуху Ванюшке. Прибегает, дверь отворяет. Он кряду и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, садитесь со мной кушать!

Она сейчас села с ним за стол. Второй-то раз так, брат, и посмелее, а в досталь одна пришла, так!

— Скажи, дорогой мой Ваня, наверно, есть ты не простого рода? Скажи всю правду, откройся, может быть будешь ты тогда счастливый.

Он и говорит:

— Да, прекрасная царевна, я бы хотел узнать, как вас звать по имени?

— Меня зовут, Ваня, Александрой-царевной.

— Спасибо, что сказала.

Потом он наливает по кубку меду и говорит:

— Вот, прекрасная царевна Александра, выпей этот кубок, тогда я скажу, а раньше ничего тебе говорить не буду.

Она с радостью взяла кубок в руки и говорит:

— Давай, Ваня, выпьем, хотя я и не пивала, ну, уж послушаю, выпью.

Они кóгнулись и выпили.

— Ну, скажу теперь тебе, Александра-царевна, только ты никому не говори до тех пор, пока это время все не обойдется. Да, и вот слушай: я, конечно, правда, Иван-царевич есть, а он мой слуга, лакей. Когда я спустился в колодец напиться, он не хотел меня здымать обратно, и я таким манером отдал ему свою царскую одёжду и стал на его место, а он на мое. И теперь я пасу уже второй год в вашем царстве зайцёй. И еще скажу, из-за чего я выслан из своего царства: а выслан я из-за того, что выпустил у багюшка жар-птицу. И вот через это мне сейчас помогает жар-птица и дарит, что я захочу. Но только ты про это не говори ничего никому, чтобы не знал об этом мой лакей, а ваш названный Иван-царевич.

Теперь она и говорит ему:

— Ну, ладно, Иван-царевич, я все равно за него замуж не пойду, а пойду за тебя.

Снимает с руки перстень и дарит ему:

— Вот мой перстень — бери и считай меня своей.

Вот уж проходит три дня, а она все сидит с ним, а он играет на гармошке, утешает ее.

— Ну, теперь, прекрасная Александра-царевна, вам надо идти, а мне завтра надо гнать зайцёй пасти.

И вот, когда она ушла домой, она стала больше и больше думать об Иване-царевиче, но, конечно, молчала и таила

это про себя. На четвертый день он таким же манером выходит и начинает зайцёй считать, и когда сосчитал их, погонёл. И вот только выгнал их к лесу, как зайцы все разбежались, и он их и не видит (*худо зайцёй пасти!*). Он сперва гонялся, гонялся и потом говорит:

— А что мне гоняться, у меня есть и плеточка.

Провел время до вечера и стал плеткой этой по дороге крест-накрест ударять. Но сколько он ни бился, не видать зайцёй. Вот обиделся, сел на камешок и заплакал: «Ну, если мне жар-птица не поможет в последний раз, теперь мне придет крах».

И вот немного поплакал, смотрит, как будто огонек издаleká горит. «Ну, это, наверно, не что иное, как жар-птица летит мне помогать». Огонек все ближе и ближе. И так прилетела она к нему и говорит:

— Полно, Ваня, плакать, садись на меня, полетим!

И вот он сел на нее, и они поднялись и полетели. Гора опять разошлась, и они залетели в царство. Завел его в дом, посадил за стол, напоил, накормил и говорит ему: — Ну, Ваня, живи у меня сутки. А я тебе все подарю то, что я обещался, а потом поведу к младшей сестре.

Прожил он у него сутки, а на вторые повел он его к младшей сестре. Привел когда, и говорит:

— Вот, сестрица, привел я тебе Ивана-царевича, угощай его. Дай ему все то, что он захочет. Ты сама знаешь, он молод, и дари, чем можешь.

Она сейчас уходит и оделась в такую дорогую одёжду, и приходит. Те две сестры были красивы, а эта еще краше. Она сразу Ивану понравилась. Когда она пришла, села рядом с Иваном и начала говорить:

— Ну, скажи, Иван-царевич, скажи, что ты желаешь за избавленье моего брата? Надо ли тебе золота, сёребра, одним словом, чего только пожелаешь? Я все отдам тебе, ничего не пожалею!

Он все сидел, молчал и глядел на нее. Он, конечно, отказался от золота и от сёребра и сказал:

— Мне ничего не надо. Уж ты, наверно, сама знаешь, прекрасная, что мне надо, — наконец сказал.

Она сразу смекнула.

— Слушай, Иван-царевич, ты молод, может быть хощь жениться, я могу найти для тебя и невесту, какую только пожелаешь.

Она вспомнила туг слова брата. Теперь он взглянул на нее. У него сердце так и обрадело. «Что, если я возьму ее замуж?»

Но ей ничего этого не говорит, думает еще про себя только. А потом вспомнил Олександру-царевну, которая ему обещалась и от которой у него был перстень, и сказал ей: — Нет, прекрасная царевна, я еще молод и жениться еще мне рано, а может быть ты в чем-нибудь в другом мне поможешь?

Тогда она немного подумала:

— Чем же я тебя буду дарить, такого дорогого гостя?

Ушла потом в другую комнату. Принесит одёжду и сказала:

— Ну, на, Иван-царевич, скинь свою одёжду и надень эту, а сверху опять надень свою и не показывай никому этой одёжды. Такой одёжды ни у кого нету. Я послала ее для своего мужа, но уж теперь возьми ты за спасенье моего брата, у меня все равно ничего не вышло (*не открывается ему прямо, а намеки дает*).

Иван кряду же разделся, эту одёжду надел, а свою наверх. В это время уже прошло одиннадцать месяцев. Потом она ему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, пойдём к брату, он тебя там еще будет дарить.

Взяла его за руку, поцеловала и говорит:

— Ну, не удалось мне с тобою жить, уж коли сам отказался, — тут она уж ему покаялась.

Привела к брату и говорит:

— Вот я тебе привела Ивана-царевича, ну, только подарков он никаких от меня не берет. Только я ему подарила ту одёжду, какую ты сам знаешь.

— Ну, ладно, спасибо, сестра.

Она распростилась и ушла. А тогда подошел царь.

— Ну, скажи, Иван-царевич, скучно ли тебе было? Ты прилетал к нам три раза и жил у нас три года, скажи правду.

Он говорит:

— Нет, ваше величество, мне было жить не скучно. Эти все три года мне, может быть, показались за три дня.

— Ну, хорошо. Я для тебя все дорогое хотел отдать, но ты отказался сам. Конечно, без этого жить ты не станешь, но уж раз ничего не вышло, так не будем говорить.

Сестра шла на все уступки, но ты сам отказался (ему хотелось женить его на своей сестре, да не вышло), ну, а теперь, что обещано, я буду говорить, слушай, Иван-царевич. Вот тебе, Иван-царевич, как придешь домой, царь даст пять суток отдыха. На шестые сутки царю падёт несчастье — выстанет из озера змей и будет просить человека каждый день на съедение, и потом присудят царскую дочь вести к нему. Первый змей будет шестиглавый, а их всех три: шести-, девяти- и последний — двенадцатиглавый. Шесть и девять — ты с ними легко справишься, ну, а с двенадцатиголовым тебе будет трудно. Первые десять голов ты легко снесешь, а последние две головы придёт очень трудно. Будете биться вы двоим сутки с ним. И вот на вторые сутки спомни меня. Как будет ставать солнце, ты ему скрычи: «Смотри, проклятое чудовище, дом у тебя горит!» Он оглянется, и тогда только у него отрубишь последние две головы. Смотри, не затягивай на третьи сутки, а то он тебя убьет. — Теперь и говорит: — Вот тебе, Иван-царевич, две бутылочки: из одной выпей рюмочку, из другой — две. Только сейчас не пей. Выпей, когда это будет тебе надо. И вот ты, на котором камени лежал, плакал, помнишь этот камень?

— Помню.

— Так вот, под этим камнем есть конь богатырский и латы, и меч-кладенец. Ты из бутылочек как выпьешь, так легко этот камень отвернешь.

И вдруг он приносит ему рожок.

— Вот, Иван-царевич, тебе этот рожок, как в него сыграешь, то все эти зайцы соберутся. А теперь садись на меня, и я тебя унесу. Мы распростимся, и ты не увидишь меня больше никогда. Только не забудь, что я тебе сказал.

Затем он посадил его себе на спину, и полетели. Принес он его в это царство, еще раз подал ему руку и сказал: — Помни мои слова!

После этого сам скрылся. Вот, конечно, подходит к самому царству. Сыграл раз, другой в этот рожок, — смотрит, а зайцы бежат, что вода льется.

— Открывайте ворота, считайте зайцёй!

Кряду же открыли и стали считать. Сосчитали и говорят: — Но, Иванушко, ты, значит, работу свою кончил!

Потом доложили царю, что зайцы все налицо и здоровы и тельны.

— Такого пастуха мы еще не видали, а живем давно в своем царстве.

Вот когда посмотрел царь своих зайцев, и говорит:

— Но, молодец, Иванушко, кончил свою работу хорошо, надо тебя кормить теперь самой лучшей пищей и отдыху даю тебе пять дён.

Но опять же выходит этот названный Иван-царевич и говорит:

— Кроме хлеба и воды, ему не надо ничего давать, он и дома это только ел.

Ну, а ему и не надо, не нуждается он в ихней пище. Вот заходит он в свою комнату, а уж принесли воду и хлеб. Хлеб он отдает опять нищему и воду выливает в ракушку. Потом умылся, раздел сверху свою одежду, сел за стол и взял в руки гармошку. Как услышала царица эту игру, у нее сердце здрогнуло, и она кряду побежала к Ивану-царевичу. Как она пришла в избу, как увидела Ивана-царевича, уж совсем в другой форме. И до чего он стал красивый и румяный и весь переменялся. Известно, в хорошую одежду ступи наряди, и та будет хороша, а не то человек, да еще в досталь молодой. И одежда на нем, даже оценить невозможно. Она совсем такой не видала в своем государстве. Она не стерпела и бросилась ему на шею.

— Милый Иван-царевич, делай со мной, что хошь, а я на все согласна!

И вот он, конечно, обнял ее, прижал к себе и сказал: — Ну, так и быть, прекрасная царица, будем жить, пока живется.

И они легли спать, недосуг в гармошку в этот раз играть, и прожила она у него целых два дня. Он ей и говорит:

— Слушай, прекрасная царица, теперь пора тебе идти, а то если кто узнает: царь ли, кто из прислужных, что ты здесь, то мне будет худо, хотя я и не боюсь, да и тебе нехорошо.

Ей было очень жалко, но уж надо идти. Когда она пришла домой, то служанки спрашивают:

— Где вы ходите, ваше высочество, — уж отец вас спрашивал.

Знает она ответ сказать, но надо учить, кто на что пойдет, так!

— Я была у одной княжны, у своей подруги, приглашена была на банкет, и там меня затащило очень долго.

Тем и кончилось. Вот прошли сутки. Нетерпится ей, надо сбегать посмотреть Ивана-царевича опять. И убежала. Приходит к дверям, колонула. Он открывает двери, уж знает. И кряду бросилась ему на шею и давай его целовать. Пожила с ним опять сутки, он ей и говорит:

— Теперь ты пооди домой, прекрасная Александра. Ньм скоро не увидаться, потому что в городе будет несчастье, но все-таки ты будешь моя, как у нас сказано, так и будет.

Она пришла домой, а на пятые сутки приходит посол из озера и требует каждый день по человеку на съедение шестиглавному змею, а то царскую дочь за него замуж. И пригрозил, что если сам придет, так все царство разорит. Царь сильно задумался:

— Что, если по человеку он в день будет пожирать, то все царство прижрет и все равно и дочь возьмет.

И присудили лучше отдать дочь сразу в замужество. Тогда царь пишет такой доклад

«Если кто найдется, спасет мою дочь, тому будет она отдана в замужество и полцарства, а впоследствии он будет поставлен на царство».

Тогда подходит этот Иван-царевич, который находился у них.

— Ваше величество, позвольте, я вам слово скажу.

— Ну, говори, Иван-царевич.

— Вот, ваше величество, я хочу спасти вашу дочь и на ней жениться, только дайте мне коня и припасы все.

Царю это очень понравилось. И все это было снаряжено в одни сутки. Ему был конь и доспехи, а царевну посадили в черную карету, и они отправились кряду же к озеру. Но, а Иван-царевич все это дело слышал и знал. Берет эти две бутылочки и пошел к этому камню. Приходит, распечатал эти бутылочки и выпил из одной рюмочку, из другой две. И почувствовал в себе такую силу необыкновенную, что сам удивился. И как подошел, этот камень снял, как будто шутя. Отвернул, и спускается туда. А там стоит конь вороной, и повешена сбруя вся: латы висят и меч. Он сейчас выводит коня, оседлал его, конечно, обуздал. Надел латы богатырские, опоясал меч и вскочил на коня. Едет и видит, что Иван-царевич тоже едет, но он ему ничего не сказал, проскочил, словно молния, мимо

него и обогнал также и царевну. Подъехал к озеру и поёзживает. И только подъехала эта царевна, сразу заставала вода до шести раз. На седьмой раз выскакивает змей и говорит:

— Фу-фу, какой царь милостивый, я ждал одну царевну, а он мне дает вместе с Иван-царевичем, вот я и пообедаю.

А Иван-царевич ему на ответ:

— Не хвастай, поганое чудовище, обедом, может, подавишься, сперва испытай, а потом и хвастай!

А он и говорит:

— Но, чем спорить, так давай, поедем воевать.

Только съехались в первый раз, Иван-царевич отрубил ему три головы. Другой раз съехались — отрубил змею и остальные три головы, потом отрезал языки, склад в карман и приехал к царевне. А царевна не узнала его и стала спрашивать:

— Скажи, добрый витязь, кто ты есть, хоть я тебя потом где узнаю.

— Так что, Александра-царевна, скоро ты забывать стала, как не узнала Ивана-царевича.

Она прибежала кряду к нему, обняла и стала плакать.

— Ну, не плачь, прекрасная царевна, мне надо ехать. А ты никому про меня не говори, все равно еще два раза мне надо тебя спасать.

Сам вскочил на лошадь и уехал в лес к тому названному Ивану-Царевичу. А тот ухоронился в лес, чтобы хоть его-то не съел змей. — Спаситель тоже!

Как только увидал, что едет этот богатырь, то кряду стал спрашивать и узнал, что он есть Иван-царевич. Вот он стал говорить:

— Слушай, Иван-царевич, стойся минутку, я с тобой заговорю. Отдай мне, Иван-царевич, языки, а бери с меня, сколько тебе надо денег или чего ты пожелаешь.

Он говорит ему:

— Ты ведь сам знаешь, что они не продажины, а оветны.

— А что за овет?

— А вот по пальцу с ноги и по пальцу с руки даешь, вырежу, — тогда бери.

Он согласился, дает ему руку, он обрезал ему ножом палец с руки и палец с ноги; отдал ему языки, и сам уехал. А названный Иван-царевич приехал к царевне и сказал:

— Слушай, если скажешь, что не я убил змея, то я теперь убью тебя саму!

Она ему и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, я согласна быть твоей женой и никому не скажу, что не ты убил змея.

Вот они поехали в царство. А Иван-царевич тем временем приехал к тому камению. Как подъехал, то соскакивает с коня, снимает уздечку и седёлку, конь и заговорил: — Слушай, Иван-царевич, не спускай меня под камень, а я лучше пощиплю травы и, когда надо, — крикни, и я буду служить тебе верой и правдой. А сбрую и меч положи под камень.

Он тогда:

— Но, ладно, коли так, я тебя спущу, не извериёшься?

— Нет, Иван-царевич.

А сбрую и все боевые припасы спустил под камень. Приходит потом домой и свалился спать. И вот он спал трои сутки беспробуду. А на четвертые сутки пришла царю опять тревога от девятиглавого змея. Этот угрожает еще хуже, чем первый. Потом царь подходит опять к названному Ивану-царевичу.

— Ну, Иван-царевич, коли взялся спасти царевну, так собирайся!

Опять таким же манером они поехали, и Иван-царевич пошел за ними вслед к тому же камению. Приходит к камению. Достал все доспехи и стал кричать своего коня. Только крикнул, конь несется, точно молния, и стал перед ним, как вкопанный. Он его обуздал, обседлал, надел на себя латы богатырские и поскакал. Вот прискакал под гору, а уж там была царевна. А этот самозванец скрывался в лесу. Начинает вода ставать. Выстала до девяти раз, и на десятый выстал змей.

— Фу-фу, — говорит, — ты моего брата убил, меня не убьешь — я сильнее его в два раза. Возьму на долбень, другой прихлопну, и останется грязь да вода!

Он и говорит:

— Ну, не хвастай, поганое чудовище, в поле едучи. Чем спорить, так давай лучше воевать!

И вот кряду же обои разъехались. В первый раз съехались — Иван-царевич отрубил змею три головы. Второй раз съехались — опять три головы отрубил и на третий — тоже три. Сейчас спускается, языки отрубил,

в карман сунул и сам прочь поехал. Подъезжает к царевне. Тая с радостью бросается к нему обнимать, а он ей и говорит:

— Надь мне ехать, прекрасная царевна.

Сам сел на коня и уехал. А в это время тот Иван-царевич дожидает его на дороге и говорит:

— Ну, слушай, Иван-царевич, продай мне языки или бери, что хошь.

— Ты знаешь, что они оветны. Вот дай еще вырежу по пальцу и вырежу из спины ремень.

И он на это согласился.

Кряду же Иван-царевич отрезал у него по пальцу и вырезал ремень со спины. А этот царевич поскакал к царевне.

— Будешь ли говорить, что не я убил змея, тогда сейчас убью!

— Нет, Иван-царевич, уж первый раз не сказала, так и второй не скажу, а буду твоей женой.

После этого они отправились в город. А Иван-царевич к своему каменю. Убрал латы и сбрую, а коня спустил на волю и сам пошел, повалился спать. Спал он весь день. Вот прошло шесть суток, и приходит посол и просит опять же царскую дочь в замужество за двенадцатиголового змея. Царь прочитал письмо, испугался, кряду пришел к Ивану-царевичу и говорит:

— Но, Иван-царевич, спасешь еще раз — и потом свадьбу будем играть.

И кряду стал собираться. Отец и мать вышли ее провожать и плачут. И она тоже плачет и говорит:

— Может быть, поди знай, и не вернусь, змей двенадцатиголовый, и трудно будет с ним Ивану-царевичу!

Поди знай, про которого сказала она! Они поехали. А Иван-царевич идет к этому каменю. Достал сбрую и латы и закричал коня. Конь прибежал к нему и стал как вкопанный. И вот надел он ему седло, уздечку, а на себя — латы богатырские и поскакал к озеру. Прискакал к озеру — еще змея не было. Царевна выходит из кареты и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, сидем, посидим, покуда не будет ставать змей.

Он спустился на землю с лошади, его ударил крепкий богатырский сон. Она стала его будить. Обнимает, целует,

а разбудить не может. И вот уж вода стала в озере ставать, а его она разбудить не может никак. Вот-вот уж и обоим смерть. Конь щипал траву и смотрит. Потом прибегает, как ударит его копытом по голове, он и проснулся. Только успел скочить на лошадь, как на тринадцатый раз вода здынулась и выстал змѣй. Выстал и говорит:

— Ну, счастье, что успел скочить на лошадь, а то сейчас бы обоих сглобул.

А царевна в это время убежала в шатер.

— Ну, ладно, уж коли ты убил одного моего брата и другого, — меня не убьешь, я посильней их!

— Ну, что же, пусть ты и сильней их, только не хвастай, в поле идучи, а хвастай, из поля едучи.

Отвечает ему змѣй:

— Ну, чем спорить, Иван-царевич, лучше, видно, померяться силами, а там видно будет, чья возьмет!

И они разъехались. Иван-царевич с первого раза отрубил у него три головы. Второй раз съехались — тоже отрубил три головы. На третий раз — отрубил тоже три головы. Осталось еще три головы. Вот сутки они пробились, он больше ни одной головы срубить не может. А отступаться некоторый не хочет, хоть и уставать стали сильно. Вот на вторые сутки он отрубил ему десятую голову, одну. И так провозились уж почти двои сутки. А сбить его с лошади змѣй не может никак. Вот начинает ставать солнышко, а они оба уж истомились до последней степени. Тогда Иван-царевич собрал последние силы, подъехал к нему и скрычал:

— Смотри, поганое чудовище, ведь дом твой горит!

И только тот отвернулся, как он отсек ему остальные две головы. И это чудовище покатилося на него, но он успел отскочить в сторону с лошадыю. И вот как раз, когда чудовище покатилося на землю, оно немного задело и оцарапало у него руку правую, а у коня ногу правую. Тогда Иван-царевич слез с лошади, отрубил языки, собрал их в карман и подъезжает к царевне, а она в это время все видела, что было Ивану-царевичу очень трудно, но все-таки он его победил, и она обрадовалась. Вот когда он приехал и соскочил с лошади, она бросилась в его объятия. Обнимала его, конечно, ласкала, и потом он говорит ей:

— Слушай, дорогая, прежде всего обвяжи, оббинтуй мне руку, она ранена и также у коня нога.

Она сейчас срывает с себя платок, перервала пополам и одной половиной завязала ему руку, а другой перевязала ногу коня, чтобы не попал песок и не заразилась рана. — А теперь я поеду спать. Наверно, просплю девять суток, а вы совершайте свое дело. Ты ведь знаешь, что нужно делать.

Он распростился с ней, сел на лошадь и поехал. Только выехал дó лесу, а уж тамотки стоит тот Иван-царевич, дожидает его с поклоном опять.

— Ну, Иван-царевич, уж сделай такое добрò, дай еще мне эти языки, что хошь с меня бери, или продай.

— Ведь ты сам знаешь, что они у меня не продажны.

— Но, ладно, так что твой ответ?

— Ответ, да уж я и не знаю, что с тебя взять, и так ты весь изрезанный. Да уж так и быть, дай еще по пальцу с рук, с ног, да еще ремень вырежу.

Он согласился. Стал раздеваться. Он у него обрезал с обеих рук по пальцу, а потом вырезал ремень, завернул в платок и поехал. А этот сейчас же сел на лошадь и поехал к царевне. Остановил лошадь и спрашивает:

— Ну, прекрасная царевна, будё скажешь, что я убил змёя, дак то ладно, а будё здумаешь обмануть, то тебе жизни не будет.

Она и говорит ему, чуть не сквозь слезы:

— Слушай, Иван-царевич, я не рассчитываю врать, будё желаешь, дак хоть завтра станем начинать играть свадьбу, я совсем готова.

И вот он тут успокоился, и поехали в царство. А этот Иван-царевич приезжает к камению, схватил камень и все снаряженье, а коню и говорит:

— А ты теперь гуляй, Ворóнушко, пока на воле, покудова понадобится.

Конь ему поклонился и говорит:

— Спасибо, Иван-царевич, буду отдыхать теперь, а когда надо, явлюсь по первому зову.

После этого Иван-царевич пошел пешком домой. И только добрал до квартиры, как сразу повалился спать во всей одежде.

Как приехала царевна, и царь узнал, что будущий зять убил и последнего змёя, он очень обрадовался. И когда

прошло три дня, стали постепенно гости собираться на свадебный пир. И это продлилось у них шесть суток, когда гости полностью собрались. А Иван-царевич все это время спал. На седьмые сутки уже царевна вышла со своим Иваном-царевичем за свадебный стол. Вот и сидят все гости. А она встала на ноги и говорит:

— Батюшко, позволь мне слово вымолвить, можно ли будет?

Он ей говорит:

— Говори, дочка; почему же не можешь, тебе все разрешается.

Она и заговорила:

— Вот что, батюшко, на нашей свадьбе я желаю, чтобы все были конюхъ, поваръ, кухарки, казакъ, пастухи, и еще я желаю, чтобы был на свадьбе тот пастух, который зайцев пас, как я слышала, что он пас лучше всех, и его надо тоже позвать.

А уж знает, что за пастух. Батюшко говорит ей: — Ладно, дочка, это твое желание выполню. Здесь все уже есть, и нет только одного пастуха, и ты правильно говоришь, что его надо позвать, так как я им очень доволен, что он мне из такого стада за три года не потерял ни одного и выкормил их очень хорошо. Его надо обязательно позвать.

Отвечает ему зять:

— Слушай, батюшко, этого пастуха не пужно звать, потому что он мой лакей.

— Нет, Иван-царевич, мы его обязательно позовем.

И кряду посылают за этим Иваном, заячьим пастухом. Приходит посол к этой избушке. Отворил двери и видит, что этот пастух спит крепким, непробудным сном. Сколько он его ни будил, разбудить не мог, только заметил у него завязанную руку. Из руки высачивалась кровь. И приходит обратно с ответом к царю.

— Я, ваше величество, был у пастуха, но он спит. И спит так крепко, что, сколько я ни будил, добудиться его не мог, только заметил, что правая рука его завязана и из руки выступает кровь.

А уж она-то знает. Вышла из-за стола, подошла к отцу и говорит тихонько ему, лично одному:

— Папа, пойдём посмотреть пастуха. Я покажу, что он за пастух. Больше пока ничего не скажу. Сам увидишь.

Они кряду пошли. А она уже знает, где пастухова избушка. Когда пошли, царь и говорит нублике:

— Вот что, товарищи, вы немножко обождите, а я схожу за одной нуждой.

Приходят к избушке, открывают дверь, а Иван-царевич, конечно, спит.

— Так вот, папа, я тебе объяснюсь, кто есть этот пастух: этот пастух и есть Иван-царевич, а который у нас там Иван-царевич, тот есть его лакей. Я давно это знала, но никому не говорила. Это он выезжал все три раза и убивал змеев. И вот посмотри, последний раз он был обранен, и я перевязывала у него руку своим именным платком там, на месте, а также у его коня ногу. И вот он в последний раз, когда уезжал, то мне сказал, что языки отдал тому названному Ивану-царевичу, то он от него какие-то выкупы за них брал, но не знаю, какие.

— Так вот что, дочка, почему он раньше себя не объявлял?

— Он потому не объявлял, что знал все раньше, что будет ездить спасать меня. Вот что, батюшко, у него есть такие редкости, что таких у нас и в царстве нет. Но когда он станет, так он сам покажет, я больше ничего не буду говорить.

— Ну, так что же, дочка, постарайся его будить, чтобы он шел с нами на пир.

Она ему на грудь пала и говорит:

— Стань, Иван-царевич, стань, друг дорогой, спаситель мой. Спас ты меня и наше царство от всех змеев.

Наконец, он скидывает глаза. Сел на стул и говорит: — Слушайте, ваше величество и прекрасная царевна, идите и совершайте все, как было, и пусть Иван-царевич тот сидит на своем месте, а когда я приду, так там все выясню. Когда я приду на пир и попрошу слова, так разрешите сказать.

— Хорошо.

Они и отправились на пир и стали продолжать угощение. А Иван-царевич стал, умылся, руку перевязал и оделся. Ту одежду, что ему дала царевна, сестра жарптицы, он надел под низ, а свою — наверх и пошел на пир. И сел он на нижний конец стола. Но, конечно, царь уж его видит и знает теперь, кто пришел. Стали обносить чарами. И также приносят Ивану чару. Он выпил и встает на ноги.

— Ваше величество, не велите казнить, а велите слово вымолвить.

— Говори, пастушок, говори, что ты желаешь.

— Так вот, я хочу у вас спросить: почему же у вас зять Иван-царевич сидит за столом и ест в перчатках?

Он дальше не стал спрашивать. Царь кряду и говорит: — Да, что, Иван-царевич, ты видишь, что все люди сидят без перчаток, а у тебя они на руках; ну-ко, сними!

Когда он снял обе перчатки, то не оказалось на той и другой руке шести пальцев. Царь начинает спрашивать: — Ну-ко, скажи, Иван-царевич, почему у тебя пальцев нету? У тебя, как будто бы, раньше были?

Он начинает говорить:

— Вот, ваше величество, эти пальцы все змѣй у меня в боях откусывал.

Тогда Иван-пастушок стал на ноги и развернул платок: — Ваше величество, а откуда же у меня эти пальцы взялись, сличите-ко, подойдут ли? Он мне эти пальцы отдавал лично сам за то, что брал у меня змеиные языки.

Тогда царь еказал:

— Ну, дак что ты с ним хошь, то и делай теперь.

А Иван-царевич отвечает:

— Ваше величество, да у него не только пальцев нет на руках, он давал мне еще вырезывать ремень из спины, чтобы я только отдавал ему языки. Сам он не убил ни одного змѣя.

Правда-то, она все-таки выходит наружу.

Потом вылагает он остальные вещи на стол и показывает царю и всем гостям. А тот неподвижно сидел и ничего не говорил. И потом все Иван-царевич обсказал, кто он есть.

— Я, действительно, царский сын Иван-царевич, и за то, что выпустил у отца жар-птицу, за то и был выслан на вольное поселение, а он — мой лакей.

Тогда сказал царь:

— Ну, зятюшко Иван-царевич, расправляйся с ним, как хошь, теперь твоя воля; и сам становись на его место, и бери все обещанное мною.

Потом Иван-царевич захватил Ивана-лакея и говорит: — Подьте, посмотрите, гости, что я с ним сделаю.

И вытащил его на открытое место. Поднял потом и ударил так шибко о каменный пол, что от него осталось

только мо́кро место, больше ничего не осталось. А потом зашел в комнату и говорит:

— Вот что, гости, дайте мне переодеться сроку только пять минут, и я приду.

Сам ушел в умывальню. Кряду же за ним пошла царевна тоже. Вот он умылся, скинул верхнее платье прочь и сделался красавцем. После этого пришли и сели с царевной за стол. Сели за стол. А все гости и царь, все издивились, что он такой красавец, и весь блестит, как в золоте. Угощения было всего довольно, и готовое пили и ели, сколько хотели, а он и говорит:

— Батюшко, позвольте мне принести две вещи: скатерётку-хлебосолку и гармошку, и я угощу вас со своей стороны.

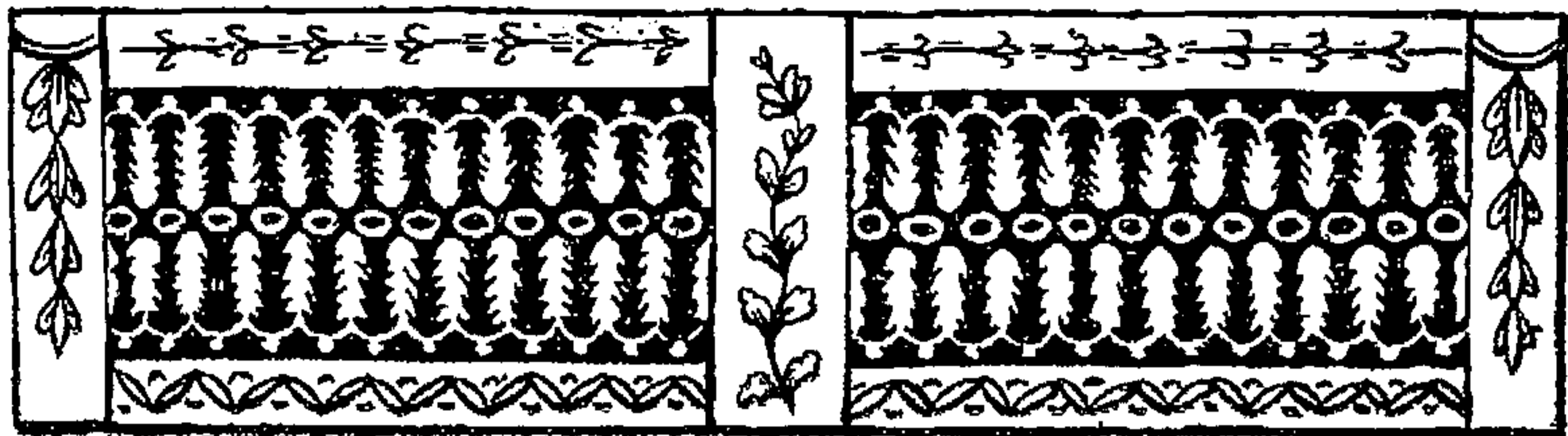
Сбежал за скатерёткой, накрыл стол, и на стол стали такие редкие кушанья, что в царстве их не видали никогда. Все гости пили, ели, радовались и хвалили Ивана-царевича. Потом он взял гармошку в руки и начал играть. Когда Иван заиграл в гармошку, гости сидят и думают, что сидят один день, а просидели шесть дней. Им показалось за один. Когда он окончил в гармошку играть, то гости стали благодарить и расходиться.

— Наверно, мы уж просидели долго.

Гости разошлись, а они остались с царем сидеть. Тогда Александра-прекрасная берет его за руки и ведет в свою спальню. Потом царь наделил его всем и впоследствии поставил на царство.

И они стали жить и прожили до глубокой старости.

Ш К М Ш

Не в котором царстве, не в котором государстве был царь. У него были сын да дочь. Дочь звали Марией, а сына, уж конечно, Иван, как все больше Иваны, так! Вот стали они на возрасте. Отец и говорит сыну своему: — Вот что, сынок, — говорит, — я чувствую в себе, что я скоро умру, тебе надо будет жениться и взять престол. — Ну, так что же, батюшко, на ком я буду жениться? Благослови меня.

И вот он говорит:

— Вот, сынок, я тебе даю перстень, и кому поладится этот перстень, ты бери себе в жены, не считая, будь она крестьянска или купеческа дочь, или хоть какой вдовки дочь, все равно.

И вот, так недолго царь поболел и умер. Остался царевич не женатый, остался он со своей сестрой. Что же, надо жениться и на престол стать. Вот он там сначала по царским дочерям, по королевским — никакой этот перстень не ладится: то мал, то велик, — нет ему невесты по родительскому благословению. Потом он уже стал по купеческим дочерям и по крестьянским ходить. Одним словом, перебрал всех, ну, никому не ладится, хоть ты что хошь. Вот раз они сидят с сестрой. Пьют чай.

— Слушай, сестра, примери ты этот перстень себе.

— Ну, что, брат, хоть бы и поладился мне этот перстень, все равно я тебе не жена, раз ты мне брат.

— Ну, так все-таки, сестра, применись, однако, я тебя не прошу, что ты будь моей женой.

И вот так она говорит:

— Ну, что же, дай я тебя потешу, примерю кольцо это.

Взяла это кольцо, надела на руку, и точно по ейной руке оно и лито было. Вот он и говорит сестре:

— Ты знаешь, мне отец дал благословенье — кому это кольцо приладится на руку, того и брать. Оно никому не ладилось, кроме тебя, значит, отцово благословенье надо исполнять — и тебе за меня надо выходить замуж.

Она сейчас ему и говорит:

— Слушай, брат, как же я пойду за тебя замуж, закон-то ведь не позволит, что брат на сестре будет жениться.

— Ну, как хочешь, сестра, а теперь подумай да реши. А уж отцовское благословенье надо выполнить, как раз он благословил.

Вот она думала сутки. Он спрашивает:

— Ну, как, сестра, подумала?

— Да нет еще, дай мне трои сутки.

И всяко она подумала, но ничего не выходит.

Пришла к брату, говорит:

— Ну, на это кольцо, а уж я трои сутки подумаю, тогда надену, когда выйду за тебя замуж.

— Ну, ладно, сестра, через три дня будем приступать к свадьбе.

— Ладно, хорошо.

Пошла она прочь, собрала денег порядочно и тайным образом выехала из города. Поотъехала она город, два, третий, остоялась и купила домик. Купила домик и взяла одну вдовку в дом к себе вниз, а сама помещалась наверху. А у вдовки был сын, Иваном звали. И вот она, конечно, купила товару, начала торговать. Наняла приказчиков и этого мальчишка взяла у вдовки продавцом, ну, хотя для начала, конечно, подбегалом, помощником.

Начинает она торговать, и пошло дело. Когда этот мальчик подрос, то она провела его старшим приказчиком, и он так хорошо выучился в торговлю, что она его хвалила очень за его работу. Этому Ванюшке исполнилось двадцать лет. И она всегда ходила с ним разговаривать, приглашала его в гости вверх, пила чаем и любила его лучше всех из приказчиков. И вот, в одно прекрасное время эта хозяйка так Ванюшке понравилась, что он и говорит матери. А не знал, что она царская дочь:

— Ну, мама, я хочу на хозяйке жениться, может, она пойдет за меня?

Мать ему и говорит:

— Что ты, дурак, делаешь теперь? Если ты скажешь, она изобидится, прогонит тебя. Плохо тебе жить, что ли, она нас прогонит и с квартиры совсем.

Начала его ругать и бить даже, поднялся у них в общем шум. А она слышит все там наверху, весь ихний разговор. Она вдруг спускается книзу и говорит:

— Ну, что, бабушка, у тебя со сынком?

— Да ну его к чорту, дурной, затеял такое, что и говорить-то нечего!

— Да ты скажи все-таки.

— Да слушайте, хозяйка, и говорить-то нечего, затеял пустое, дурак, и говорить не стану!

И так она не сказала ни слова и ушла. И он ничего не говорит, конечно.

На другой день ушел в лавку, торгует. И так прошел с месяц, он опять приходит к матери и говорит.

— Слушай, мама, я все равно буду на хозяйке жениться:

Она его опять бить, ругать.

— Да что ты, дурной, худо ли тебе жить? Она тебя кормит, одевает, все у тебя есть, а ты скажи только, она прогневадается и прогонит нас всех!

Она опять услышала, спустилась к ним.

— Что он у тебя, хозяйка, все просит, а ты не даешь? Уж не жениться ли он просит?

— Да что ты, хозяйюшка, жениться! Он еще молод, и говорить-то нечего, ничего ему не позволю.

Так она и ушла опять. И вот опять он ушел в магазин. Прошел еще месяц. Нет уж, он задумал: «Там будет, что будет, а уж буду».

Приходит к матери.

— Так и так, уж как хотишь, а буду жениться.

Она опять его бить. А он все свое: «Женюсь да женюсь».

Она и приходит опять вниз.

— Ну что, скажи, бабушка, что вы с ним шумите какой раз?

— Да что ты, хозяйюшка, дело-то ведь вот в чем. Он хочет жениться, да можно ли оскорблять людей? А почему нельзя? Стыжусь даже сказать. Дело в том, что он хочет жениться на вас, только извиняюсь, что вы оскорбитесь, прогоните нас совсем и выгоните его с работы.

— Зачем так, бабушка, говорить, что я выгоню его.

с работы, а если я пойду за него? Кому какое дело, пойду за него, — так это мое дело, а не пойду, зачем же гнать с работы, тут и оскорбления никакого нет, что он хочет за себя меня взять. И шуметь не надо, бабушка, и сына унимать, если пришло ему жениться, кому какое дело.

— Ну, так вот, хозяйюшка, мне-ка сынок предлагает, чтобы я пошла сватать тебя за него. Если желаешь пойти, так вот, только не оскорбись в том, что я тебя за него прошу. — Молодец Ванюшка, угадал, где начать жениться. Я согласна, завтра же начнем свадебку небольшую и будем жить. Только и делов всего, кому какое дело!

И вот на второй же день приступили к свадьбе. Сходили к венцу и сыграли свадебку, так день, два пускай, и приступили к своей работе по-старому.

И живут себе год, у них в это время родился сын, которому имя дали Шкип. И он как родился, так сразу и заговорил, и был грамотный (*как быстро научился*). И вот этот мальчик до чего был толковый, когда захочет есть, то просит, когда спать, то тоже просит. А все большинство водилась бабушка с ним, а тем было недосуг.

В одно прекрасное время бабушка походит коров доить, а его оставляет в люльке одного. На эту пору приезжает старичок один на двор на лошади. Вот приходит старичок в избу, этот мальчик не спал и заговорил:

— Дедушко, ты откуда приехал?

— Да с дому, дитё, приехал.

— А хочешь есть, — возьми тут в шкапу, да садись, покушай, так что бабушки дома нет, возьми сам.

И вот дедушко поел, он опять ему и говорит:

— Так вот, дедушко, у тебя есть ли кого сыновей или дочерей?

— Да нету, дитё.

— А корова есть?

— Есть корова да бабушка, больше у меня никого нету.

— Так вот, дедушко, возьми меня к себе сыном, меня зовут Шкипом. Корова есть, так я буду молоко пить, мне больше ничего не надо. Тулуп есть большой?

— Есть. Да что ты, Шкип, дитё, ты еще малый, ты ведь еще замерзнешь.

— Нет, не замерзну, обверни меня в тулуп.

— Так ведь если меня застанут, старика, меня ведь нахлопают за это.

— Нет, тебя никто не застанет.

— Ну, ладно, коли не застанут, я тебя уж возьму, свезу к бабушке, живите с бабушкой.

Приносит тулуп, заворачивает, и поехал домой.

Когда бабушка пришла из хлева, то Шкипа нет. Его искали, искали, куда он делся, нет нигде, так и остоялись.

И вот привез старик домой и говорит:

— Ну, вот, бабушка, я сына привез, попросился сын ко мне-ка, я и привез.

— Ну, что же, живите с богом, молоко есть, он еще малый, шестимесячный.

— А парень толковый, сам все говорит, захочет чего, так попросит.

Теперь он живет у бабушки, этот Шкип. Когда он захочет поесть, он скажет:

— Бабушка, дай мне молочка.

И так он живет целый месяц. И раз он говорит дедушку:

— Дедушко, я гляжу, ты бедно живешь.

— Да сам видишь, хошь ты еще малый, а уж разумеешь много.

— Так вот, дедушко, я тебя поучу, ты достанешь денег много. Вот иди сейчас, где у государя сделана площадь. А на площади есть столб, и на столбе есть тыща рублей денег тому, кто в этот столб вылезет, и притом же енеральская одёжда. Кто в этот столб вылезет и достанет деньги, потом подарят енеральскую одёжду сверх того. Там много есть удальцов, ездят на лошадях всякие рыцари, ну, никто достать не может, не знают такой хитрости. А я тебя научу, ты достанешь очень легко. Вот как ты ее достанешь: сейчас иди на рынок, купи восьминную гирьку и катушку ниток. И потом веревку не сильно тонкую и придешь на эту площадь. А когда твоя очередь придет, ты обсмотри, там вверху есть кольцо. И ты вот смотри, кольцо когда увидишь, то привязывай к восьминной гирьке ниточку и бросай в это кольцо. А когда достанешь кольцо, то привязывай веревочку и продергивай, и вот по этой веревочке ты влезешь и достанешь деньги.

— Ну, ладно, уж пойду, попробую.

— Сходи, сходи, достанешь.

Старик так и сделал. Пошел на рынок, все купил и пошел на площадь. И смотрит там удальцов, кто на лошадях, кто так полезает; и все отступились.

Вот приходит старик, все и говорят:

— Вот, вот, этот старик достанет!

Дедушко ходил, ходил и увидал кольцо. Сейчас берет восьминную гирьку, привязывает ниточку и бросает. Как раз угадал, достал в это кольцо. Вот продергивает веревочку и лезет. Вылез, достал тысячу рублей и енеральскую одёжду и лезет обратно.

— Вот так старик, никто не мог достать, а ты достал!

Приходит енерал и говорит:

— Ну, молодец, дедушко, получай деньги и енеральскую одёжду.

Взял старик деньги и одёжду и пошел домой. А этот енерал приходит, конечно, к царю и говорит:

— Вот, ваше величество, у нас сколько было наездников, удалцов, никто не мог достать, а пришел старик и достал, понимаешь. Не знаю, кто ему сказал, или он своим мнением дошел, ну, только достал.

Царь и говорит:

— Позвать сюда старика!

А царь все не женатый еще. И вот сейчас же пришли за стариком.

— Вам сейчас же приказами притти, дедушко.

Старик испугался.

— Ну, наверно что не ладно я сделал.

А потом заговорил Шкип:

— Поди, не бойся, он будет тебя спрашивать: «Кто тебя научил, или ты сам выдумал? Говори, не бойся, а то сейчас предам тебя злой смерти или посажу в темницу». Ты говори ему: «Нет, ваше величество, я сам выдумал». Потом он тебе все равно не поверит и скажет: «Все равно я тебя сказню». Тогда ты скажи: «Ну, раз ты меня так стращаешь, то есть у меня семимесячный мальчик, это он все выдумал, а зовут его Шкип». И что он тебе скажет? А теперь поди.

И вот он приходит к царю.

— Здравствуйте, ваше величество.

— Здравствуй, здравствуй, дедушко, боевой старик! Ну, скажи, как ты мог достать деньги и енеральскую одёжду, сам ты выдумал или кто тебе помог? Нет, ни за что не верю, если ты мне скажешь, что ты сам. Или кто тебе помог, а то буду тебя казнить или посажу тебя в темницу.

Старик испугался. Тогда сказал ему старик:

— У меня есть, семимесячный мальчик, и он грамотный и все говорит. Зовут его Шкипом, и он мне сказал, как это пужно все достать.

Тогда он ему и говорит:

— Ну слушай, дедушко, он у тебя свой или откуда взятый?

— Нет, не свой, он попросился со мной в одном городу ехать, и вот я его взял к себе.

— Ну, так принеси его сюда.

Старик, конечно, пошел домой и говорит:

— Ну, Шкип, тебя сам царь звал. Он не верит, думает, что я тебя наверно украл, скажи ему сам.

— Ну, неси меня к царю, завертывай в тулуп и неси, я ему скажу.

Он его сейчас берет и приносит к царю. Царь выходит. Шкип и говорит:

— Ну, здравствуй, дядя, я буду племянник.

Царь улыбнулся.

— Ну, что за племянник? Правда, сестра у меня была, ушла, не знаю куда, может, и племянник.

— Да, да, племянник, зовут меня Шкипом.

— Ну, скажи мне-ка теперь, Шкип, что дедушко тебя украл из дому, где он тебя взял, или ты сам пожелал? И где твоя мать и отец, мне охота знать.

— Моя мать замужем, торгует, да и живет себе только. А дедушко меня не украл, я сам пожелал сюда и научил его, как достать енеральскую одежду и деньги. А дедушко не виноватый ни в чем. Я бы и сам достал, ну, я еще был малый. И вот, коли ты меня сюда принес теперь, то я у тебя и жить буду, коли ты сам со мной будешь водиться. И ты мою маму замуж хотел взять, ну и хорошо, что она ушла. А я тебе найду невесту, если все будешь исполнять.

Тогда царь сказал:

— Ну, хорошо, Шкип, я тебя возьму. Я бы согласен и няньку нанять, но поскольку ты не соглашаешься, я и сам буду с тобой водиться.

— Хорошо, а дедушка ты отпусти и награди его за то, что он меня взял, так бы я к тебе не попал.

Так он, конечно, старику дал денег. Старик пошел домой.

— Ну, старуха, хороший мальчик был Шкип. И мне дали денег, теперь мы с тобой можем жить беспечально.

И так стали жить.

А Шкип теперь у дядя, своего дяди. И вот он у дяди прожил целый год и говорит дяде:

— Ну, дядя, мне теперь исполнился год. Принеси мне бумаги и карандаш, я тебе напишу план, по которому вы будете строить корабль, ехать жениться. Твоя невеста там, а ты вздумал свою сестру взять замуж, ну, это тебе не удалось.

Дядя думает: «Ничего, толкóва голова твоя, племянничек!»

И вот, конечно, дядя ему приносит большой лист бумаги и карандаш, и он садится и начинает составлять план. И он составлял этот план три дня. На четвертый день план дает дяде.

— Ну, вот, дядя, на тебе план и нанимай мастеров, пусть работают корабль. Ну, если что неправильно сделают, придется снести его и начинать сначала. И пусть работают год, а потом снеси меня туда, и я посмотрю, правильно ли работают или неправильно.

Дядя на другой же день пошел нанять мастеров и сказал: — Ну, вот, работайте все по плану, что тут указано, а через год я приду посмотреть. Раньше трех годов вам не сработать.

Мастера взяли, конечно, этот план, и взялись за работу. Вот скоро уж год, как работают. Он и говорит опять, Шкип, дяде:

— Дядя, ну-ко, завертывай меня, посади на лошадь, и вези меня, я обойду весь корабль, посмотрю план, правильно ли работают; я еще бежать не могу за тобой на своих ногах, мне только два года.

И вот дядя, конечно, взял его, обвернул и привозит его к кораблю. Приехали и пошли кругом.

— Дядя, тут что-то неправильно построено, по-моему неправильно носовой корг. Несите сюда план, мастер!

Мастер приходит с планом. Вот он и начинает ему показывать:

— Вот видишь, тут неправильно, криво построено, все ведь по плану у тебя указано, а ты не так сделал, неправильно. Разрушить весь корабль до подошвы!

И так разрушили и снова стали работать за ту же плату.

И прошел снова год. Вот он говорит дяде опять:

— Ну, дядя, теперь я уж бежать могу маленько, поедем, пока не поздно, много не наработали. Если не годится, то найми другого мастера, этот не умеет работать.

Вот они, конечно, приехали, прошли они до средней части. Он немного побежал.

— Дядя, не годится корабль опять, не будет корабль зажимать, не годятся подводные крылья, мы можем все погнуть. Разрушить весь корабль до подошвы, а этих мастеров рассчитать!

Он рассчитал мастеров, нанял самых хороших мастеров, и начали те работать. Уж ему стало три года, четвертый.

Вот проработали год.

— Ну, дядя, теперь я уж бегать могу. Поедем, пока не поздно, если неправильно, то опять придется разобрать.

Опять приехали.

— Ну, дядя, пойдем теперь смотреть.

Дядя думает: «Что тут, какие убытки он мне теперь наводит!» — ну, ничего не говорит. И они посмотрели корабль.

— Ну, дядя, пока ничего не заметил, пока правильно, помешкаем еще год.

И на второй год они тоже ничего не заметили. Вот прошло третьего больше как полгода. Остается только четыре месяца.

— Ну, дядя, поедем, мне уж шесть лет, седьмой, я теперь сам могу.

Приходят на корабль и смотрят.

— Ну, дядя, все-то, все хорошо, только оснастка немного не годится. Ну, да уж ладно, тебе уж долго жениться ждать, уж не будем больше задерживать. Ну вот, дядя, теперь на корабль собирай съестные припасы все, и я пойду достану тебе невесту, хотя она далеко, в тридцатом королевстве, одного короля дочь, волшебница. Только ей это кольцо и подойдет, больше никому не подойдет. А ты теперь останься, а я пойду один, и тебе приведу прекрасную королеву. Ну, только с таким условием, чтобы мне с ней первую ночь спать. Только так и пойду, как хочешь, иначе не пойду, или поди сам. А мне уже теперь семь лет, восьмой, я уж могу быть.

Ну, хотя ему было семь лет, восьмой, ну, он росту был очень большой, полный из себя, как порядочный мужчина. Даже дядя дивился над его ростом.

— Нет, племянник, хотя я без тебя и не пойду, на это предложение я не согласен. Почему? Потому что я с сестрой не видался десять лет, и тридцать лет как не

женатый, и самое дорогое ты у меня отнимаешь, на это согласиться никак не могу.

— Так слушай, дядя, она с тобой жить не будет, если ты мне не даешь первую ночь спать, а иначе будет и тебе не жениться никогда.

— Ну, ладно, племянник, поди, я не пойду. Я даю, уж ладно, так и быть.

— Теперь разреши мне-ка еще сказать: капитанов найми, штурманов найми, но власть чтобы на судне была моя, и что прикажу им делать, чтобы исполняли, хотя и считаюсь еще молод.

Потом царь садится, пишет приказ — «Исполнять капитанам Шкипово приказанье, что он захочет, туда и плыть».

Распростился он с ним и пошел на корабль.

— Ну, дядя, дожидай, через два года я приду. Дожидался столько, дожидай еще два года и будь хозяин своему слову.

Когда Шкип пришел на корабль, то стали сразу же якоря катать и спускать корабль в море. Спустили сразу на полный ход. А Шкип указывал, куда идти, и капитаны слушались его. И вот они плывут чуть не год, капитаны соскучились, что очень дальнее плаванье, не знают, куда Шкип плывет. И даже начали (*вынудило у капитанов*) спрашивать у Шкипа:

— Что, скоро ли мы придем в царство?

— Слушайте, капитаны, скоро придем, скоро земля будет видаться.

Не прошло и месяца, как приплыли в государство. И вот, когда он прибыл в это царство, поставил свой корабль, и в этом городе еще не было такого корабля, и все дивились на такой корабль, все ходили смотреть. А он занимался в каюте своими редкостями, играл в гусли, которых еще никто не слышал. Вот узнала эта королева, что пришел такой корабль. Сходила, посмотрела, услышала пенье, а потом пригласила этого Шкипа к себе, но хитрости его не знала, хотя она и была волшебница. Вот, конечно, вызвала она когда его к себе, там стала угощать и стала расспрашивать:

— Зачем вы пожаловали и что будете делать?

Он сказал:

— Я сдам свои товары, других наберу, а потом и пойду. Ну, есть такие товары, которых еще никто не видал, я здесь и показывать не буду.

Когда царевна узнала, что у него есть такие товары, она и говорит:

— Слушай, Шкип, нельзя ли посмотреть у тебя эти товары, конечно, я пойду не одна.

Он сказал:

— Слушайте, прекрасная королева, если желаете посмотреть, то приходите завтрашний день, а то мы скоро уйдем отсюда. Бери своих нянюшек, отца-мать, бери всех, пусть посмотрят.

Те сказали:

— Хорошо, мы в десять часов придем.

— Ладно, будем ждать.

И царевна не узнала никакой подлости в этом Шкипе.

И вот, когда он пришел на корабль, то и говорит:

— Вот придет завтра царевна на корабль со своей свитой, то вы в ту же минуту рубите канаты, катайте якоря и спускайте корабль на полный ход в море. А я дам вам знак, заиграю в гусли. Я сделаю небольшую перемену, второй раз заиграю, уж корабль далеко отойдет от берега. Тогда выйдет царская свита вся на палубы, останется только одна королева. Вы сейчас забирайте их в шлюпочку, отправляйте в море, а корабль не останавливайте. А я буду играть, она не уйдет до тех пор, покамест они не уедут. А коли третий раз заиграю в гусли, она выйдет сама, а уж там дело мое.

И так все стояли на своих местах, как капитаны, так и матросы.

Вот как раз на второй день смотрят, — идет вся королевская свита на корабль. Тут Шкип сейчас подходит к ним, кланяется, заводит их в каюту, и они заходят, никакой не заметили в нем хитрости.

Уселись гости когда за стол, и он кряду берет гусли в руки и заиграл. И слышит, как завизжали свисти, корабль уж был на ходу. И он продолжает играть. И вот отошли немного, корабль уж стало покачивать, он второй раз заиграл. И в это время выходит вся царская свита на палубы. Когда вышли — капитаны, матросы уж не зевали, спускают шлюпки, сажают их всех в шлюпки и начинают отпихивать от борту. А он играет. Она начинает спрашивать:

— Почему же, Шкип, корабль начинает покачивать?

— Ну, это так, наверно.

— И где же все мои родные, почему их нет?

И сейчас становится на ноги, и походит на палубу. Видит, что уж никого нет, и земли не видно. Видит себя обманутой, сейчас обратилась лебедем и хочет полететь. Ну, Шкип ее захватил, обратил девушкой и говорит: — Нет, прекрасная королева, многих ты обманывала, ну, меня уж не обманешь, не на такого нарвалась парня. А я тебя везу за одного царя замуж, будете с ним жить.

Как этот король только доехал до дому, до берегу, так отправил погоню, пароход, спасти дочь и их вернуть обратно в королевство. Вот сейчас этот пароход, конечно, пошел за ними и близко уж стал, увидал их. Тогда эта команда вся перепугалась:

— Что теперь затопят или поймают, всех нас казнят.

Тогда Шкип видит, что все переполохались, он сказал им:

— Вот отдайте эти подводные крылья, и мы скроемся под водой.

Они скрылись и пошли под водой. Этот пароход видит, что судно утонуло.

— Наверно, мы его прострелили.

Походили, походили и вернулись в королевство.

— Так и так, ваше величество, мы стали стрелять, прострелили, судно утонуло.

— Ну, несчастная моя дочь погибла вместе с этим дураком Шкипом.

Они же отошли порядочно место, он приказал поджать подводные крылья, они поднялись наверх и близко уж были от своего государства. И команда, и матросы дивились на устройство корабля, что могли идти под водой столько места, такого еще не видали.

Приплывают они уже в свое государство. Увидал царь, что приплыл его племянник, идет теперь на пристань. Когда только дошел до пристани, то выходит племянник.

— Ну вот, дядя, твое желание исполнилось, можешь получить свою жену, которую я тебе обещал.

Выходит она из каюты, берет он ее за руку, пошли кряду под венец, а уж шир был готовый. И вот они сходили под венец, сыграли свадьбу, надо было после этого ложиться спать. Тогда приходит к нему Шкип и говорит:

— Ну, дядя, мое приказанье теперь исполняй, должен мне уступить первую ночь, так что я тебе достал прекрасную королеву.

А королева смотрела Шкипу в глаза, ничего не говорила, только думала: «Все равно, если я повалюсь спать с царевичем, то уйду».

Тогда говорит ему дядя:

— Слушай, племянничек, я ни в коем случае не могу этого тебе дать, чтобы ты повалился спать с моей женой. Ты сам знаешь, что ты теперь можешь жениться на любой королевне или княжеской дочери, я тебе помогу.

— Ну, ладно, дядя, коли не дашь, то не обижайся на меня; я тебе второй раз ее доставать не буду, мне своя жизнь дороже твоей жены, я еще молод. Мне твоя жена не нужна, коли не дашь, то иди, спи.

Сам пошел прочь. И вот царь только повалился с ней рядом, она накидывает ему руку, ему так тяжело было, что он и заснул. Она перелезла через царевича, обернулась лебедью и улетела. До свиданья! Когда царевич проснулся, то нету его жены, он кряду же и вспомнил: «Дуррак я был, что не дал проспать Шкипу. Может, она у меня бы и была, не знаю, для какой цели он ее просил».

И вот встал, умылся, пришел в свой кабинет и вызывает Шкипа к себе.

Он не дает никакого ответа, второй раз, третий раз; наконец, пошел сам. Он приходит, Шкип и говорит:

— Ну, дядя; женился?

— Да, женился, — говорит.

— Ну, где ж твоя невеста?

— Да не помню, она накинула руку, я заснул, она и ушла.

— Ну вот, тебе раньше было известно, что она жить с тобой не будет, а теперь как хочешь. Я тебе второй раз доставать ее не буду. Моя жизнь дороже.

Потом заговорил опять дядя:

— Слушай, Шкип, пойдем наедине поговорим.

Увел в кабинет и заговорил:

— Слушай, племянник, достань мне ее, может, ты и можешь?

— Нет, дядя, я тебе сказал, что я доставать ее не буду, — моя жизнь дороже, значит, дороже. Теперь уж на корабле к ней идти нельзя.

— Ну, а как же ее доставать?

— Да теперь надо по сухопутному идти, и идти не голому, а с войском. И вот посылай кого знаешь, а я не пойду.

Дядя сильно задумался. Шкип посмотрел на него и говорит:

— Ну, дядя, коли так, я пойду, ещё послужу для тебя. Только с таким условием опять же пойду, если ты даешь мне первую ночь с ней поспать. Если не даешь, то скажи сразу, — не пойду ни за что.

Тогда он сказал:

— Ну, племянник, только найди, даю.

— Ну, выстанешь в своем слове?

— Выстану.

— Пожалеешь?

— Не пожалею.

— Ну, смотри. А пожалеешь, то третий раз никто не пойдет, и я не пойду, а уж в этот раз пойду. Ну, ладно, коли так, теперь собирай мне-ка войска тридцать тысяч, и я пойду. Дожидай меня не раньше, чем через год.

Тогда было войско, конечно, собрано, и наш Шкии отправился в дорогу. Пошел он, год идти, конечно, не мало. Проходит около году. Приходит он к этому государству. Вот когда он приходит к этому государству, то и говорит своему войску:

— Вот, ребята, вы теперь войско разбейте на три части: направо, налево и в середину. Я уеду в город, и там, конечно, я с королем буду беседовать. Это пройдет одни сутки только. Когда увидает эта королева меня, то будет ей лицо мое подозрительно. Она возьмет волшебную книгу и узнает меня. Тогда назначат меня на второй же день на виселицу кряду. Вот назначат меня на виселицу, я стану на первую лесенку, и мне царь разрешит из трубочки выкурить да свистнуть в свисток. И этот свисток будет слышно верст за пятнадцать. И вы кряду поспешайте. А я буду трубочку курить не меньше, как полчаса, а то и больше; и выстану на вторую лесенку. Когда я выстану на вторую лесенку да свистну, курить буду трубочку, вы уж будете около городу. Когда буду на третью лесенку вставать, вы уж заливайтесь в город, не дожидайте третьего свистка. Если дождетесь, то уж буду я повешен.

И вот так он все им рассказал и поехал. Приезжает он в это королевство рыцарем и заходит к королю. Король, конечно, его встретил как порядочного рыцаря, посадил за стол, начал угощать и спрашивает: кто он есть, куда ездил и зачем. Он все ему рассказывает. И вдруг не через долго приходит дочь его, сейчас ей показалось подозрительно его лицо: «Не Шкип ли есть?» Берет волшебную книгу, навела:

— Да, он и есть!

Снесла книгу, положила на место, приходит обратно и говорит:

— Батюшко, знаете, что я вам скажу?

— Ну, говори, дочка.

— Вы знаете, с кем вы сидите сейчас?

— Да с рыцарем, как видно.

— Ах, с рыцарем?

— Да.

— Это рыцарь, вы знаете, кто есть, батюшко?

— Не знаю. Ну, рыцарь соседний, он сказал мне-ка, неподалеку, надо же с ним познакомиться.

А он сидит, молчит, знает, что будет.

— Это знаешь, какой, батюшка, рыцарь? Я сейчас тебе скажу, — его сейчас надо убрать. Этот рыцарь, тот самый вор-Шкип, который меня украл первый раз. Ему надо дать виселицу на завтрашний день, а сейчас посадить в замок.

Его сейчас забрали, посадили. Посадили, а на второй день уж назначен был на виселицу. Повели его на виселицу, и вот он выходит на первую ступеньку, становится. Когда он встал на ступеньку, и говорит:

— Ваше королевское величество, дайте мне трубочку выкурить да свистнуть, уж теперь жизнь в ваших руках.

— Ну, что же, давай, — покури да свисти, уж куда уйдешь теперь.

А эта дочь стоит и говорит:

— Слушай, батюшко, не давай, а то худо будет, не давай!

— Ну, что ты, надо же человеку покурить; куда он уйдет, кругом стоят войска, палачи. Ну, кури, разрешаю.

Вот он свистнул и закурил трубочку. И курит целый час. А уж войска надвигаются ближе и ближе. Он тогда выстал на вторую ступеньку и говорит:

— Ну, ваше королевское величество, дайте мне еще одну трубочку выкурить да свистнуть.

И вот он курит целый час и видит, что войска уж совсем близко с трех сторон. Ну, публика этого ничего не знает. Когда он стал на третью ступеньку и стал просить, что: «Дай мне трубочку выкурить да свистнуть», — то уж наскочило его войско. Кряду схватили царя, связали ему руки, и у палачей, и у дочери, и освободили Шкипа с виселицы. Этот Шкип выхватил у палача меч и сейчас пришел, у царя голову сказнил, а эту царевну приказал

держат, пока сходит за конем. Сходил за конем и сказал войскам:

— Ну, можете собираться и отправляться обратно.

Собрали они войска, повернулись обратно. Ее посадили связанную на лошадь, и Шкип отвел войска слишком далеко от царства, чтобы их не нагнали. Потом сказал:

— Ну, ребята, теперь вы попадайте обратно, а я пойду с королевой.

Развязал ее и поехал. Она ничего с ним не говорит, думает: «Ну, опять я попала».

И вот скоро время приехал он опять к царю, к своему дяде, и сказал:

— Ну, вот, дядя, я достал тебе твою жену обратно, а теперь разреши мне ложиться с ней спать, а иначе я не согласный; если ты теперь не разрешишь, то будешь ввеки неженатый и не видать тебе жены.

Тогда дядя сказал:

— Ну, ладно, племянник, коли тебе не совестию, ложись.

И сам пошел прочь.

Он повалился с ней; она накидывает на него руку, он отбросил руку в стену, — загремело все зало. Она накидывает ногу, он опять ногу. Такого грому наделали, что царь в эту пору не спал, все слушал, что будет дальше, что у них там, у молодых.

И вот перекидывается сама через него, выскочила на пол, подвернула крылья и хочет полететь. А он соскочил с места, захватил ее за крылья и пополам перёрвал. Вдруг приходит дядя:

— Что у тебя, племянник, за гром; этак ли спят!

И смотрит — перёрванная пополам жена. Когда он ее пополам перёрвал, то из ней гадёв валится прямо сколько — ужас. Дядя и говорит:

— Ну, что ты опять наделал, перёрвал жену пополам, останусь я опять неженатый.

— Дядя, это не твое дело, иди прочь и прикажи мне принести воды две кадки.

Вода, конечно, была напошена. Он сейчас берет половину этой королевины и вымывает ее дочиста, выжимает этих гадёв и положил в кадку. Берет другую половину и таким же путем вымыл. А потом сложил вместе, обдул, и она срослась. А потом отнес ее в спальню и прикрыл одеялом. Потом вышел и говорит дяде:

— Ну, дядя, теперь иди, через час и ложись со своей женой.

— Да что с мертвой ложиться, коли ты ее убил. Ни себе, ни мне сделал, — оставил меня неженатым.

— Ничего, не оставил я тебя неженатым, дядя, а устроил только, что она от тебя не уйдет. Поди, посмотри, а потом ложись.

Приходит, смотрит, такая красавица лежит. И повалился с ней рядом. Переспали они ночь, утром встают, понимаешь, веселехоньки, и все у них пошло хорошо. Призывает он тогда племянника:

— Ну, спасибо тебе, племянник, теперь я спал спокойно со своей женой.

А она говорит ему на ответ:

— Ну, хорошо, что ты, Шкип, в этот раз убедил дядю: повалился со мной спать. Если бы не убедил, то не был бы царевич живой, да и ты, как я обернулась бы лебедью и улетела. Ну, теперь уж у меня все ушло, ничего нет; воля ваша.

— Ну, так-то и нужно с тобой было сделать, — отвечает ей Шкип.

Теперь царь начинает собирать пир настоящий. А Шкип и говорит ему:

— Знаешь что, дядя, я пойду разыскивать отца-матерь, где они есть.

— Ну, что же, иди. И вот попутно скажи сестре, чтобы она извинила меня и пришла на пир тоже. А я не знаю, где она живет.

А царь в это время собирает пир; всех князей, бояр и девушек хороших приглашает, чтобы Шкипу выбрать невесту. Хотя Шкип еще и не предлагал, что будет жениться.

Теперь вот этот Шкип приходит к отцу, к матери, но они его не знали совсем. Заходит в дом, поздоровался:

— Здравствуйте, хозяин, хозяйюшка!

— Здравствуйте, молодой человек. Садитесь с нами хлеба-соли кушать.

Вот пошли у них разговоры. То да сё. Он и говорит отцу своему:

— Вот что, папаша и мамаша, скажите, бывали ли у вас дети, как вы живете вдвоем, да бабушка с вами, а вы еще молодые.

Этот и говорит, хозяин:

— Да, молодой человек, был у нас сын, и не знаю, каким путем, дома нас не было, и не знаю, куда он делся. Звали его Шкипом.

Когда он стал говорить, то мать очень зорко ему смотрела в глаза, ну, ничего не говорила. А Шкип и говорит:

— Ну, хозяин, принеси водочки немножко, а я вам расскажу про вашего Шкипа. Он сейчас служит у царя, у твоего брата, — начинает рассказывать. — И он его женил, этого царя, на одной королевской дочери. Да, и много он пострадал, милашка, трудно, трудно ему было, но все-таки жив остался.

Тогда хозяин услышал про своего сына, приносит водочки и наливает две рюмочки.

— Нет, хозяин, налей и хозяйшкe своей, и бабушке. Хотя я водки не пью, но надо для чести, а я потом вам расскажу про сына вашего.

Хозяин налил им всем. Вот он и говорит бабушке: — Бабушка, иди сюда, выпей тоже; я тебе расскажу, как у тебя утащили Шкипа.

Старуха обрадела очень, подошла к столу и говорит: — Ну, давай выпьем; хотя я уже и не пью, но для такой радости выпью рюмочку.

Вместе все выпили. Когда выпили, он и говорит: — Ну, папа, ты мой отец, а ты есть моя мать, а ты — моя бабушка. Меня старик унес шестимесячного по желанью своему.

И все про это рассказал, как он жил, как царя женил; она сперва ушла, он ее достал, и теперь живут. Тогда мать заплакала, бросилась ему на шею и стала его обнимать и ласкать, и отец тоже.

— Ну, ладно, мама, теперь не плачь, я от вас никуда не уйду и буду жить с вами. А теперь дядя собирает пир и просит на пир, чтобы вы приехали.

Говорит мать ему:

— Слушай, сынок Шкип, я ехать, конечно, не откажусь, но за такое оскорбление, что он мне предложил выйти замуж, не поеду к нему до тех пор, пока он сам не придет да не извинится. Я живу, наверно, не за морями, недалеко ему будет ехать.

— Ладно, мама, я не буду вас просить, чтобы вы поехали; и это правильно ты говоришь, но дело в том, что это

есть дядин долг, чтобы повиниться в своем преступлении. Я теперь поеду и обскажу ему.

И так он поехал. Отец, мать настолько обрадели, что забыли даже узнать про жизнь своего сына. А он приехал к дяде и говорит:

— Ну, дядя, коли ты сам виноват, то поди сам, проси свою сестру ехать, а она со мной не поехала. Поди сам и извинись в своем преступлении, конечно, она не откажет.

Царь сейчас же сел на лошадь и поехал к сестре. Зашел в дом и стал извиняться:

— Ну, прости, сестра, коли я такое сделал преступленье, не серчай, и поедем ко мне на пир, Шкипа женить все вместе, хотя он и не просит жениться, но уж он мне сделал такое большое дело.

И сразу они оделись.

— Ну, ладно, брат, коли ты сам покаялся, я на это не серчаю.

И поехали все вместе. А бабушку, конечно, пришлось оставить дома, потому что не было никого.

Вот когда они приехали, собрались все гости, то Шкип сказал:

— Слушай, дядя, ну-ка, примени кольцо к своей жене, будет ли впору, по отцовскому ли благословенью ты женился?

И он кряду подал кольцо жене. Жена надела — как тут и было.

— Ну вот, теперь живи.

И так пошел у них пир. Вот теперь говорит дядя племяннику:

— Ну, племянник, теперь выбирай из всех царских, королевских дочерей. Ты уж больно хитрый: про тебя слава пошла по всем государствам. Как родился, заговорил и был грамотный. И вот с этого стола можешь выбирать себе невесту, тут есть много с разных государств девиц. Не думай, что они откажутся.

И он отвечает:

— Ну, дядя, пока я еще молод, жениться не думаю.

Ему неудобно было при девицах сказать, где он хочет жениться.

— А я вам после этого пира скажу, время еще не уйдет.

Когда разъехались все гости, остались только отец да мать, да царь с женой, он и говорит:

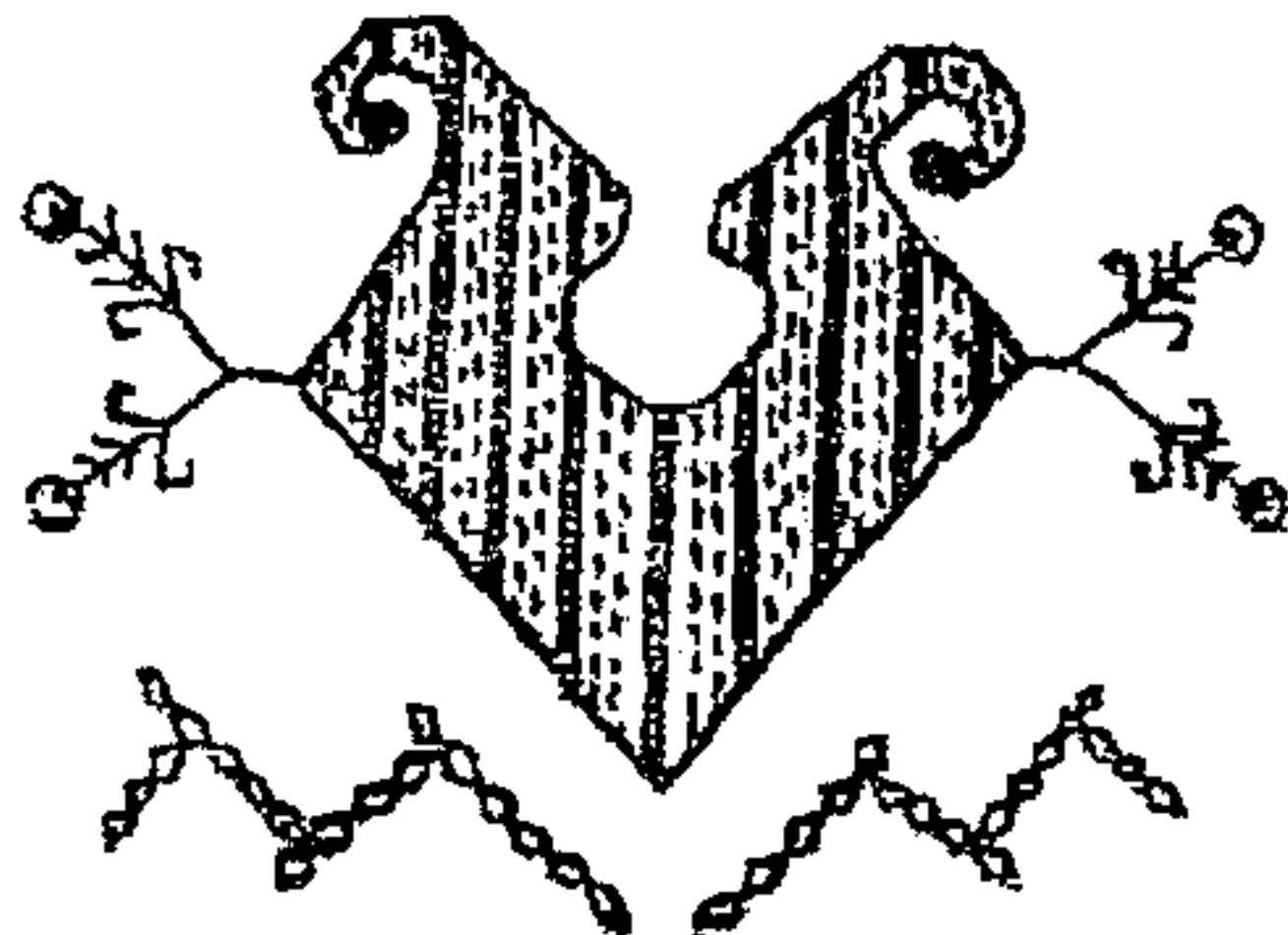
— Ну, дядя, теперь я скажу, на ком я хочу жениться. Тогда я постеснялся сказать при девицах, потому что они подумают, что я не хочу их взять. И не возьму, — даже добавил. — А теперь скажу вам про женитьбу. А почему я не хочу на королевских и царских дочерях жениться, я вам скажу: потому, что моя мать вышла, и вышла за бедного крестьянина, значит, она не считалась с государством или богатством своим. А я женюсь вот у такого-то крестьянина на дочери, — вот она этого же городу, здесь. А почему я не беру богатого роду, потому что и моя мать вышла за крестьянина.

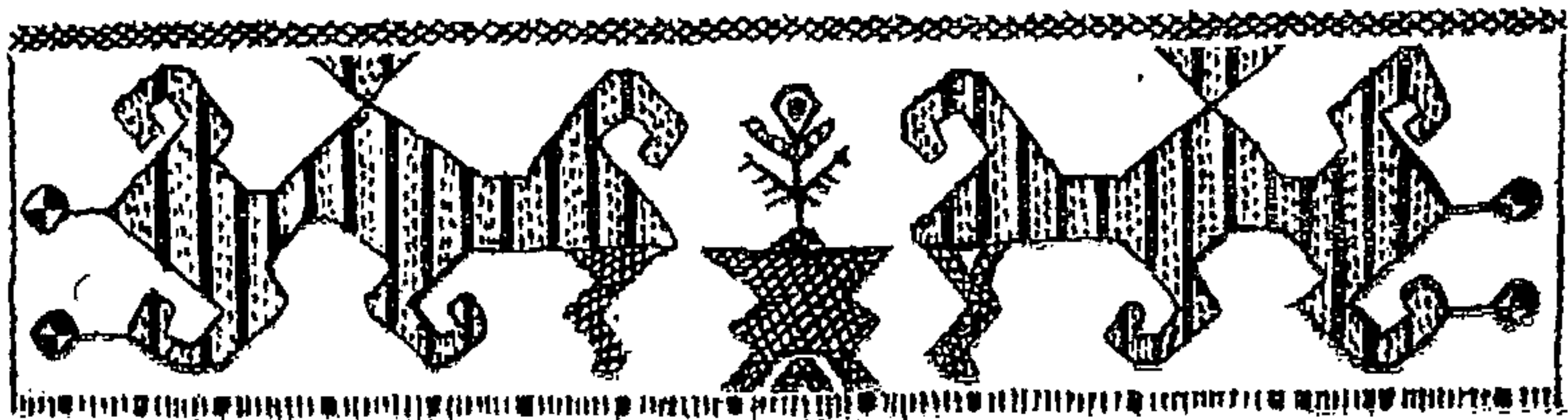
Ну, конечно, дяде было и конфузно, но делать было нечего, раз соглашается Шкип. Вот сейчас же Шкип поехал к этому крестьянину, берет дочь, пошел под венец, и устроили бал. После этого всего дядя проводит его, Шкипа, наследником своим на престол. И сказал ему дядя еще: — Ну, так где ты желаешь жить, у меня или поедешь к отцу?

— Нет, дядя, я у тебя жить не буду, поеду к отцу, матери, пожить с нимá, а потом увидим.

И вот так они распростились, конечно, поехали домой. Его отец-мать очень обрадовались, что сын поедет с нимá с женой, и бабушка тоже. Пожил он с нимá несколько времени, то уж дядя стал сильно наказывать, чтобы он приехал. И вот он когда к нему приехал, царь и говорит: — Ну вот, племянник, бери престол, правь престолом, а я уж стал стар, не могу больше править престолом.

И Шкип стал править престолом и жить да быть до глубокой старости. Но отца с матерью не оставлял, навещал их.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Вот не в котором царстве, не в котором государстве был-жил царь. У царя было три сына. Старший — Василий, средний — Федор, а уж меньшой, как всегда рассказывается, был Иван. Без Ивана сказка редко живет.

Вот когда эти сыновья уже стали на возрасте, так сейчас царь собирает всех трех и объявляет такую вещь:

— Вот, сынки мои любимые, вы сейчас знаете что? Я сейчас пока еще не стар, мне охота бы вас женить и посмотреть на ваших деточек, на своих внучат.

Сыновья отвечают:

— Так что же, батюшко, благослови, на ком жениться мы станем?

Отец отвечает им так:

— Вот что, сынки, выбирайте невесту вы себе сами: вам надо жить с ней, а не мне, — мой совет такой.

— Да нет, батюшко, нам бы хотелось узнать, что на ком тебе бы желательно нас женить?

— Так вот я вам, пожалуй, скажу и это. Возьмите вы, сделайте себе по самострелу и стрелите: куда ваши стрелочки падут — там вам и судьба жениться. Вот пусть на крестьянский двор падет, или на поповский, или там на княжеский — куда стрелочка падет — там вам и судьба жениться.

Ребята поблагодарили отца. Пошли, сделали себе по самострелу, выстрелили и пошли за этими стрелками следить, где ихни невесты. Вот у старшего — Василия — пала на королевский двор; у среднего — Федора — пала

на княжеский двор; те пошли за стрелками и тут же поженились. А у младшего — Ивана — поднялась и улетела, и сам не знает, куда. Пришлось тоже идти по направлению, разыскивать свою стрелу. Вот он и идет и идет. Вышел из города и пошел по направлению в лес. И видит, в лесу лежит большое болото. И на болоте небольшой хуторок. И на этом хуторке видит свою стрелку. Да, подходит к этому хуторку и ставает на крышу. Снимает ее с крыши и хочет идти домой. Только что хотел идти домой, вдруг выходит из хуторка старая-престарая старушка и заговорила:

— Ну, Иван-царевич, как ты пришел сюда за стрелочкой, то, значит, твоя судьба притянула тебя ко мне. Ты должен меня взять замуж по отцовскому благословению.

Он посмотрел на нее и говорит:

— Неужели я дожил до такой старухи? Ведь у тебя и ни одного зуба-то нет во рту, и идти-то ты не можешь. И не надо мне тебя, и я тебя не возьму!

— Ну, не возьмешь, как хочешь. Раз отец благословил — надо меня тебе взять. А не возьмешь — все равно от меня не уйдешь.

И он сказал:

— Нет, не возьму, пойду прочь.

И пошел. Но уйти никуда не может, вязнет в болоте. Вот она к нему подходит ближе и говорит:

— Ну, возьмешь, так не утонешь, а не возьмешь — все равно утонешь, не уйти тебе никуда от меня.

А он немножко подумал: «Что мне погнать эту, так пожить еще охота. Ну, все равно, чорт с ней, возьму, все едино жить с ней не стану».

Потом сказал:

— Ну, ладно, иди же, чорт с тобой, возьму тебя замуж!

И сразу очутился уже на крепкой почве. Вот идут, и говорит она ему дорогой:

— Вот, Иван-царевич, хоть ты и взял меня, но держать не умеешь (к чему это сказала, это впоследствии выяснится).

Он идет вперед и даже не оглядывается, думает про себя: «Все равно я с тобой жить не стану». И в скором времени пришли они в царство. Завел ее в одну комнату, оставил, а сам пошел к отцу обсказывать свое несчастное положение, что с ним случилось. Вот когда он пришел к отцу, отец и спрашивает:

— Ну, где ты, сын, так долго ходил и где невесту себе нашел? Уж братья твои женились: один на княжеской дочери, другой на королевской.

Он ему отвечает:

— Ой, батюшко, не спрашивай про мою женитьбу. Какой я у тебя родился несчастный меньшой сын.

— Ну, так что с тобой, сынок, расскажи, а я послушаю, на ком ты женился, кого привел?

Вот он стал рассказывать, как он выстрелил и пошел разыскивать свою стрелочку и как улетела стрелка в болото и пошел по направлению свою стрелу разыскивать.

— Когда я пришел в болото, и вижу небольшой хуторок и на нем свою стрелу на крыше. Я достал ее, хочу уйти прочь. Только я пошел — выходит старая-престарая старушка из этой избушки и говорит: «Ну, Иван-царевич, значит, судьба нам, раз отец благословил тебя взять меня замуж». Я, конечно, отказался от нее и хотел идти прочь, но стал тонуть в болоте и выйти никак не могу. Тогда она подходит и сказала еще: «Будё возьмешь — не утонешь, а не возьмешь — утонешь и не уйдешь никуда». И вот я, батюшко, взял и привел ее. Неохота мне-ка было потонуть в болоте, делай, что знаешь, со мной.

Теперь говорит отец Ивана:

— Ну, что делать, Ваня, видно, твоя судьба. Пусть живет она. Если делать ничего не может — это ничего. Пусть все равно живет, может, скоро умрет, раз она старая. Ты женишься потом на другой.

И вдруг приходят те братья к отцу, отец и говорит: — Ну, вот что, сынки любимые: на завтрашний день ко мне приходите, а я устрою для вас пир. И принесите по рубашке, пусть жены сошьют по рубашке, и я узнаю, которая из трех самая рукодельная, и тому отдам царство сыну.

Вот братья сказали:

— Ладно, батюшко, мы пойдем и прикажем им.

Потом отец сказал Ивану:

— Пусть и твоя старушка сошьет, если умеет; а уж если не умеет — то со старой взять нечего.

Иван повесил голову и пошел. Вот он пришел в эту комнату, где она сидела, и очень печальный сел на лавку. Даже и не смотрит на нее.

Она подходит.

— Ну, что, Иван-царевич, ты невесел — буйну голову свою повесил? Что же тебе отец велел сделать, какой дал заказ?

А сама знает — волшебница. Вот он ей и говорит:

— Что ты можешь сделать? Батюшко велел всем невесткам сшить по рубашечке, а что ты можешь сошить, как у тебя руки трясутся, чуть ходишь? И лучше отстань, не расстраивай напрасно!

И еще пуще голову свесил.

Она и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, не весь своей головы, а сходи, принеси мне десять аршин шелку, хошь я, может быть, и худую, а сделаю, не пожалей шелку.

Теперь он думает: «А, чорт с ней, пусть!»

Пошел, принес десять аршин шелку: «Пусть делает».

И сам пошел, чтобы не глядели его глаза. Вот эти невестки, когда братовья принесли им шелк, пришли посмотреть, как старая старуха будет шить. Когда она получила этот шелк, взяла, вырезала его на мелкие куски и выкинула эти куски за окно:

— Ветры буйные, сделайте батюшку рубаху, без единого шва, чтобы не стыдно ему было надеть ее при гостях.

И вдруг, не прошло несколько минут, и рубашечка была готова: скатана, крахмалена.

Она взяла ее, завернула и села на свое место. Невестки эти побежали от нее домой. Ну, и тоже все сделали так же: разрезали шелк на мелкие части и выбросили за окно, сами стали ожидать, когда будет готово, тоже эти слова сказали:

— Ветры буйные, сошейте батюшку рубашечку!

Сколько они ни ждали — ничего у них не вышло. Вот они и говорят своим мужьям:

— Ну, мужья, у нас ничего не вышло. Бежите скорей на рынок, купите какие ни на есть самые лучшие рубахи, чтобы нести отцу.

Те, конечно, собрались и отправились на рынок. И из самых лучших магазинов купили самые лучшие шелковые рубахи. Принесли домой. Тут же кряду собрались, надо было идти к отцу, к девяти часам. И Иван тоже это знал, что надо идти. И вдруг Иван приходит к своей старушке и говорит:

— Ну, что у тебя есть сделано?

А сам поворачивает голову на другую сторону, даже на нее и не глядит.

Она отвечает:

— Вот у меня, Иванушко, тут есть полотенце — завернута батюшку рубаха, буде понравится, так подари, пусть не осудит, уж какая есть.

И так все три брата приходят к отцу.

Вот сразу, когда они только явились, отец спросил старшего сына:

— Но-ко, Василий, покажи-ка, что у тебя жена за рукодельница есть?

Сейчас Василий вынимает рубаху и полагает на стол. Когда он посмотрел рубашечку, потряс ее и говорит:

— Ого, таких рубашечек на рынке можно сколько угодно купить. Плохая твоя жена рукодельница. Такие рубашки, бывает, что в праздники лакеи наши носят, и даже конюхи. Но-ко, ты, Федор, покажи своей жены ремесло, что она за рукодельница?

Когда он посмотрел тоже рубаху, и развернул:

— А, просто, как будто из одной фабрики все шло. Наверное, обе рубахи из одного магазина.

Потом подошел царь к младшему сыну и говорит:

— Ну, Ванюша, покажи теперь ты своей старушки рукоделье, я с ней спрашивать много не буду, какую уж она сделала — на то и буду мириться.

Иван подает ему сверток и говорит:

— Посмотрите, батюшко, я сам не смотрел, а она сказала, что пусть батюшко не осудит — какая есть.

Теперь батюшко развернул рубашку и говорит:

— Ну, посмотрите, какая это рубашка. Нет ни одного шва, она как будто живая. За эту рубашку, Иванушко, надо бы тебе и твоей жене-рукодельнице отдать царство, но уж не знаю, только что она старая, дак! Вот так рубашка! Вот уж не стыдно такую и при гостях надеть.

Теперь батюшко и говорит своим сыновьям:

— Вот что, сынки, принесите мне завтра каждый по хлебу, и по этойстряпне я узнаю, как ваши жены будут вас кормить.

И с темá словами братья разошлись. Старшие братья пришли и говорят:

— Ну, жены, батюшко не похвалил вашего рудоделья, а похвалил только рубашку, которую шила Иванова старушка. Очень хорошая у ней сошита рубашка. А теперь батюшко приказал испечь по хлебу — для гостей ему надо. Ну, старайтесь, мы принесем вам муки.

Тогда Иван тоже приходит к своей старушке. Сел на стул и повесил голову. Молчит. Вот она подошла к нему и говорит:

— Что, Иван-царевич, невесел, что буйну голову повесил, или батюшку не понравилась рубашка, или он дал какой новый заказ? Я постараюсь и, может быть, как-нибудь сделаю.

Он говорит ей:

— За рубашечку-то он не хулил, даже спасибо сказал и похвалил тебя. Но теперь он велел испекчи по хлебу. А где тебе это сделать, как у тебя руки трясутся, и на саму-то глядеть страшно.

— Ну, так слушай, Иванушко, уж не пожалей ты фунтов десять муки принести мне. Я какой-нибудь хлеб сделаю. Уж какой будет, такой и ладно.

Ну, он принес ей муки, а сам ушел, чтобы не глядели глаза.

И вот она сейчас, конечно, муку растворила, тесто вышло.

Она стоила печь, а в это время прибегают невестки смотреть, как она будет печь. Когда печь истопилась, она угли разграбила все по печи, выливает это тесто на угли, закрывает печь и держит его в печи два часа. (*Раньше, видно, тоже по часам пекли-то!*) Вот прошло два часа. Она открыла печь, и пошел сразу аромат по всей избе, так что духом кормит. Потом вытянула. И такой вышел хлеб румяный да пышный, что как картина. Ну, невестки убежали домой. Сейчас же стоили в ту же минуту печи, уголья по печи разграбили, вылили это тесто на уголья и закрыли печи заслоном (*только немножко не угадали, не с той сходили!*). Вот прошло два часа; как скрыли печи, а там одни угли: ни хлеба, ни теста, оказались одни угли.

И вдруг приходят ихни мужья.

Когда пришли, и спросили:

— Ну, как, жены, готовы ли хлебы?

— Нет, у нас ничего не вышло, все сгорело. Надо купить на рынке, так что уже время вышло, нам теперь не справиться.

Вот братья и пошли на рынок, а Иван без заботы, никуда не ходит. Вот они сбегали на рынок и купили самых дорогих изюмных хлебов. Принесли домой, а жены завернули эти хлебы в скатерётки, и братья понесли отцу.

Иван видит, что время итти, приходит к старушке:
— Ну, что, если изготовила — дай, я понесу, уж время итти.

Она приносит скатерть, завернула хлеб и говорит:
— На, Иванушко, неси. Понравится ли, нет батюшку, а я лучше печь не умею.

Иван пошел вслед за братьями. Вот когда они пришли, царь спросил старшего сына:

— Ну-ко, покажи изделие твоей жены, чем она будет тебя кормить?

Он сейчас подает хлеб. Он развернул его и посмотрел, и сам говорит:

— Да-к у нас этакие хлебы в праздники лакеи и конюхи едят. Ну-ко, ты, Федор, покажи.

Тот развернул скатерётку.

— На, батюшко, смотри.

— Так все равно, с одной фабрики или с одного рынку взяли. Ну-ко, ты, Иванушко, покажи, у тебя жена старая, тут уж взыскивать не буду.

Иван развернул скатерётку.

— На, батюшко, смотри, я не смотрел сам. А она просила строго не взыскивать.

Когда батюшко развернул скатерётку, то понесся аромат по всем комнатам.

И сказал батюшко:

— Вот так хлеб, либо гостям подать: кусочек съешь — другой с ума не пойдет; а уж другой съешь — третий бôle захочется. — Потом еще сказал: — Ну, сын, была бы твоя жена помоложе, тебе бы престол отдал за ейное рукоделье, ну, только уж стáра она очень, так пока я ничего не скажу, а вот приходите завтра все трое со женками, пусть они принесут мне по ковру своей работы. Какой умеют, такой пусть и сделают.

Братья все пошли домой. А в это время у царя стали гости собираться на бал. Братья пришли и сказали своим женам:
— Но, женки, шейте по ковру, и завтра пойдем к батюшку на бал.

Иван, значит, тоже идет к своей старушке, голову повесил и думает: «Что теперь я буду делать, как батюшко такой дал наказ? Ну, куда я ее поведу на бал, мне будет совестно, и перед братьями и перед гостями. И все будут глядеть на нее и смеяться».

Подходит старушка к нему.

— Что, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил, чем тебя батюшко огрубил, или я ему что плохо сделала, или дал наказ какой?

— Батюшко за твою работу очень благодарил тебя, но теперь дал такой наказ — к завтрашнему дню сошить вам всем по ковру своими руками и еще притти нам с женами к нему на бал. Ну, куда я тебя поведу такую, ведь братья станут смеяться, и все гости.

— Ну, ладно, Иван, что же делать? Поди, ложись спать, к утру я тебе ковер сделаю, а ты на бал поди один. Куда я пойду насмех людям?

Иван пошел, спать повалился. А в это время эти невестки в ночь сошили по ковру и утром одеваются в царские наряды и справляются на бал. А Иван пошел к своей старушке.

Когда он пришел, она подает ковер и говорит:

— На, свеси ковер батюшку.

Он посмотрел на нее и спрашивает:

— А ты как, не пойдешь, старушка?

— Да нет, я не пойду. Куда мне насмех людям итти?

Он берет этот ковер, а она ему и говорит:

— Когда принесешь этот ковер, положи его на стол, а там видно будет.

Он берет этот ковер и поворачивается итти, а она ему говорит:

— Слушай, Ваня, я еще тебе несколько слов добавлю: вот когда ты придешь на бал, то братья тебе сразу скажут: «Что ты не привел свою старушку, хоть бы люди посмотрели, какая она красавица». А ты им скажи: «Бросьте вы, братья, смеяться, зачем над старой смеяться?» И вот смотри и сиди. Дождик пойдет, ты и скажи: «Моя женочка дождевой водой умывается». Братья पुше будут над тобой смеяться. Потом гром загремит, а ты скажи: «Моя женочка в дорогое одеянье начинает одеваться». Они над тобой еще более будут смеяться и говорить: «Брат начинает глупить». Вот как молния блеснет, ты скажи:

«Вот моя женочка едет». И сразу выходит на крыльцо меня встречать.

И с этими словами Иван вышел и просто ног под собой не слышит, как идет во дворец. Вот приходит, кладет ковер на стол, ковер кряду соскакивает со стола и начинает плясать, танцовать и на музыке играть. А когда те братья принесли ковры, то их только под ноги бросить да ходить.

Вот отец и говорит:

— Ну, Ваня, за такое рукоделье твоей старушки, почему ты ее не привел, хотя бы она здесь с нами посидела.

Он ответил отцу:

— Но она не пошла, а может быть, и придет, я не знаю.

И сели после этого все за стол, и Ваня сел рядом с братьями. Потом начинает старший брат Василий говорить:

— Так что же ты, Ваня, не привел своей старушки, хоть бы посмотрели на такую красавицу люди.

И подтверждает кряду Федор. Он и говорит:

— А бросьте вы, братья, смеяться, ведь не всем быть красивыми.

И вдруг похóдит дождь.

Ваня смотрит и заговорил:

— Вот моя женочка дождевой водой умывается.

А Василий и говорит Федору:

— Смотри-ко, смотри, Иван-то со своей старухой уж глушить начинает, замолот что-то, что дождевой водой умывается.

Вот и гром грянул.

— Вот моя женочка в снаряжное платье снаряжается.

Федор ему и говорит:

— Брось ты, Ваня, ведь при гостях-то шутить неудобно.

Вот и молния блеснула.

Он говорит:

— Вот моя женочка едет сюда, — и выскочил, побежал встречать. Выбежал, смотрит — мчится тройка белых лошадей, и на ней сидит такая красавица дамочка, что даже глазом обвести невозможно, только взглянуть, так обрадуешься. Подъехала к крыльцу ихватила Ивана за руку, и пошла кверху.

А Иван так обрадел, что думает: «Хоть жена ли она есть, хоть не во сне ли это все мне снится?»

Заходит, конечно, за стол, и братья, отец и гости глаза вылупили, смотрят на нее неотрывно, до чего у Ивана жена хороша.

Тогда он поднялся и сказал:

— Так что, братья, еще ли будете смеяться над моей женой, что она старуха?

И братья замолчали, точно умерли. Все сидят за столом. Потом подошел отец к сыну своему и невестке и сказал:

— Дай мне руку, большое тебе спасибо за твою рукодельную работу. И вот, Ваня, я говорю, и все гости это подтвердят: я даю сейчас полцарства, а после моей смерти заступаешь даром надо всем моим царством.

Потом и спрашивает у сына:

— Ну, Ваня, скажи, как твою жену звать?

А Иван отвечает:

— Батюшко, я и сам не знаю, потому что она была старушкой, спросите у ней сами.

Он подошел к ней:

— Ну, невестка, скажи, как тебя звать, так мы и будем тебя почитать.

Она отвечает:

— Мое имя просто и легко, — меня зовут Елена Прекрасная.

Теперь дальше. Гости стали есть и на Елену Прекрасную все глядеть, и также невестки. Вот она ест, кусочек в рот, а другой себе в рукав, и невестки делают так же. И гости все смотрели, дивились и даже некоторые есть не могли, настолько она была красива, а уж про Ивана и говорить нечего, тот без памяти от такой жены сидит. И как она рассмеется, то золото повьется, а расплачется — жемчуг покатится.

Теперь после этого пошли танцовать. Иван вышел со своей Еленой Прекрасной танцовать. И вот они немного потанцовали — она возьмет и махнет рукавом. Открылось окно и за окном протекла река Нева, по реке заплывали разные уточки, селезни, гаги, и все зацели на разные голоса.

Потом вышли братья, пошли танцовать со своими женами. Те тоже немного потанцовали, и невестки махнули рукавом, — и из рукавов посыпались крошки и кости и полетели в гостей и в отца.

Царь закричал:

— Что вы, что вы? Ведь глаза можете так выбить всем гостям!

Им стало стыдно. Когда это все успокоилось, Иван вспомнил: «Куда моя жена положила эту свою старость, дай-ко я пойду, посмотрю».

И походит.

Она его и спрашивает:

— Куда ты, Ваня, походишь?

Она догадалась, куда он походит, только не думала, что он этак сделает-то.

— Да я этта недалёко.

И убежал. Приходит в комнату, где она жила, искал, искал, — нет ничего. Потом пошел в умывальню и видит — висит ейный кустом. Он, ничего не говоря, затопил печку и раз — кинул его туда.

— Пусть он сгорит, чтобы она больше никогда его не надевала.

Думал для лучшего. Когда он пришел обратно, то она спросила его:

— Ты где, Ваня, был?

— Да я был этта недалёко, — не сказывают.

— Наверно, ты был дома и сожег мой кустом. Если сожег — скажи мне правду и поедем домой сейчас же.

Он потом и говорит:

— Да, Елена Прекрасная, сожег.

— А ты знаешь, что сделал? Ты теперь открыл меня Кощею Бессмертному. Отец сдул весь капитал на этот кустом, чтоб на семь лет закрыть меня от Кошея Бессмертного, и оставалось еще ждать три дня, тогда бы он забыл меня, а теперь он приметит и возьмет меня. Давай, пойдём скорее, будё успеём.

Только они вышли на крыльцо, как спустился черный вихорь, подхватил ее, и он остался один.

Вот он пришел домой, не пьет, не ест, свалился и давай плакать. И думает: «Что я теперь наделал, не мог подождать три дня».

Отец ждал, ждал, с каким объяснением придет сын, не дождался, и на третий день сам пошел навестить их. Когда приходит, то смотрит — сын лежит в постели один.

— Что ж ты, Ванюша, ко мне не являешься и лежишь в постели один, а где твоя жена?

— Моя жена, — отвечает Иван-царевич, — вот я что,

батюшко, наделал. Когда с пира убежал и начал искать, куда она эту старость положила, — и начал ему говорить, — искал, искал, нашел этот кустом старой старухи. Взял, затопил печь и сожег его. Когда я сожег и прибежал обратно, Елена Прекрасная меня и спрашивает: «Ваня, ты где был, всяко мой кустом ты не сожег?» — «Я дома был и сожег твою старость». — «Ну, давай, скорей поедем домой, а то Кощей Бессмертный меня схватит». Еще сказала: «Ты не мог три дня помешкать, тогда бы Кощей Бессмертный меня забыл совсем». И вот когда мы вышли на крыльцо, спустилась чёрнеть, и подхватила Елену Прекрасную невидимая сила и унесла. Вот теперь и остался я один и лежу и плачу.

Улетело у него все дорогое.

Тогда сказал отец:

— Дурак же ты, Ваня, поэтому; не мог ты помешкать три дня, а она была бы потом всю жизнь твоя. А вот теперь что будешь делать, и я тебе тоже помочь ничем не могу. И пропало теперь царство для тебя, потому что ты неженатый.

Теперь Иван и говорит:

— Но, ладно, папа, пусть мама испекет мне подорожничков, я хоть умру, а все равно пойду ее разыскивать, мне без нее не житье.

И вот так кряду же ему приготовили сумочку. Он простился с отцом, с матерью и отправился в путь-дорогу.

Вот он идет, идет, идет далеко или близко, и все он идет дорогой. И до того он дошел, что идти не змог и пищи у него ничего не стало. И думает: «Ну, теперича все равно дорогой голодный умру».

А в это время видит — стоит избушка. Стоит и вертится.

Он подошел и сказал:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, а одну ночь ночевать, запусти прохожего!

Избушка остоялась. Он заходит и видит: стоит старуха у печки.

— Фу-фу, на Руси не бывала и русского духу не слыхала, а теперь слышу. Съем я тебя, молодец, я тридцать годов человеческого мяса не едала.

Он заговорил:

— Что ты, бабушка, холодного, голодного будешь есть, ты бы меня напоила, накормила, баню истопила, да в бане выпарила, а тогда бы тебе было мягче есть меня.

Потом старуха посмотрела на него. Напоила, накормила и в то же время баню истопила и в бане его выпарила, уложила в кровать и дала ему поспать, а потом подошла к кровати и говорит:

— Ну-ко, скажи, молодец, чьего ты роду-племени и как тебя звать? Скажи, куда ты идешь, куда путь держишь?

— Звать, бабушка, меня Иван-царевич. А иду я — половина волей, а другая — неволей, а третья — своей охотой. Женился я случайно на одной старушке, а она оказалась Елена Прекрасная. Я взял и сожег ее кустом старушечий, и ее унес Кощей Бессмертный. И вот теперь иду разыскивать.

— Дурак же ты, Иван-царевич; ты мой зять, а она мне родная племянница. И не умел ты ее держать, ведь через три дня бы она была твоя навсегда, а уж теперь и не знаю. Я тебе помочь ничем не могу. Ты знаешь, как отец скрывал ее от Кощея Бессмертного? Он весь свой капитал вложил, чтоб на семь лет закрыть ее (*знают тетки те, волшебницы, может быть, и сами помогали отцу*). А теперь ты иди к отцу, если он тебя помилует, дак то ладно, а не помилует, дак, пожалуй, и живому не бывать. Он отсюда живет недалёко. Вот и иди, а когда увидишь большой дом и встретит тебя старушка, напоит, накормит. Это будет твоя теща, а уж если будет сам дома, я не знаю, что тебе будет.

И вот он распростился с этой тетушкой и пошел. Идет он, идет и идет, и идет далёко ли, близко, — сам не знает. И вдруг видит — стоит дом, большой-пребольшой. Подходит к этому дому. Только подошел к крыльцу, и видит — выходит ему старушка навстречу. Открыла дверь и сказала:

— Заходи, молодец, в избу.

Когда он зашел в избу, она сейчас накрыла стол, напоила его, накормила и уложила спать. А сама села рядом и стала спрашивать:

— Ну-ко, скажи, молодец, чей ты будешь и куда попадаешь, хоть не из родни ли приводишься?

А уж сама знает: тетка известила.

— Если ты был бы не из родни, то, я знаю, тетушка тебя бы не пропустила. К нам сюда птица не пролетает, зверь не прорыскивает, и молодец не проходит.

Вот он и начинает:

— Вот кто я есть: я есть Иван-царевич, а иду я половина волей, а другая — своей охотой из-за большой нужды.

Вот он обсказал все свое положение. Она только охнула.

— Ну, счастлив был, зятюшко, что нет сейчас отца дома. Пропажа моя несчастная, Еличка у Кощея Бессмертного! А ты теперь отдыхай. Как придет отец, я тебя побужу. Будешь к нему подходить — падай на колена и проси прощения. Что он тебе скажет, я не знаю.

Иван, конечно, спит. Вдруг приходит отец в дом и говорит:

— Ну, кто у нас есть в избе, сказывай, а то и тебе будет худо. Кого ты запустила?

Она и говорит ему:

— Слушай, муж, у нас не чужой человек. Запустила я нашего зятя, ты знаешь, в каком он положении? Идет и горько плачет.

Он и сказал:

— Ну, веди его сюда, я с ним поговорю, коли он пришел сюда. От меня ему пощады не будет никакой, коли так он сделал.

Вдруг она приходит:

— Ну, Иванушко, иди, пришел отец.

Вот Иван подходит и, не доходя до него, пал на колена и говорит:

— Батюшко, прости меня, я сделал большое преступление.

Он сказал ему:

— Ну, зять, встань, садись со мной за стол, я тебе об-скажу все.

Вот Иван сел за стол, а отец и говорит ему:

— Знаешь ты, что сделал, что сожег этот кустом? Я всю жизнь летал по свету и собирал богатство, и все вхлопал в этот кустом, а ты сожег его, как тряпку какую. Больше я ничем помочь тебе не могу, потому что она живет у Кощея Бессмертного, и я с ним ничего поделать не могу. Ну, только могу тебе дать коня, шлем и меч, и ты теперь поезжай к Кощею, коли ты это преступление сделал сам. Конечно, ты подъедешь на Кошееву территорию,

он тебя будет огнем жегчи и не допустит. Ты тогда снимай шлем и начинай им махать. Он тогда тебя допустит до себя, и уж ты тут разговаривай сам. Может быть можешь поступить к нему каким-ни работником, ли холуём, и все может статься, что каким-ни случаем ты ее там и увидишь. Тогда, если увидишь или достанешь ее, тогда приезжай ко мне, ну уж, если ты не достанешь Елены Прекрасной, тогда ко мне не вращивайся, а то жив не будешь.

Вот затем он выводит ему коня, дает ему меч и шлем.

Он распростился с своим тестем и тещей и отправился в путь-дорогу. Вот он ехал, ехал, ехал и приезжает на Кошечью территорию, а Кощей в это время сидел на том месте, где лежал его меч. Тогда уж начинает его Кощей огнем жечь. Он скидывает с себя шлем и начинает им махать. Тогда Кощей допустил до себя, видит, что едет какой-то с просьбой. Когда подъехал Иван к нему, он и спрашивает:

— Ну, скажи, молодец, зачем ты приехал, за какой нуждой?

Он ему и отвечает:

— Я к тебе приехал, хочу поступить каким-нибудь работником или холуём, послужить верой и правдой.

Тогда он ему сказал:

— Да у меня только те могут служить моими рабами, которые силой со мной равны.

Он и говорит Кощей Бессмертному:

— Я не знаю твоей силы, ты наперед покажи, что у тебя за сила.

— Тот со мной силой равный, кто может выкинуть мой меч кверху, и чтобы он пролетал шесть часов вверху, вот тот будет со мной силой равный.

Тогда он сказал:

— Слушайте, вы покажите сначала сами, а уж потом я вам сделаю.

Тогда Кощей сошел с этого места, взял свой меч и бросил кверху.

Передал ему часы.

— На, смотри.

Прошло ровно шесть часов, и упал меч на то же самое место и ушел в землю, только видна была одна ручка. Берет у него часы.

— Ну, иди и дай мой меч.

Иван-царевич подходит к мечу и даже и пошевелить с места его не может, и сам стоит.

Кошмой спрашивает:

— Ну, что ты стоишь, не кидаешь? Время не ждет.

— А вот погоди, сейчас плывет небольшое облачко, я закину твой меч за это облачко.

Кошмой посмотрел на него, взял, дунул, обратил орехом и выкинул Ивана-царевича в чистое поле. Вот и лежит Иван-царевич там. Ему пошевелиться там, в орехе, было никак.

И вот лежит и день и два. На его счастье прилетел в это время орел. Прилетел орел, увидал этот орех и клюнул. Иван-царевич выскочил и говорит:

— Ну, слава богу, я теперь жив, спасибо тебе, орел-батюшко.

Отвечает орел ему:

— Да как скажи-ко, Иван-царевич, как ты попал в этот орех, объяснись мне.

— А вот, орел-батюшко, у меня Кошмой Бессмертный утащил жену, и я пришел к нему, но не мог поднять его меча, и он на меня озлился, дунул на меня, обратил в этот орех и бросил в чистое поле, вот каким манером очутился я здесь.

Он все это кратко ему говорит. Отвечает ему орел:

— Да, это я знаю давно, Иван-царевич, но если ты хочешь быть равной силой с Кошмой, то пооди ко мне работником на три года, и я наведу тебе такую силу, что ты будешь ровен Кошмой.

Иван-царевич немного подумал и говорит:

— Да как что же, орел-батюшко, я пойду с тобой.

Тогда орел посадил его на себя и полетел в свой дом (вот, бедняжка, десять лет надо мучиться). Когда прилетел орел домой, то обернулся стариком, привел Ивана царевича в кухню и говорит:

— Вот пеки и стряпай на меня да на себя, только тебе и работы, а я через год тебе заплачу за это.

Иван-царевич начинает свою работу, и в скором времени он прожил год у дедушка. Вот когда он прожил год, сели они обедать. Старик спустился в погреб и приносит бутылку вина. Вылил это вино в чашку и говорит:

— Вот, Иван-царевич, вышей, это тебе за целый год, за твою работу.

Иван-царевич посмотрел на эту чашку и говорит:

— Дедушко, мне ведь не выпить будет, я от роду ведь его мало пивал совсем.

А дедушко отвечает ему:

— Это ведь не для того, что будет тебе плохо. Ты пей, будет тебе для здоровья лучше.

Тогда Иван-царевич берет эту чашку и выпивает ее одним духом.

Когда они пообедали, он ему и сказал:

— Пойдем, Иван-царевич, в поле, я тебе покажу свой меч. Он такой же, как у Кошеля.

Пришли к этому мечу, старик берет меч, подает Ивану часы и кидает этот меч кверху. Пролетал меч шесть часов и упал на то же место.

И сказал дедушко:

— Вишь, Иван-царевич, все еще у старика сила по-старому. Дай-ко мне часы, можь ли ты мой меч поднять или выкинуть?

Тогда Иван-царевич подал часы и взял меч и выкинул его только на два часа. Меч пролетал два часа и упал на то же место.

— Теперь, ладно, Иван, пойдем домой, и продолжай у меня ту же работу.

Пришли домой, и стал Иван делать то же, что и раньше делал.

И вот провел же он опять и второй год. И сели опять с дедушком обедать. Когда только сели обедать, дедушко ему приносит две бутылки вина и говорит:

— Ну, пей, это тебе за этот год работы.

Он даже не стал отказываться, как узнал первый раз, что за вино, взял, выпил все зараз. Когда пообедал, то дедушко ему и говорит:

— Ну-ко, пойдем в поле, посмотрим и узнаем, такая ли у меня сила, как раньше была?

Дедушко подходит к своему мечу, отдает Ивану часы и выкидывает меч. Меч шесть часов пролетал и упал на то же место. Тогда берет часы дедушко и говорит Ивану:

— Ну-ко, теперь видай ты.

Иван выкинул, и меч пролетал уже шесть часов и пал на то же место.

Вот он сказал:

— Пойдем, поживи еще у меня год.

Идут. Дорогой дедушко и говорит:

— Вот, поживи ты у меня еще год, тогда у тебя силы будет в полтора раза больше, чем у Кощея. Теперь уж у тебя силы с ним ровные, потому что мой меч такой же тяжести, как и Кошечев.

Теперь опять пришли домой, и Иван поступил на старое место и прожил третий год. Когда прожил третий год и сели опять обедать, дедушко приносит целую четверть и говорит:

— Вот, Иван, пей твое жалованье за третий год.

Вместо вина-то он ему дает силу. Он выпил. После обеда дедушко и говорит:

— Пойдем, Иван, в поле, я еще испробую, по-старому ли у меня есть сила?

Вот подходят опять же на то место. Дедушко берет меч, а ему передает часы. Выкинул меч. Меч шесть часов пролетал и упал на старое место. Дедушко берет часы в руки и говорит:

— Ну-ко, ты теперь, Иван, брось меч, увидим, что будет. Иван бросил. Прошло шесть часов — меча нет. Прошло семь и восемь — меча нет.

Дедушко и заговорил:

— Ну, Иван-царевич, беда близко. Если не падет меч к девяти часам, то меня живого не будет, и ты также вместе со мной погинешь.

Вдруг прошло пол-девятого и девять, меч в это время пал. Дедушко и говорит:

— Ну, Иван-царевич, я тебе больше своего меча кидать не дам: ты знаешь, я не могу без него жить больше трех часов, чтобы его не видеть, что у меня душа в мечу, так же и у Кощея, вот почему я не могу жить без меча. Мой меч не сечет Кошечев меч, и также Кошечев меч не сечет мой. А теперь пойдем домой, а я тебе обскажу, как ехать к Кощею за своей Еленой Прекрасной. Теперь у тебя силы есть в полтора раза больше Кощея.

Вот они пришли домой, сели за стол, дедушко ему и стал говорить:

— Слушай, Иван-царевич, я тебе даю своего коня такого, что которого пуля не мет и которого огонь не жжет. Этот конь на воде не тонет и в огне не горит. И он тебя

представит к самому Кощею Бессмертному. И вдобавок дам тебе свой меч. И когда ты прискачешь к Кощею Бессмертному, то он на тебя очень озлится и скажет: «Кто ты такой, молодец, есть?» А ты отвечай ему так: «Помнишь, как, бывало, ты замкнул меня в орех да бросил в чисто поле?» Он овернется посмотреть, а ты в это время соскакивай с лошади и бей его мечом своим, только не моим, а своим мечом. Когда ты его ударишь, тогда скрычат там со стороны слуги: «Бей его, собаку, другожды». А ты скажи: «Нет, у нас на Руси однежда бьют». Если бы ты ударил второй раз, он оцелит, и ты его вовеки не убьешь, а он тебя убьет. После этого ударяй меч в землю со всего маху, и меч провалится сквозь землю, и туда же его куски полетят. Потом скачи на лошадь и бери мой меч в руки. Тогда наедет на тебя двенадцать богатырей, но ты с ними легко справишься, только бей моим мечом. Когда ты убьешь этих богатырей, тогда подойди к его замкам, и там ты найдешь все закрытым на замки. Бей ты по этим замкам моим мечом и иди, разыскивай свою Елену Прекрасную. А когда ты доставишь Елену Прекрасную, то привези ее сюда, я знаю, что она очень худая сейчас, и я ее направлю. И тебе придется здесь еще три года прожить и не спать с ней, потому что она очень худая, а ты очень теперь сильный. И надо, чтобы она сделалась тоже так же сильная.

Кряду вывел его после этого на крыльцо, а там уже стоял меч, и рядом был конь.

— Но, садись и поезжай, но помни, что я тебе сказал.

И вот он, как только сел на этого коня, так и понесся. И видит, сидит Кощей Бессмертный и огнем жгет, а конь бежит, хоть бы что. И начал Кощей Бессмертный подвертывать озера: водой топить. Конь еще сильнее бежит. Начал Кощей палить, рубить, стрелять по коню — ничто не льнет.

Прискакал к самому Кощею Бессмертному и стал против него.

Тогда он закричал:

— Что же ты такой едешь, нахал, и стал против меня? Говори, кто ты такой есть?

Он соскочил с лошади и указал рукой в поле.

— Помнишь, как ты меня замкнул в орех и бросил туда, в чисто поле?

Кощей обернулся, смотрит в чисто поле, а в это время Иван-царевич соскочил с лошади и ударил его своим мечом и перерубил пополам. Закричали слуги:

— Бей его, собаку, другой раз!

Он отвечает:

— Нет, у нас на Руси однежда бьют.

Размахнул и бросил меч в землю. Меч провалился сквозь землю, и туда же полетели куски Кощея Бессмертного. Вот он скочил на свою лошадь и берет дедушкин меч в руки. Смотрит, вдруг выехало двенадцать богатырей. Не прошло часа времени, как Иван-царевич уничтожил этих двенадцать богатырей, подскакал к замку Кощея Бессмертного, соскочил с лошади, привязал ее и подходит к первой двери. Смотрит, — замок на ней висит тяжелый. Ударил мечом — открыл первую, вторую и третью дверь. Приходит в столовую Кощея Бессмертного, где тот всегда пил и ел. Смотрит, на столе — скатерётка-хлебосолка и на ней пища, на что только взглянешь. Вот ему захотелось есть. Сел за стол и думает: «Где у меня прекрасная Еличка теперь находится?»

И как-то случайно взглянул под стол и видит под столом в полу человечью голову. Видна только одна голова. Вот он и спросил:

— Кто тут есть за человек, скажи мне-ка, есть ли жив?

Голова немножко подумала и сказала:

— Я есть Елена Прекрасная, но кто ты за человек и зачем ты приехал, уходи, пока не пришел Кощей Бессмертный.

— Я есть, Елена Прекрасная, Иван-царевич, пришел за тобой и теперь тебя возьму, а уж про Кощея Бессмертного помину нет: я его убил, так что об этом думать нечего.

— Коли так, Иван-царевич, и пришел ты за мной, то я тебе скажу: семь лет, как я просидела у Кощея Бессмертного, и он каждый день звал меня замуж, но я все отбивалась от него своим талисманом, что он подойти ко мне близко не мог. И вот семь лет я прожила, и он в семь полов меня закрыл, и, как хошь, меня доставай. А сёгону прикрыл меня восьмым, и я бы умерла. Кормил он меня только одним косями.

Он говорит:

— Все равно, Елена Прекрасная, вырублю я все полы, но достану тебя живую.

Она и говорит:

— Нет, Иван-царевич, от трясенья мне не вынести будет: я умру, а ты вот или вдоль этой стены и там наткнешься на кнопку, как будто булабочка. Нажми ее, и там откроется дверь. Когда ты откроешь дверь, то там увидишь столько ключей, что тебе и не сосчитать будет. И вот когда ты возьмешь эти ключи, то подбирай их и отпирай постепенно все двери и снимай полы. Тогда только я спокойно выйду.

Он сейчас же встал на ноги и повел по этой стене рукой. Нашел кнопку и прижал ее. Открылась дверь. Он смотрит — там ключей, и правда, не сосчитаешь. Берет эти ключи и начинает подбирать к замкам. Подобрал и открыл все семь полов. Откроет, поднимет — и так открыл все семь полов. Открыл, и когда вышла оттуда Елена Прекрасная, тогда до чего она была худая, что на ногах стоять не могла. Он и говорит, Иван-царевич:

— Но, пойдём, Елена Прекрасная, я посажу тебя на коня, и поедём к дедушку, а там ты поправишься.

Сели на коня и отправились к дедушку. Приехали. Когда дедушко увидал, что Иван-царевич привез Елену-Прекрасную, вышел на крыльцо и говорит:

— Ой, какая ты, Елена Прекрасная, худая. Но, ладно, поживи-ко у меня три года, дак поправишься.

Тогда и говорит Ивану-царевичу:

— Так вот, Иван-царевич, когда ты сошелся с Еленой Прекрасной, ты ее не знал, а когда ты увидал ейнюю такую красоту и сожег ейный кустом, тебе с ней спать не удалось, и теперь тебе три года с ней спать нельзя, пока я ей не наведу силу такую же, какую ей нужно.

А потом берет ее за руку и ведет в ту же комнату.

— Вот, Елена Прекрасная, можешь ли пекчи и варить нам с Иваном-царевичем и также и себе — только тебе и работы. Я каждый год буду тебе за это платить жалованье.

Она не отказалась, конечно. Вот она и провела год. Приходит тот день, что кончился первый срок. Сели они обедать. Дедушко таким же манером приносит бутылку и говорит:

Вот тебе, Елена Прекрасная, жалованье за год, пей.

Она говорит:

— Что ты, дедушко, я от роду не пивала, где мне выпить целую бутылку.

А он и говорит:

— Пей, Елена Прекрасная, это на пользу.

Ну, она и выпила. После обеда дедушко и говорит:

— Так что же, деточки, пойдёте, посмотрим мой меч: ещё ли старик может выкинуть его, ещё ли сила у меня по-старому?

Потом приходят они к мечу. Вот берет дедушко меч и дает Ивану-царевичу часы, сам выкинул меч. Простояли шесть часов, меч пал на старое место.

— Но, видно, ещё у старика сила по-старому. А ну-ко, Елена Прекрасная, можешь ли его выкинуть, сколько-ни?

Она ухватилась за меч и подняла его только до груди. А уж выкинуть не могла.

— Ладно, пойдёте, а уж тебе, Иван-царевич, я меча не даю, потому что пролетает он девять часов, нам ждать долго, а может, и больше, — тогда мне и смерть.

Он уж знает, был раз в натруске, дак! Потом пришли они домой, а дедушко и говорит:

— Ну, как, Елена Прекрасная, себя чувствуешь? Справилась немного?

— Да, дедушко, посправилась теперь.

— Ну, вот, поживи ещё два годика, и совсем справишься.

Она провела и второй год. Когда сели обедать, дедушко приносит ей уже две бутылки и сказал:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, за год твое жалование, пей.

Она и говорит:

— Дедушко, ведь не выпить мне.

— Пей, дочка, пей.

Ну, она и выпила. Потом дедушко и говорит:

— Так что, пойдёте в поле посмотреть мой меч.

Приходят они, конечно, в поле. Дедушко берет меч, дает Ивану-царевичу часы. Выкинул. Пролетал меч шесть часов, пал опять же на старое место.

Все у старика ещё сила по-старому.

Вот и говорит дедушко:

— Так что ж, Елена Прекрасная, выкинь-ко мой меч.

Она берет меч, подняла и кинула кверху. Меч пролетал три часа. Дедушко и говорит:

— Вот, хорошо; поживи-ко у меня ещё год, — совсем справишься.

И кряду пошли домой. Она поступила на старую

должность и быстро прошел этот третий год. Вот опять сели обедать, и дедушко приносит теперь уж три бутылки. — Вот, Елена Прекрасная, пей.

А уж Ивану-царевичу не дает, тому хватит и того, что есть. А она даже не стала и отказываться, выпила это вино. Дедушко после обеда и говорит:

— Так что же, сходимте, еще раз посмотрим мой меч, а уж больше не пойдём.

Так они и отправились в поле. Подошел дедушко к своему мечу и выбросил его вверх. Меч пролетал шесть часов и пал на прежнее место. Потом берет Елена Прекрасная этот меч и выкидывает его. Меч пролетал шесть часов. Дедушко и говорит:

— Вот, Елена Прекрасная, у тебя теперь сила такая же, как и у меня, а у Ивана-царевича на полтора раза больше. Теперь ты можешь с ним жить и спать, и живите, как желаете.

Так вместе все пошли оттуда. Иван-царевич захватил Елену Прекрасную за руку и пошли к дедушке в дом. Дедушко еще говорит:

— Вот если у вас будут и дети, то будут такие же, как и ты, Иван-царевич, сильные.

Пожили они у дедушка неделю, Ивану-царевичу стало скучно. Стал он об отце и матери и также о братьях думать, ведь десять лет не бывал там. А ему интересно еще узнать, что кому достанется царство или кому досталось. Тогда Иван-царевич подошел к дедушке и говорит:

— Как бы мне, дедушко, съездить на родину, повидаться с родными, я уж десять лет не бывал, как ты знаешь сам.

Дедушко и говорит:

— Ну, что же сделаешь, поезжай, дам тебе коня. И дам с таким расчетом, что если желаешь сюда приехать, то корми коня, а если не приедешь, то не корми, а сразу отправь сюда.

Может быть дедушко сам конем будет, да поди знай, может, и к Кощею-то он на дедушке ездил, потому что тот после его ни об чем не спрашивал.

Потом Иван-царевич вспомнил тестев наказ, что приезжать просил вместе с дочерью. (*Опять у дедушка будет разрешение просить.*)

— Так вот, дедушко, скажи правду еще. Я тебя спрошу: когда я был у тестя, то он мне сказал: «Ежели достанешь Елену Прекрасную, то приезжай повидаться». Можно ли будет к нему завернуть?

Тогда дедушко и сказал:

— Ну, что же сделать, как велел, так пушай Елена Прекрасная повидается с отцом, с матерью, но только не больше живи, как четыре часа.

Так, тогда Иван-царевич стал благодарить дедушка, и также Елена Прекрасная. И вышли на двор, где стоял конь. Посадил Елену Прекрасную на лошадь, сам скочил и поехал. Только сели, как были у тестя своего. Когда увидала мать зятя и дочь, то выбежала на крыльцо и стала плакать и целовать их обоих. Потом повела в дом. Да, привела в дом, тут же встретил отец, тоже стал со слезами обнимать и ласкать зятя и дочь. Тут же сели они за стол. Тогда он говорит своей старухе:

— Ну, старуха, неси на стол, чего у нас только есть, все неси.

И вот она нанесла — ешь, на что только взглянешь. Когда поели, тесть и говорит:

— Ну, теперь расскажи, Иван-царевич, как ты достал Елену Прекрасную.

Он ему и отвечает:

— Слушай, батюшко, если мне все это вам рассказывать, как я достал Елену Прекрасную, нас затянет очень долго, а мне дедушко-орел не велел долго оставаться. С таким расчетом и лошадь дал.

— Знаю, Иван-царевич, я орла. Дак это он тебе помог?

— Да, он.

Тогда он кое-как, кое-что рассказал ему простенько, как это было все дело.

Тесть и говорит:

— Ну, ладно, молодец, Иван-царевич, живите счастливо с моей дочерью и поезжайте. А то думал, что ты у меня проведешь год, а уж коли так дедушко сказал — поезжайте.

Распростился он с отцом, с матерью, сели на лошадь и поехали. И как только поехали, то уж были в своем царстве, еще не прошло и суток. Когда Елену Прекрасную увез Кошфей Бессмертный, то этот ковер, который пел и плясал, а также река Нева и утки, и селезни, — все это

уничтожилось, и ковер лежал недвижимо. А как Иван-царевич и Елена Прекрасная только приехали в свое царство, ковер опять же стал плясать и играть и тоже образовалась опять река Нева — все, как было. Вот народ-от и повеселел. Пока не было Елены Прекрасной в этом государстве, это все царство было как-то уныло. И уже вышел срок, и отец-царь находился при смерти и все дожидал, что Иван-царевич придет. И как раз в этот день уже хотел передавать престол старшему сыну. Вот только приехала Елена Прекрасная, царь сразу повеселел, и по всему государству понеслись духи и ароматы, и народ стал весь веселый, хотя еще никто не знал, что они приехали. Вот они, как вошли в царство с Еленой Прекрасной, то все комнаты качались и полы тряслись, и все люди смотрели на них и дивились (*такие два богатыря не легки были*). Только зашел в эту залу Иван-царевич, где сидели гости и братья, то отец и мать бросились им на шею и очень обрадели. Тогда отец и говорит старшему сыну Василию:

— Ну, Вася, уж как хочешь, а теперь тебе придется отступиться, раз пришел Иван-царевич, так ему и владеть престолом.

Тот не стал поперечить и вышел с царского места, а на его место сел Иван-царевич.

Тут Ваня сейчас вспомнил про коня. Только Иван-царевич сел за стол со своей Еленой Прекрасной, как вспомнил и говорит:

— Слушай, Елена Прекрасная, мы с тобой совсем забыли дедушкину заповедь. Раз мы решили остаться в царстве — надо бежать скорее, отпустить коня.

Тогда они прибегают на двор, отвязали коня и говорят:

— Ну, милый наш коничек, большое тебе спасибо, что привез ты нас в свое царство, и скажи ты дедушку от нас тоже большое, большое спасибо, что он нам во всем помогал!

И так конь скрылся из виду.

Пришли, на свое место сели, стали его отец и мать спрашивать:

— Ты что, Иван-царевич, отпустил коня, ведь у нас бы было чем его накормить, напоить, хошь тем, что ты сам пьешь, ешь, накормили бы, напоили.

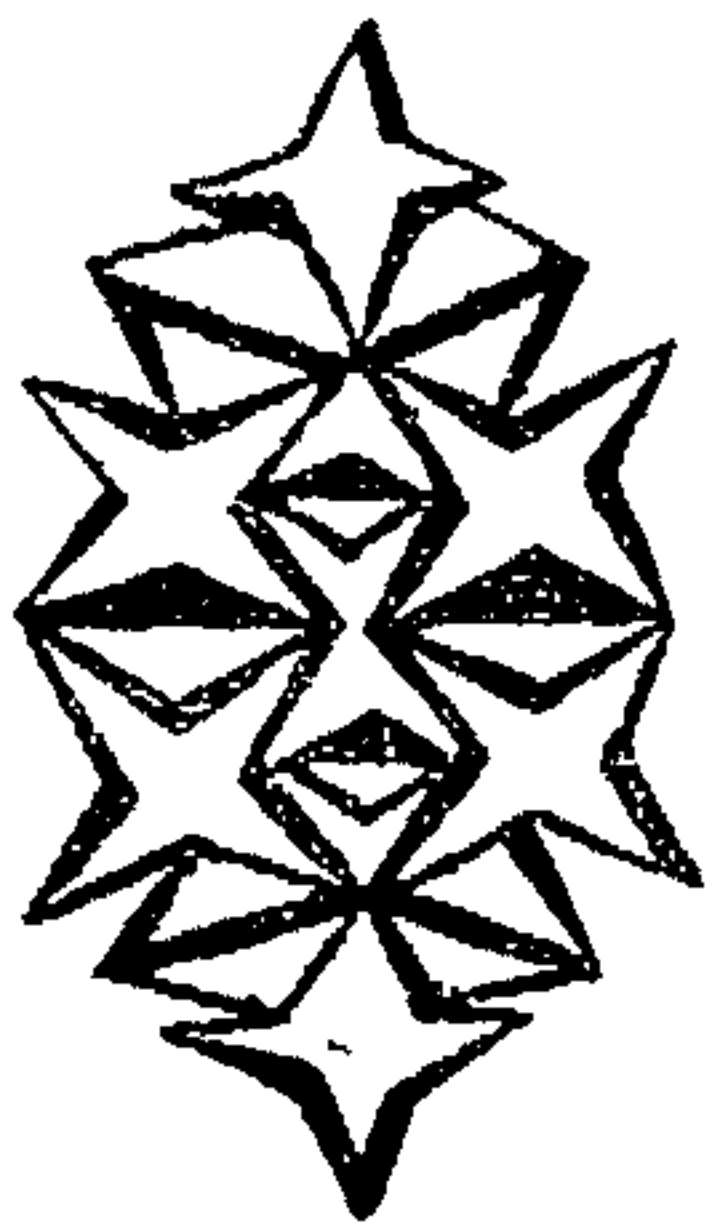
А он ответил:

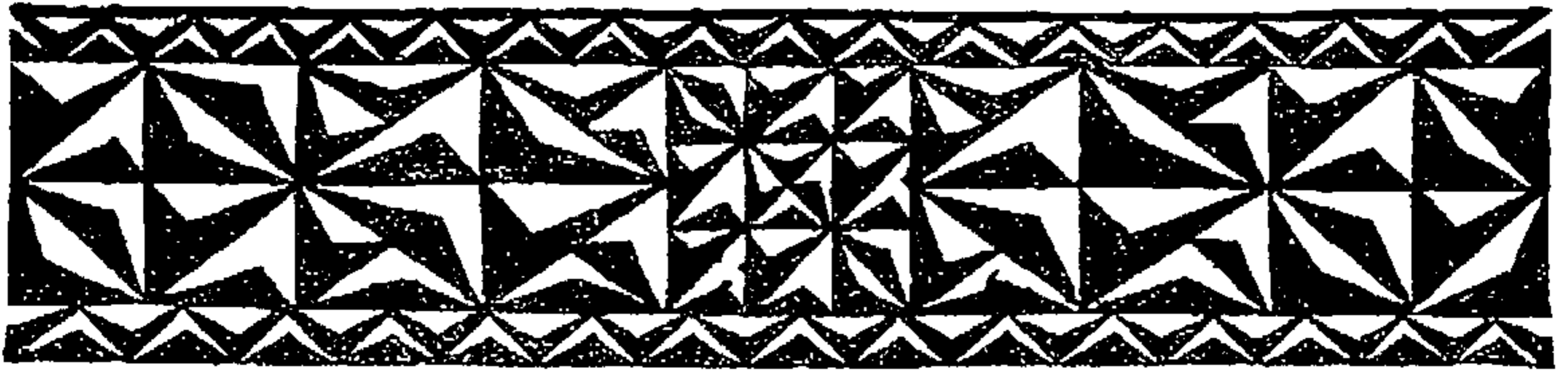
— Мне держать его было больше нельзя, надо было исполнить дедушкину заповедь.

Тогда говорит отец:

— Я все-таки осмеюсь спросить, сынок, как ты достал Елену Прекрасную?

Он начал рассказывать. И все он рассказал, как что с ним случилось, как он в орех был замкнут, как ему дедушко помогал и как с Кощеем бился — все обсказал, что с ним было. Все слушали, и многие даже плакали над его приключениями — повторять не будем. Тогда, значит, Иван-царевич получил престол, и все обрадовались, что Иван-царевич стал царем. И стали они жить и быть до глубокой старости.

КАК ЕЛЕНА-КОРОЛЕВНА ВЫВЕЛА ЦАРСКОГО СЫНА ОТ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЯ

Нé в котором царстве, нé в котором государстве был знаменитый купец. Но он не имел никакой торговли, а имел громадные земли для посева и много имел рабочих. И этот избыток хлеба продавал в разные государства, и из-за этого он оборот большой получал денег. Когда он насеет хлеб весной, то обирает на осень, скажем, в августе месяце, и говорит рабочим своим:

— Вот когда будете хлеб обирать, то смотрите, не оставьте одной зерныны на по́жне, смотрите, чисто обирайте, чтобы не было покушения от зверья или от птиц.

И эти слуги, работники, конечно, это все исполняли.

И вот раз они обирают хлеб и так дочиста обирали, что, думали, ничего не осталось. На это время все-таки оставили они в главной полосе, может быть, несколько десятков зернын и сами даже не знали. Но птицы пользовались тем случаем и стали следить. Во-первых, прибежала мышка и прилетел воробушко, малая головка. И вот они поели три зернышка, на четвертом подрались; и так сильно подрались, и заспорили. Потом мышка и говорит:

— Ну, коли так, кто заберет сильнее, тот и будет правее.

Заговорила мышка:

— Сколько будет бегучего зверья, то идите мне на помощь.

А воробушко сказал:

— А сколько есть летучей птицы на свете и пусть мне летит на помощь.

Ну, это поле было около пятисот десятин земли, и полное поле налетело зверья и птиц, и пошла у них промеж

собой битва, можно сказать — война. И вот через сутки, сколько они бились, не осталось ни одной животной живой, только остался один орел, сидящий на лесине, раненый.

И случилось пойти на охоту молодому царевичу в этом же городе. Он был недавно только женат. Он приходит на широкое поле и видит — все поле усеяно зверьем, и все были мертвые. Когда он прошел это поле, на краю видит — сидит орел на сосне на самых низких суках; он прицелился, хотел его стрéлить. Орел ему и заговорил: — Слушай, Иван-царевич, не стреляй меня, возьми меня к себе.

Он опустил ружье и раздумался: «Ну, что я его понесу, такого громадного зверя, мне и не унести будет».

И хочет второй раз стрéлить. Уже поднял ружье, опять он заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, не стреляй в меня.

Так сильно испугался, что чуть не упал с сука. Он опустил ружье. И вот опять царевич раздумался: «Что же он не велит стрелять, куда я его унесу?»

Орел и опять заговорил, ну, так испугался, что уж закрыл глаза.

— Слушай, Иван-царевич, не стреляй, я тебе пригожусь, отомщу, если ты меня возьмешь к себе.

Царевич ему говорит:

— Слушай, орел, если я тебя возьму, то мне тебя не унести будет.

— Я как-нибудь около тебя хоть на крыльях, только возьми к себе, откорми, а я тебе пригожусь.

Тогда царевич согласился и сказал:

— Ну, если можешь, тогда шагай или лети вслед, ну, мне тебя не унести будет, ты слишком большой.

Тогда орел спустился с сука, которо бежал, а которо летел. С большим трудом и с большой силой дошел до государства его, это ему было слишком тяжело. Когда он пришел к нему в государство, то сказал:

— Ну, Иван-царевич, не пожалей меня кормить и прокорми меня девять месяцев, а я тебе все уплачу. Давай мне шесть коров или шесть волов каждые сутки на пропитанье, хоть тебе и трудно будет, но я тебе все уплачу.

И вот Иван-царевич начал его кормить. И прокормил его три месяца. Тогда орел и говорит:

— Ну, Иван-царевич, отпусти меня теперь полетать, сколько я могу подняться, не бойся, не обману тебя за твое добро, прилечу обратно.

И он его отпустил. Он пролетал целые сутки и обратно прилетел. И сказал:

— Ну, Иван-царевич, только чуть-чуть третью часть мог подняться. Корми меня еще три месяца.

Когда он прокормил шесть месяцев, то у него уж нехватило своего скота, стал покупать на стороне и отпустил его опять второй раз. Когда отпустил второй раз, он пролетал целых шесть суток. Прилетел обратно и говорит: — Ну, Иван-царевич, еще корми меня три месяца, я только поднялся воккурат на половину.

Когда он прокормил его еще три месяца, то он ему такой громадный убыток сделал, что уже ему было чувствительно. И сказал ему:

— Ну, теперь еще отпусти меня на четверо суток, а потом я к тебе вернусь и скажу тебе окончательно.

И он отпустил его. Орел пролетал четверо суток, спустился и говорит:

— Ну, Иван-царевич, теперь полетим ко мне, я тебе отомщу все убытки, какие ты сделал, и награжу за все, только полетим. Не бойся ничего, обратно ты легко попадешь, а я тебе таких редкостей дам, каких только ты пожелаешь.

Потом Иван-царевич распрощился, конечно, с молодой женой со своей и сказал:

— Ну, жена, не печалуйся, я полечу с орлом за своими убытками, которые он мне обещал возместить.

Уселся на него и стал подниматься. Когда они поднялись так сильно высоко, что орел стал спрашивать:

— Ну, Иван-царевич, высоко ли небо, низко ли земля, скажи мне теперь?

И вот он ему отвечает:

— Земля наша такая маленькая, что чуть не с овчину, а до неба я не знаю, сколько места.

И вдруг орел сбрасывает его с крыльев, Иван-царевич полетел книзу. Иван-царевич полетел книзу и так сильно испугался: «Ну, — думает, — смерть».

А орел спустился книзу, ухватил его на крылья, стал подниматься кверху. Поднялись они так опять высоко, что он начинает опять спрашивать Ивана-царевича:

— Ну, что, Иван-царевич, далеко ли земля, близко ли небо?

— Земля с лист, а до неба—я не знаю.

Он опять его спустил с крыльев, Иван-царевич полетел книзу. Иван-царевич полетел книзу и так сильно испугался, что уж не помнит себя. Орел опять захватил его, стал подниматься кверху и дальше полетел. Поднялся еще выше и спрашивает:

— Ну, Иван-царевич, высоко ли небо, низко ли земля, тебе виднее?

Он отвечает:

— Небо — не знаю, а земля с грош или чуть-чуть с копейку.

Он его опять сбрасывает с крыльев и пропустил его далеко. А сам полетел книзу. Потом он под низ подлетел, подхватил его и стал подниматься кверху; ну, Иван-царевич не чувствовал совершенно себя. Когда поднялся кверху, тогда пришел в память:

— Ну, скажи теперь, Иван-царевич, как ты испугался в первый раз?

— А я так сильно испугался, думал, что смерть.

— А как на второй раз испугался, скажи?

— А на второй раз до чего я испугался, думал, что уж не быть мне живому.

— Так, теперь расскажи, как на третий раз испугался?

— А я уж на третий раз до того испугался, летел без памяти, запер глаза, и даже не было у меня сознания.

— Так, так, Иван-царевич, ты испугался, а думаешь, я не испугался, когда на первый раз хотел меня стрéлить в поле? А ты опустил ружье, это мне еще не так было страшно. А второй раз, когда я у тебя стал проситься, а ты сказал: «Куда я с тобой буду таскаться», я так сильно испугался, глаза закрыл, что едва не упал со сука. А когда ты меня третий раз хотел стрéлять, то я так испугался, потерял сознание, только сказал: «Выручи, возьми меня с собой». Думал, что вот-вот смерть. Ну, а теперь полетим, я тебе отомстил, что ты мне отомстил. Ну, это было дело у нас полюбя, не думай плохого, Иван-царевич. А теперь полетим, я тебе сделаю все лучшее, поскольку ты разорился, прокормил меня. Теперь посмотри, высоко ли небо, низко ли земля. Наверно ты сейчас земли не увидишь, мы поднялись так высоко.

И он ответил ему:

— Ну, орел, я уж земли не замечаю, а до неба не знаю, сколько места.

— Ну, ладно, хорошо, теперь мы скоро прилетим в мое государство.

И вот видит издалека золотое царство. Залетели когда туда, встречают этого орла царем, и он приказал царевича угощать и ценить его, как спасителя этого государства. Вот он прожил у него три дня. Он его поил, кормил, угощал и говорит ему на четвертый день:

— Сегодня я тебя свезу к старшей сестре, и вот она чего тебе будет давать за то, что ты меня спас, ну, ты ничего не бери. Много тебе она будет разных ценностей давать, злато и серебро, всего, она тебе будет давать и кошельки-самотрясы, сапоги-скороходы, шапку-невидимку, ты ничего не бери, а проси у ней разноцветный ящичек; хотя ей и жалко будет, но все равно отдаст его тебе. А потом придешь ко мне, и тебе придется ходить ко всем трем сестрам.

И вот когда он пришел к ней, она до чего обрадовалась, встретила и стала его угощать таким угощением, что он еще и не видел в своем государстве. Она ему и говорит на четвертые сутки:

— Ну, Иван-царевич, чего тебе надо за спасенье моего брата, я тебе все даю, чего ни пожелаешь. Возьми сапоги-скороходы.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, сапоги-скороходы.

— Ну, возьми шапку-невидимку.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, и шапки-невидимки.

— Так что тебе надо, возьми злата и серебра, сколько хочешь, ты не бойся, мы тебя представим на родину. Чем же я тебе больше буду платить за спасенье моего брата?

— Слушай, прекрасная девица, дай мне разноцветный ящичек.

Она немного подумала и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, жалко мне отдать тебе разноцветный ящичек, но уж много ты капитала погубил, отдам тебе ящичек, только он у меня без ключа.

Она приносит ему разноцветный ящичек. Распростился он с ней и приходит к этому орлу-царевичу.

— Ну, что, Иван-царевич, достал ты разноцветный ящичек?

— Достал.

— Ну, ладно, положи сюда, на завтра иди к средней сестре я тебя провожу.

Он переспал ночь, и наутро ему говорит орел:

— Ну, пойдём к средней сестре, и ты возьми у нее кошелек-самотряс, а я в это время узнаю у нее, где хранится ключ от этого ящика.

Вот он приходит к ней, она его приняла, посадила за стол, начала угощать. Брат немного посидел и ушел, а Иван-царевич остался у нее.

Она ему и говорит:

— Ну, что тебе, Иван-царевич, надо за моего брата, что ты его спас, кормил и убил своего капитала много, я тебе все дам, заплачу за брата.

Она ему приносит сапоги-скороходы.

— Нет, мне не надо, прекрасная девица, сапоги-скороходы.

— Ну, так что тебе надо, скажи мне?

Потом она приносит ему ковер-самолет.

— Вот тебе штука хороша домой лететь.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, это.

— Да чем же я тебя буду дарить, коли ты ничего не берешь?

— Слушай, прекрасная девица, дай мне кошелек-самотряс.

Она ему и говорит:

— Ну, коли так, отдам тебе кошелек-самотряс, у нас только есть два в царстве: один у старшей сестры, другой у меня. Ну, не пожалею, отдам тебе его за брата.

Получил он кошелек-самотряс, распростился с прекрасной девицей, приходит к орлу-царю.

— Ну, что, Иван-царевич, достал, что я тебе велел?

— Достал.

— Ну, ладно, ночуй у меня еще ночь, а потом сходим к младшей сестре, я тебе скажу.

Ночевал ночь, утром встает, попили они чай, орел и говорит:

— Ну, пойдём теперь к младшей сестре. Смотри, ни на что не соглашайся, проси у нее ключик от разноцветного ящика, он у нее. А я тебе все приготавливаю.

И он сейчас повел его к младшей сестре. Такая красавица, только и думает: «Вот бы быть ей моей женою. Ну, уж у меня жена есть, на что мне?»

Она так им обрадела и говорит:

— Ну, Иван-царевич, бери, что пожелаешь, я тебе уж отомщу за брата своего, заплачу тебе все убытки.

И вот орел ушел, конечно, прочь, она осталась с ним и угощала его три дня. Ничего у него не спрашивала, дала ему полную свободу, водила по своим комнатам, показывала богатство и все такое. Прошли эти три дня, она и стала говорить.

— Ну, Иван-царевич, что тебе надо, я тебе все даю, золота, серебра, что хошь.

— Нет, слушай, прекрасная девица, мне ничего не надо, а дай мне ключик от разноцветного ящичка, я как слышал, что он у тебя есть.

Она и говорит ему:

— Слушай, Иван-царевич, на что тебе ключик от разноцветного ящичка, когда у тебя нет ящичка, тебе он ни к чему.

— Так уж слушай, прекрасная девица, ты только мне отдай, а больше мне не надо ничего.

— Ну, ладно, я тебе его отдам.

И приносит золотой ключик. Принесла, отдала, он распростился с ней и приходит к орлу-царевичу.

— Ну, орел-царевич, что ты мне велел достать, я все достал, дали сестры.

— Ну, молодец, а теперь поживи у меня три дня, а там я тебя отправлю в путь-дорогу.

И вот он говорит:

— Ну, где твой разноцветный ящичек, дай мне сюда, и ключик, а через три дня я все приготовлю и расскажу про путь твой, как тебе нужно идти.

И дает ему этот ящичек и ключик, и через три дня орел навел ему в этот ящичек громадную силу. На четвертый день приносит ему, отдает в руки и говорит: — Вот, Иван-царевич, теперь ты сегодня от меня пойдешь. Бери этот ящичек с собой и этот ключик, а кошелек-самотряс у тебя в кармане. Захочется тебе есть, понюхай ключа, захочется спать, тоже понюхай ключа, ну, ящичка не отпирай. И скучно тебе будет дорогой о жене или о своем царстве, тоже понюхай ключа, и скука пройдет, и весело тебе будет идти, только не открывай ящичка. До тех пор не открывай, пока не придешь в твоё царство, и там зайди на громадное поле и открой ящичек, и увидишь, что будет. И ты скоро доберешься до своего государства.

Распростился Иван-царевич с орлом-царевичем и отправился в дорогу. Идет без всякой думы, ему идти до

чего весело, что прямо не чувствует ног под собой. И перед ним стоит широкая дорога. И вот ему захотелось есть. Он вспомнил ключик, понюхал, прошел голод. Идет дальше, и захотелось ему пить и спать, он опять же ключик понюхал, прошел сон и жажда. Идет дальше, и вдруг его ударила такая грусть, мысль, печаль, что он не видит даже свету. Он опять понюхал ключа, и все прошло. Вот идет он так долго, что задумал о своей жене: «Как у меня осталась теперь женочка, что она осталась молодая». Опять стал думать. Потом опять же он понюхал ключа, все прошло и думает: «Теперь уж наверное близко завожусь от своего государства».

И потом раздумался: «Почему же он не велел мне открыть ящичек, хотя бы посмотреть, что в нем хранится? Я открою, ничего не будет».

А это волшебный король все более его смущал: «Открой, открой!»

Конечно, он его не видал.

— Давай, открою немножко, хоть крайчек.

И он взял ключик, только хотел повернуть, сейчас крышка открылась, зафурчало, все кверху полетело, и он остался пустой. И вот он закрыл этот ящичек, пошел дальше. И напал на него голод. Он вспомнил про ключ, стал нюхать, пользы никакой не было.

Потом его ударил сон и жажда, и дорога стала хуже, хуже, угрюмее пошла. Он стал опять ключ нюхать, но пользы никакой, а все стало хуже и хуже, утомился Иван-царевич. Настолько он утомился, зашел в такую глушь, в чащу, что больше и податься некуда. Сидит и плачет: «Не послушал я орла-царевича, теперь мне и смерть, больше идти некуда».

И вдруг обратился перед ним какого-то высокого роста мужчина и говорит:

— Что, Иван-царевич, так заплакался, и о чем задумался?

Он говорит:

— Да как же не думать, коль я шел путем-дорогою домой, а теперь и не знаю, куда мне идти, холодный, голодный, истомился совсем. Раньше я шел, у меня был ящичек, когда я ключ нюхал, все было хорошо, а потом, когда я открыл его, он не стал действовать. И дошел до того, что стал холодный, голодный и сонный.

— Так вот, Иван-царевич, желаешь, я тебе верну обратно, только отдай мне, что у тебя дома незнаемое есть. И все

ты вернешь обратно, что у тебя в ящичке было, только не открывай, пока не дойдешь до дому, как тебе говорил орел-царевич, так и не открывай. Ну, так вот, как думаешь, отдашь или нет?

Он подумал: «Семьи у меня нет никого, жена одна осталась, скот известен, как я скормил его много и даже покупал, царство известно, а больше нет ничего такого, и если мне здесь помирать, то не лучше ли так сделать?»

Ну, он тогда сказал:

— Ну, что же, если ты только можешь вернуть все, — согласен.

— Ну, хорошо, давай делать с тобой запись, договор, чтобы ты мне отдал через три года, а даешь раньше, и то возьму.

А это был сам волшебный король. И вот уж он совсем приготовил запись и принес ему:

— Ну, вот, теперь распишись. И дай мне ящик и ключ, я тебе приготовлю, а ты сиди на этом месте.

Вот, конечно, он отдает ему ящичек и ключик и сел. И он ушел. Немного погода вдруг приходит и говорит ему:

— Ну, на, Иван-царевич, ящичек, и теперь понюхай ключ, коли ты усталый, голодный, печальный и сонный. Вот понюхай ключ и тогда узнаешь, что будет.

Берет ящичек в руки и понюхал ключ, и сделался сытый, веселый, без усталости. И перед ним стоит широкая дорога. Он распротился с ним и пошел вперед.

— Ну, смотри, не открывай его, пока не придешь на большое поле, которое ты хотел разделять.

И так царевич пошел вперед. И вот он немного подошел, пошли знакомые луга, лес, и подумал: «Ну, наверное царство мое близко!»

И как раз издали увидел свое государство. И приходит на это место, где хотел разделять новую пашню. Взял, вскрыл этот ящичек и смотрит — из этого ящичка столько вылезло силы, что это поле было заставлено людьми. И начали корчевать, боронить, сеять, а царевич пошел в свое царство.

Когда он приходит в свое царство, то выходит жена встречать его и несет мальчика, уж был годовым. Он так и ахнул, ну, ничего не сказал. Она обрадела, что он вернулся, уж не видела около двух лет. И зашли они

в царские палаты. Он и думает: «Уж наверное никого больше посулил, как своего сына».

Но жене своей ничего не сказал.

Вот он с той поры стал дома жить и все стал грустить, что у него единственный был сын, еще из детей никого не было. Жена его и стала спрашивать:

— Что ты, Иван-царевич, ходил, ходил и пришел грустный, разве орел не уплатил тебе убытков?

— Нет, прекрасная моя жена, орел дал мне денег и силу, и у меня теперь есть кошелек-самотряс, так что богатство это никогда не уничтожится.

— Ну, так чем ты недоволен, Иван-царевич, муж мой, скажи мне правду.

— Да, жена, делать нечего, хотя и жаль, а приходится сказать. Когда пошел я от орла-царевича, он мне дал ящичек, набито было силой. И я шел до чего веселый, сытый, дорога, понимаешь, стояла широкая, но я вздумал его открыть. Когда я его открыл, тогда я оказался сонный, голодный, холодный, и путь мой стал такой тяжелый, зашел в такую глушь, что уж дальше было некуда. И стал я плакать, думал: «Ну, пришла моя смерть». Тогда пришел какой-то человек и сказал: «Ну, вот, Иван-царевич, отдашь незнаемое дома, я тебе верну», — и мне пришлось это отдать, чтобы добраться до своего государства. Когда я пришел, смотрю, ты несешь мне сына, вот с того я и задумался.

— Ну, что же делать, когда ты был при гибели, то уж не при разуме, мы еще молодые, может, у нас и будут дети.

Конечно, она заплакала сильно, но уж делать было нечего.

Ну, этот мальчик у них стал расти не по дням, а по часам. Уже стал играть с ребятами и сделал стрелочку, стал стрелять из лука или самострела. Когда он сделал эту стрелочку, то раз выстрелил и попал в окно одной бабушке. Она вышла и говорит:

— Ишь ты какой, Иван-царевич, у меня окна стал бить. Но погоди, отец тебя посулил одному волшебному королю, недолго тебе здесь бить стекла, остался один год. Он прилетит сюда сам и возьмет тебя.

Царень, конечно, задумался и пошел к отцу-матери со слезами. Мать его и спрашивает:

— Ну, что ты, сынок, обиделся, кто тебя обидел?

— Как же мне не плакать, мама, бабушка сказала, что

недолго тебе здесь окна бить, отец посулил тебя одному волшебному королю, скоро придет за тобой и возьмет, как же мне не плакать?

Приходит отец, спрашивает:

— Ну, что же ты, Иван-царевич, сегодня заплакавши, печальный?

— Да как же, папа, не печалиться, коли ты посулил меня какому-то волшебному королю. Говори правду, посулил ты меня или нет?

— А что ты бабушке разве сделал плохое, что она так высказалась на тебя?

— Да что, я ничего не сделал, выстрелил стрелочку и разбил окно.

— Не надо, Ванюша, так делать, она это со зла и пригрозила тебе, а так что она знает.

Он, конечно, убедился и это все забыл, потому что был малый, только начинался третий год. И он это все забыл, через недолго опять же выстрелил бабушке второй раз в окно. Бабушка выходит на крыльцо и говорит:

— Ну, Иван-царевич, ты последние полгода здесь живешь, уж коли ты так часто начал у меня окна бить, скоро прилетит волшебный король и возьмет тебя.

Царень сильно задумался: «Уж наверное бабушка не врет, значит есть какое-то дело».

И вот он приходит к отцу и говорит:

— Ну, отец, теперь уж я верно знаю, что ты меня посулил. Скажи правду, и я пойду к бабушке, повинюсь, заплачу деньги за то, что я окно у нее разбил.

Отец и говорит:

— Ну, сынок, коли так, уж я тебе скажу, я тебя посулил.

— Ну, отец, коли так, что делать, придется идти. Дай мне денег, я схожу к бабушке, заплачу, верно, судьба моя такая.

Отец, конечно, дает ему денег.

— На, поди, уплати бабушке и спроси у нее, как тебе будет идти удобней.

— Ну, ладно.

Так он пошел к этой бабушке. Приходит к бабушке и говорит:

— Ну, бабушка, прости меня, что, может, и провинился, разбил у тебя окно. И скажи мне правду, что батюшка посулил меня или нет, — спрашивает он у нее.

То бабушка и говорит:

— Да, Иван-царевич, малый ты, а тебе надо раньше итти, как король придет за тобой. А уж я тебя научу, как тебе попадать. И трудно тебе будет, да уж все равно, только иди раньше, пока он сам не придет.

И бабушка приносит ему воды в чашке и говорит:

— Ну, сынок, выпей эту чашечку, а потом почувствуешь сам себя, какой ты будешь.

Когда он выпил эту воду, то сделался в полтора раза больше, как он был. И таким сделался красавцем, бравым парнем, как будто взрослый человек.

— Мне жалко, Иванушко, тебя, да уж делать нечего, тут ничего не изменишь, придется итти. Я зато тебе и дала, чтобы навести красоту и ты бы понравился прекрасной девице, королевне Елене. И вот теперь, когда ты пойдешь из своего царства отсюда, и поведет тебя дорожка. Иди до тех пор, пока не приведет тебя к озерку. Когда ты придешь к озеру, заройся в песочек и лежи. Прилетят двенадцать лебедей, обернутся прекрасными девушками, скинут платья и начнут купаться. Когда станут купаться, смотри, которая меньше всех, та будет красивее всех. И вот старайся у нее платьице убрать. И прислонись так, чтобы она тебя не заметила. Вот сестрицы улетят, она одна останется. И будет у тебя просить платьице. Ты до тех пор не открывайся, пока она не скажет: «Будь ты моим суженым». Она всех хитрее и знает все волшебство, так что перехитрит своего батюшка, и ты будешь счастлив, если достанешь это платье. Теперь, сынок, иди домой, вели матери напечь подорожничков, пока у тебя есть еще свободных три месяца. Как придешь первый, то он тебя не сразу съест, а как прилетит за тобой, то кряду сглотнет.

Он приходит домой и говорит матери-отцу:

— Ну, мама, печите мне подорожничков, а я уж все равно пойду, может, дорогой могу найти себе счастье.

Мать насилу распознала его, что он такой был высокий, стройный, красивый. Только уж распознали его по голосу и сильно заплакали, но уже делать было нечего. И мать в эту же ночь приказала служанкам напечь сухариков, приготовила ему все с собой, чтобы к утру все было готово. Ну, утром все было сделано. И вот он со сна встает и говорит отцу-матери:

— Ну, теперь, если все готово, то я иду.

Отец с матерью заплакали, стали его снаряжать в путь-дорогу. Он справился, распростился с отцом-матерью, и ушел наш Иванушко. Вышел из города и пошел по широкой дороге. Идет себе, никакой нужды-печали не видит, и дорога ему шла веселая. И вот он скорое время приходит к озерку, озерко красиво, пески кругом. Он взял вырыл себе ямочку, притаился, немного подождал и смотрит, — летят двенадцать лебедей. И он стал очень зорко смотреть, что будут делать. Они ударились в пески, обернулись девушками, сняли платице свое и давай купаться. А Иван очень зорко смотрел за самой красивой девушкой. Когда он высмотрел эту девушку, сейчас пополз к этому платицу, унес его к себе, зарыл в ямку и лежит, смотрит, что будет дальше. Вот сестрицы все покупались, покупались, выскочили на гору, и она выскочила. Сестры оделись, обернулись лебедями и улетели. А у нее платица нет. Она зашла обратно в воду, стоит и плачет. Потом, наконец, заговорила:

— Слушайте, кто взял у меня платице, то пусть отдаст мне его. Если старый старичок, то пусть мне дедушкой будет, если старая старушка, то пусть мне бабушкой, а если в средних летах, то пусть мне братцем, только отдайте платице. Ну, уж если молодой молодец, да по праву будет, то замуж пойду, пусть моим суженым будет.

Тогда выходит Иван-царевич и говорит:

— Ну, прекрасная королева, я твое платице украд, пойдешь за меня замуж, то отдам.

— Ну, Иван-царевич, коли угадал, то счастлив будешь. Оставь платице на песке, а сам отойди, я к тебе прилечу, не бойся, не обману, я знаю, куда ты идешь.

Он на песочек платице положил, сам притаился, она встала, оделась, пришла к нему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, ты обещанный отцом моему батюшку, знаю, что ты к нему попадаешь. Ну, уж я тебе буду помогать за все, и ты придешь к нему теперь до той поры, как он полетит, и он обрадуется, что ты раньше пришел. А теперь я полечу домой, а ты придешь за трое суток до срока, за три года. И он дает тебе три дня без работы, поживешь так, а уж там видно будет, какая работа, и я прилечу к тебе тогда.

И вот они тогда стали прощаться, конечно, друг друга поцеловали, она улетела, а он пошел себе путем-дорогой

вперед. И вот он шел опять близко ли, далеко, низко ли, высоко, уж у него не стало хлеба, идет он сутки холодный, голодный, а дорога все продолжается вперед. Ну, дорога, конечно, стоит хорошая. И вдруг он увидел целое царство. Стоит такой дворец золотой, так прямо украшение. И подходит он к нему. Когда он только подходит к дворцу, то выходит сам король:

— Вот молодец царь, что раньше прислал тебя, сынок, за трое суток. Спасибо большое отцу твоему. Ну, ладно, Ванюша, теперь иди трое суток отдыхай. Я тебе квартиру даю особую, да через трое суток я тебе работу даю небольшую.

И вот он отдыхает, пьет, ест трое суток и вспоминает: «Нет у меня прекрасной Елены-королевы, не летит ко мне». И так прошло три дня. На четвертые сутки наутро походит к королю. Когда он пришел к нему:

— Здравствуйте, королевское величество.

— Ну, молодец, Ванюша, что пришел рано. Вот я тебе даю работу, чтобы она была исполнена к утру.

— Ну, что же, батюшко, какая работа будет?

— Да, вот, Иван-царевич, небольшая работка, маленькая. Вот отстрой такой же дворец, как у меня. Если не построишь завтра к девяти часам утра, то твоя голова с плеч.

Он и говорит:

— Что вы, ваше величество, где же мне построить? Я еще молодой, ничего у меня в руках не было.

— Ну, не разговаривать, ты знаешь королевское повеление, а то голова с плеч.

Иван-царевич сильно заплакал, пошел к себе в избу, идет и пути-дороги не видит. И вот пришли целый день плачет до вечера, стало уже темно. Вдруг прилетает пчела в окно и обернулась Еленой Прекрасной.

— Что, Иван-царевич, плачешь?

— Да как же мне не плакать, прекрасная царевна? Вот батюшко дал работу построить дворец такой, как у него, вот беда. Да у меня и топор ни разу в руках не был.

— Эх, Иван-царевич, это не служба, а службица, а служба вся впереди. Не печалуйся, вот теперь поешь, да повались со мной спать, а утро мудренее вечера.

Иван-царевич, конечно, обрадел, попил, поел и заснул так крепко, что и не слышит, что творится. Она в полночь выходит на крыльцо и говорит:

— Ну-ка, дядьки, няньки, старые служанки, как батюшку

служили, как матушке служили, так и мне послужите — Елене-королевне. Копорюльники, байники, подбайники, лопатники, — все выходите ко мне на работу. И сработайте такой же дворец, как у батюшка, и даже лучше, и чтобы был к утру, к шести часам готовый.

И их налетело, что черного ворона, поклонились и побежали по своим местам. А она пошла и повалилась спать с Иваном-царевичем. Поспала до трех часов и говорит:

— Ну, Иван-царевич, вставай, не спать пришел, а батюшкину работу работать. Вставай, умывайся.

Иван-царевич, конечно, соскочил со сна. Она и говорит: — Ну, выходи теперь, смотри, что творится, и проводи время до девяти часов, а там сдавай работу.

Вышла она с ним на крыльцо и скрылась, а он смотрит — стоит дворец почти готовый и столько людей, как черного ворона. И вот только стало рассветаться к шести часам, никого людей не осталось, стоял дворец совершенно готовый. Только Иван один остался, поколачивал молотком, что попало, но делать было нечего. И он так провел время до девяти часов утра. И приходит к королю.

— Ну, ваше королевское величество, дворец готовый, можешь принять.

Он посмотрел в окно.

— Молодец, Ванюша, теперь иди, сутки отдыхай, через сутки придешь ко мне.

И вот он пришел домой, поел, повалился спать. Переспал он до вечера, встал, уж было светло. Спать ему неохота, идти некуда, и думает: «Что ж это Елечка не летит, хотя бы я с ней поговорил до завтрашнего утра, до девяти часов».

Вдруг не в долгом времени прилетает пчела на окно, пролезла в дырочку, обратилась Еленой-королевной и говорит:

— Ну, что, Иван-царевич, сработал дворец?

— Да, сработал, Елена-королевна, кто-то, ну, только не я.

— Да, у нашего батюшка хватит работы, не сработать будет, иначе, как бежать только. Ну, еще скоро не побегу.

— Не знаю, завтра батюшко какую работу дает.

— Завтра известная работа. Дает тебе сработать корабль из головешки, что у него под окном лежит вот уже тридцать лет.

— Что ты, Елена-королевна, люди из дерева работают. Как тут из головешки сработать?

— Из дерева! Вот тут-то и надо сработать. Ну, ладно, Иван-царевич, сейчас поужинаем, повалимся спать, а утро вечера мудренее.

И так она переспала с ним часов до четырех и улетела. — А я завтра вечером прилечу опять, — только сказала.

Вот она улетела, а он пошел к девяти часам к королю. — Ну, ваше королевское величество, какая же теперь будет работа?

— Небольшая, Иван-царевич, работка-то.

— Да всегда у вас небольшая, смотрите, какую работу задали.

— Ну, как ты быстро сработал, так и эту сработаешь. Вот, Иван-царевич, работка какая: у меня тут под окошком лежит головешка, вот сработай мне завтра корабль, чтобы паруса были шелковые, мачты серебряные, корабль золотой. И чтоб летал по воздуху и ходил по воде. Если не сработаешь — голова с плеч долой.

— Да как же, ваше величество, из головни корабль работать?

— Ну, не разговаривай, а приказано, так делай.

Иванушко пошел домой. Приходит домой и так сильно задумался, что уж прямо до слез, сам думает: «Ну, уж если поможет Елена Прекрасная, то хорошо будет, а уж не поможет, то мне смерть».

И вдруг только вечереться стало, подтёмнилось, прилетает пчела к окну.

— Ну, что, Иван-царевич, какую службу батюшко дал?

— Да уж служба у твоего батюшка!

— Что, не нравится? Это еще не служба, а службица, а служба вся впереди будет. Ладно, не печалуйся, поешь, попей, да ложись спать, все будет сделано.

И потом они, конечно, попили чаек, повалились спать. Когда она проспала до трех часов, будит его:

— Ну, Иван-царевич, вставай, не спать пришел, отцу-батюшку работу работать. Вставай.

Вот она разбудила его, он встал со сна, она ему дает плеточку:

— Вот, Иван-царевич, бери плеточку, иди к батюшку под окно, ударь этой плеточкой головню три раза крест-накрест. Эта головня закатается и улетит на воздух. А ты

дожидай до шести часов утра. А к шести часам прилетит корабль золотой, и выставляй на него, поколачивай молоточком и проводи время до девяти часов утра. А в девять часов приходи к батюшку, сдавай работу.

И вот она тут же кряду скрылась, улегла, а он пошел к батюшкиным окнам. Приходит, эту головешку ударил три раза крест-накрест, она закаталась, поднялась на воздух, а он стал ждать. Как только шесть часов исполнилось, смотрит, летит золотой корабль. Прилетает, встал против него, он заходит и стал молоточком поколачивать, а уж он был совсем готовый. И вот провел время до девяти часов и идет к королю:

— Ну, ваше королевское величество, не знаю, годится или нет, а корабль готов, привимайте работу.

— Ну, молодец, Иванушко, иди теперь, сутки отдыхай, а потом я даю тебе третью работу. Если третью работку справишь, то я тебя женю на своей дочери.

Он уж стал догадываться, что помогает дочь, только не знает — какая.

И вот он пришел, конечно, домой, день проводил до вечера, вечером нет Елены-королевны. «Что за беда, если не прилетит на вторую ночь, то не знаю, что и будет».

Вот он на второй день вечером запечалился, что не летит. Вдруг летит пчела.

— Что ты, Елена-королевна, совсем меня забыла?

— Нет, Иван-царевич, нельзя мне вчера было. Нужно узнать допдна, какая у батюшка работа будет. Вот сегодня утром он даст тебе работу. Ну, эта работа ему небольшая будет, а тебе покажется большая. Это последняя работа, — он тогда узнает, кто из нас, из сестер, помогает.

Вот наутро он пошел к королю.

— Ну, батюшко, я пришел, какая работа будет?

— Да, Иван-царевич, еще сработай эту работу, а уж потом я женю тебя на своей дочери. Вот в эту ночь, к девяти часам утра, к завтрашнему дню, вырубь лес, выкорчуй, выжги и выпашь хлеб, и чтобы этот хлеб вырос, и сними его, и чтобы успел к утру напекчи мне блины.

Тогда Иван-царевич ничего ему больше не сказал. Вот он пришел и думает: «Как же тут можно будет в одни сутки вырубить лес, выкорчевать, выжгать, посеять, убрать,

и чтобы ему к утру блины были? Не знаю! Уж вот придет Елена-королевна, что скажет».

И вот так часов в семь-восемь летит пчела.

— Ну, пришла, моя прекрасная Елена-королевна?

— Да, пришла. Ну, что, какую работу батюшко дал?

— Да уж известно, у твоего батюшка работа легкая, только трудно сделать.

— Ну, это не служба, а службица, служба вся впереди будет.

«Вот, — думает, — беда-то!»

— Ладно, попей, поешь, ложись спать, утро мудренее вечера.

И они так легли спать, она в полночь встала, выско-
чила на крыльцо:

— Ну, дядьки, няньки, верные служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите, Елене-королевне. Копорутьники, байники, подбайники, лопатники, выходите все.

И вот прилетело, как черного ворона, встали все и спрашивают:

— Ну, что, Елена-королевна, прикажешь делать?

— В эту ночь, чтобы к девяти часам утра непросветимый лес вырубить, выкорчевать, выжгать, выкопать, посеять хлеб и обмолотить и к девяти часам чтобы блины готовы батюшку к завтраку.

Те поклонились, побежали.

— Трудно, Елена-королевна, но сделаем.

Она прилегла, часок полежала и говорит:

— Ну, Иван-царевич, не спать пришел, не лежать пришел, отцу-батюшку работу работать. Вставай скорее.

И сказала, куда ему идти:

— Ну, иди скорее, тебе только стрелкой стоять да блины подбирать, да батюшку нести к девяти часам.

И вот она сама скрылась, он пошел к лесам. Только пришел к лесам, смотрит, бежит девушка, точно Елечка. Ну, он не мог узнать, она ему ничего не сказала, и пошел дальше. Приходит к лесам, уж все почти что готово, все посеяно, и колос вырос, только стало чуть рассветаться, то уж стали снимать, молотить, расклали костер и стали блины печь. Он стоит, только подбирает. К шести часам все блины готовы, блины напечены, и никого не стало. И вот он провел до девяти часов, идет с тарелкой.

— Вот, ваше королевское величество, я тебе блинки несу свеженькие.

— Молодец, Иван-царевич, вот так молодец, эту службу сделал, теперь иди домой, завтра приходи, выбери меньшую всех дочь Елену-королевну, я отдам тебе замуж ее и женю тебя.

Он пошел, обрадел, думает: «Вот теперь хорошее дело!»

Уж теперь он достоверно узнал, что она помогает.

Да, вот так провожает этот день весь, веселый такой, и вдруг на вечеру прилетает Елена-королевна пчелкой, обернулась и говорит:

— Ну, что, Иван-царевич, что тебе батюшко посулил?

Он ласкает, целует ее и говорит:

— Ну, батюшко посулил, чтобы завтра мне выбрать тебя, Елену-королевну, вот и заживем.

— Да, Иван-царевич, у него мысль вторая. И так думаешь выбрать легко! Батюшко теперь достоверно знает, вот он и сказал: выбери теперь Елену-королевну, вот и живите. А вот выберешь ли ты ее?

— Ну, как, Елена-королевна, я тебя разве не узнаю между сестрами?

— Вот именно, что ты меня не узнаешь, мы будем не девицами стоять, а кобылицами, и вот выбери, все будем одинаковы. Одна будет сбруя, один рост, один волос, можно сказать, один голос, и все будем одинаковы. И он тебе дает пять минут. «Скорей, скорей, а то отсеку голову».

И он говорит ей:

— Ну, уж у твоего батюшка затеи есть!

— Вот то-то, что есть. А я тебе сейчас до утра ничего не скажу, а то он передумает.

И вот они, конечно, чаек попили, повалились спать. Часа в три она встает, будит Ивана-царевича:

— Вставай, Иван-царевич, послушай, что я скажу, мне надо идти, а ты придешь в девять часов. И вот слушай. Теперь он, когда ты придешь, он выведет двенадцать кобылиц вороных. И пройди не более, как два раза, и смотри всем в глаза, я буду скорее всего в пятом ряду стоять или в шестом, седьмом. У меня будет одна волосинка на лице чуть-чуть подлиннее. Смотри зорчее, а так тебе не узнать. И теперь мне некогда, а утром не просни, он начнет нас с пяти часов штурмовать.

Вот он провел часов до восьми, в девятом часу пошел. Пришел.

— Ну, Иван-царевич, теперь иди, выбирай Елену-королевну,

тогда я отдам замуж, а уж не выберешь — твоя голова с плеч.

Вывел он двенадцать кобыл и выставил всех в ряд, и даёт пять минут сроку.

— Угадаешь — твоя будет, не угадаешь — сейчас же отрублю голову.

Вот раз он прошел, ничего не заметил, скорей, скорей, идет второй раз. Пятая, шестая, у седьмой кобылы на щеках чуть волос подлиннее, он говорит:

— Ну, ваше королевское величество, вот эта пусть будет Елена Прекрасная.

— Ну, молодец, Иван-царевич, угадал, вот приходи на завтра, я тебе покажу их снова в другом порядке.

Так Иван-царевич пошел домой. Приходит он домой, провожает время до вечера. Вечером она опять прилетает к нему.

— Ну, Иван-царевич, еще тебе завтра нужно будет угадать. Теперь поьем чай, повалимся спать, а я тебе скажу утром.

Сейчас она сидит, выдумывает, как бы ему удобнее сделать. И вот так они легли спать. Утром встает и будит его:

— Ну, Иван-царевич, вставай скорей, батюшко сейчас нас будет готовить и выведет нас, двенадцать свиней, и все будем стоять, как одна голова. А все это выдумывает у него Кривой Глаз, Зла Голова Омелько. Я буду стоять четвертой с краю, я тебе сделаю отметку, чтобы ты точно узнал. Все будем белые, но, смотри, у одной свиньи будет чуть-чуть красненькое пятнышко в ухе, это я буду. Ну, с первого раза не берись, а то он сразу поймет, а берись только на второй раз.

Тогда она улетела, конечно, Иван-царевич до восьми пролежал, в девять походит.

— Ну, что, Иван-царевич, пришел, пойдём, выбери себе Елену Прекрасную, а уж потом можешь взять ее замуж.

И вот привел двенадцать свиней, все белые.

— Ну, скорей, скорей, теперь выбирай.

Он раз прошел, заметил, но плоховато, а тот:

— Скорей, скорей, — торопит.

Второй раз прошел, она уж в седьмом ряду, ишь быстро как перевернул. Второй раз пошел, заметил пятнышко и говорит:

— Ну, вот, ваше королевское величество, пускай уж эта седьмая будет Елена-королевна.

— Ну, молодец, Иван-царевич, вот завтра приходи, выбери, а потом и к венцу. Мойтесь в банне, а я в это время сделаю церковь, пива наварю, вина накурю и пир приготовлю. Повенчаю и живите.

Он обрадел, конечно, и приходит домой. Вечером прилетает опять Елена-королевна. Прилетела и спрашивает:

— Ну, что, Иван-царевич, батюшко тебе посулил?

— Да, Елена-королевна, теперь-то уж посулил повенчать.

— Да, мягко стелет, да жестко спать. Бавя-то будет нам со слезами пополам обоим.

Вот она поспала опять до трех часов и говорит:

— Ну, Иван-царевич, вставай, я тебе обскажу. Уж теперь все будем девицами, одинаковые будем стоять, платье будет одно, и не узнаешь ты нас по лицу. Выдумал это Кривой Глаз, Зла Голова Омелько. Это самый хитрый у него есть волшебник. Я знаю, в каком месте буду стоять, а смотри в лицо каждой. У меня будет летать чуть-чуть мушинка над правым глазом. И смотри зорчей в глаза, а то и не узнаешь.

Сама улетела, а он остался. И вот он в девятом часу походит опять.

— Ну вот, Иван-царевич, идем, теперь я тебе покажу в настоящем подвенечном платье. Выберешь и иди, мойся в бане.

Вот привел двенадцать девиц, один рост, одна одёжа, все, как одна, ну, не подкопаешься, а он тут с мечом ходит.

— Скорей, скорей.

Вот раз прошел, ничего не заметил, не мог определить, на каком месте она стоит. Потом второй раз пошел и высмотрел, что какая-то мушечка чуть-чуть летает, и говорит:

— Ну, ваше королевское величество, вот эта Елена-королевна.

— Ну, молодец, иди с ней, мойся в бане, а после на бал приходите, все будет готово.

И он взял ее за руку, пошли они домой. Вот они пришли, он и говорит:

— Ну, что, Елена-королевна, в баню пойдём?

— Нет, Иван-царевич, нам надо бежать, пока батюшко не пришел.

Сейчас же берет лошадь со двора, открывает дверь, три слюнки плюнула и говорит слюнкам:

— Отвечайте за меня, а я теперь поеду.

И вот она села с Иваном-царевичем и поехала. Не прошло полчаса, прилетает сам:

— Ну, скоро ли?

— Только в баню походим, — отвечает слюнка.

Потом он ушел. Ушел, не прошло опять минут десять, опять же бежит снова:

— Ну, скоро ли, уж церковь готова, вино накурено.

— Раздеваемся, мыться заводим, — отвечает вторая слюнка.

Ушел и опять бежит:

— Ну, скоро ли, совсем бал наготове, гости ждут, идите скорее.

— Одеваемся, идем сейчас, — отвечает слюнка.

Он пошел. Приходит последний раз, рванул двери-то, так и вылетели стойки, никого нет. Слювки засмеялись, вскочили и исчезли.

— А, дура, убежала, ну, ладно, не уйдет она от меня!

Вот сейчас снаряжает погоню. Отправил в погоню, а они уже далеко проехали. Она и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, глянь-ко вперед, погляди назад, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

— Елена-королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, а позади туча высока.

— Это от батюшка послы за нами летят.

Она сейчас обернулась часовней, а его старым-престарым старцем. Вдруг они и налетели. Налетели, наверное, думают, в эту часовню заехали. И спрашивают:

— Ну-ко, скажи, дедушко, кто сейчас это проезжал?

Он отвечает им:

— Тридцать лет, как проезжих нет, а сорок лет как в стороне живу, никого не видал.

И вот слуги посмотрели, посмотрели и назад обернулись к королю. И говорят:

— Ну, мы никого не видали, видали только часовню и старого старца.

— Да это они были, подите, захватите скорее и везите сюда.

А они уж в ту пору далеко были. Вот слуги опять погнались за ними вслед.

Вот она и говорит:

— Ну, Иван-царевич, погляди опять, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

— Елена-королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, позади туча высока.

— Ну, это от батюшка послы летят опять.

— Ну, куда мы теперь?

— погоди, сейчас.

Она сейчас обернула коня навозной кучей, себя голубицей, а его голубем, и стали на навозной куче. Послы приехали, посмотрели, посмотрели, никого не видать, только навозная куча да голубь с голубицей, посмотрели, посмотрели и назад поехали. И вот когда приехали, он спрашивает—

— Ну, кого видели?

— Никого не видели, видели только навозную кучу да голубя с голубицей.

— Да это они же и были! Ну, вам их не поймать, сам полечу.

Подъехали они недалеко, и говорит Ивану-царевичу Елена-королевна:

— Ну, Иван-царевич, посмотри, что над нами, что под нами, что позади, что впереди?

— Под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, позади такая туча высока, да темна, что искры скачут.

— Это батюшко сам летит.

— Ну, теперь, Елена-королевна, куда?

— погоди.

Приезжают к озерку, сейчас обернула его кольцом, а себя ершом, и проглотила, а сама ершом в озеро нырнула. И он прилетел к этому озеру, кряду же щукой в озеро мотнул тоже. Вот разыскал и начал гонять ее:

— Ну, ерш-щетижник-ябедник, повернись головой.

— Нет, щука харчиста, ешь ерша с хвоста.

Ну, как щука ни гоняла, не могла поймать ерша. Выскочила на берег, обернулась королем, начала воду пить.

— Все равно пролетишь у меня с водой, никуда не денешься.

Вот пил, пил, до чего выпил, что озеро сухое стало, только осталась одна ляжка, и ерш все еще там карабкается. И пошел туда, чтобы ее схватить. В это время она обернулась уткой и полетела.

Он не выпустил воду, полетел за ней, задел за скалу, да и лопнул.

— Ну, Иван-царевич, теперь мы свободны, король лопнул. Обернула его опять Иваном-царевичем, а себя Еленой Прекрасной, сели на лошадь и поехали домой. Когда приехали они к этому полю, которое у батюшка было сделано, из этого ядичка выпущено, стоит со пшеницей, она ему и говорит:

— Ну, слушай, Иван-царевич, теперь я останусь у этого поля белым камешком лежать, а ты поди в царство свое. Когда придешь в царство, обрадуются отец и мать, и ты начнешь здороваться с отцом, с матерью, потом здоровайся со сестрами, после тебя родились три сестры, и здоровайся со всеми, не забудь старшей сестры. Если с ней не поздороваешься, то забудешь меня навеки и женишься на другой. Потом благословись у отца-матери и приезжай за мной.

И вот он пошел домой. Дома все обрадели: радость, звон, палья! Пришел и стал здороваться с отцом, с матерью, с сестрами и в радостях как раз забыл поздороваться со старшей сестрой. Он и забыл ее совсем. Отец-мать говорят: — Ну, Иванушко, теперь тебе надо жениться, мы соберем пир, выбирай себе невесту.

— Ну, что же, батюшко, надо будет.

А про Елену-королеву и не вспоминает.

Конечно, отец собирает пир, и начали ему невесту выбирать. Выбрали, конечно, невесту, какого-то короля дочку, и пошла у них свадьба. А уж после свадьбы батюшко говорит:

— Бери престол, становись на престол, а я стал стар.

Вот уж они пошли к венцу, стали венчаться, вдруг прилетел голубь на окно, сначала запел, потом заговорил: — Иван-царевич, кого ты забыл в чистом поле, кто тебя вывел от волшебного короля?

Но он этого ничего не слышит, забыл совсем. Так голубь проговорил три раза и улетел. Приходят от венца, а там постряпухи стряпают, приготавливают для пира. А она тоже пришла им помогать и приговорила пирог. Когда пришли молодые, то этот пирог принесли на стол и поставили против молодых. Молодой, конечно, открывает этот пирог. Открыл этот пирог, из пирога выбежал голубь с голубицей, бежит сзади по столу. Голубь бежит впереди, голубица сзади и кричит:

— Стой, стой, Иван-царевич, ты не помнишь, кого ты

оставил в чистом поле, как я тебя вывела от волшебного короля, а теперь стал забывать.

И он как только это услышал, кряду залился слезами и говорит отцу-матери:

— Ну, это мне не невеста, которая рядом сидит, а невеста моя осталась в чистом поле, только я ее забыл, наверное не поздоровался со старшей сестрой.

И так он отказался совершенно от этой невесты, хотя был повенчанный. И кряду же вышел из-за стола и говорит: — Ну, батюшко, благослови меня, я поеду за невестой.

Невесте этой, конечно, было конфузно и гостям, но делать было нечего.

Вот приходит он в чисто поле, где она лежала. Он говорит:

— Встань, Елена-королевна!

Она ничего ему не говорит. Он второй раз припал к ней:

— Встань, Елена-королевна!

Она ничего не говорит. Он и третий раз:

— Встань, Елена-королевна, ведь я сходил в батюшку, благословился, батюшко велел привести, согласился все.

Она ему и говорит:

— Да, Иван-даревич, рано ты меня забыл, кабы не я, не попасть бы тебе сюда. А теперь ты благословился, да поздно, женился и живи теперь, как знаешь.

И он коли это услышал, что она сказала, залился слезами, упал на этот камешок и говорит:

— Встань, Елена-королевна, не попомни зла.

— Ну, навеки меня забыл, — отвечает, — все равно мне не жить и тебе не жить будет.

Потом он ей опять говорит:

— Слушай, Елена-королевна, на то ли мы бежали, чтобы нам умереть. И ты дала согласие, выручила меня, чтобы нам не жить! *(Ничего, она его держит!)*

— Ну, уж коли так, Иван-даревич, стал просить, то иди обратно к отцу-матери, приведи их сюда, пусть они благословят при мне, а я здесь подожду. И захвати сестер своих всех.

Он с радостью вскочил, побежал в царство свое. Приходит в царство, пал в ноги отцу, матери и говорит:

— Ну, батюшко, матушка, поедем за невестой моей, иначе она не хочет ехать, и сестры все, поедем за ней. А если не поедете, то меня здесь в царстве не увидите.

Отец, мать, конечно, обрадовались, да и испугались, как он такое слово сказал, что меня не увидите в царстве. Сейчас приказал срядиться матери и дочерям, сели на лошадей и поехали. Как только приехали, отец спросил: — Ну, где твоя невеста?

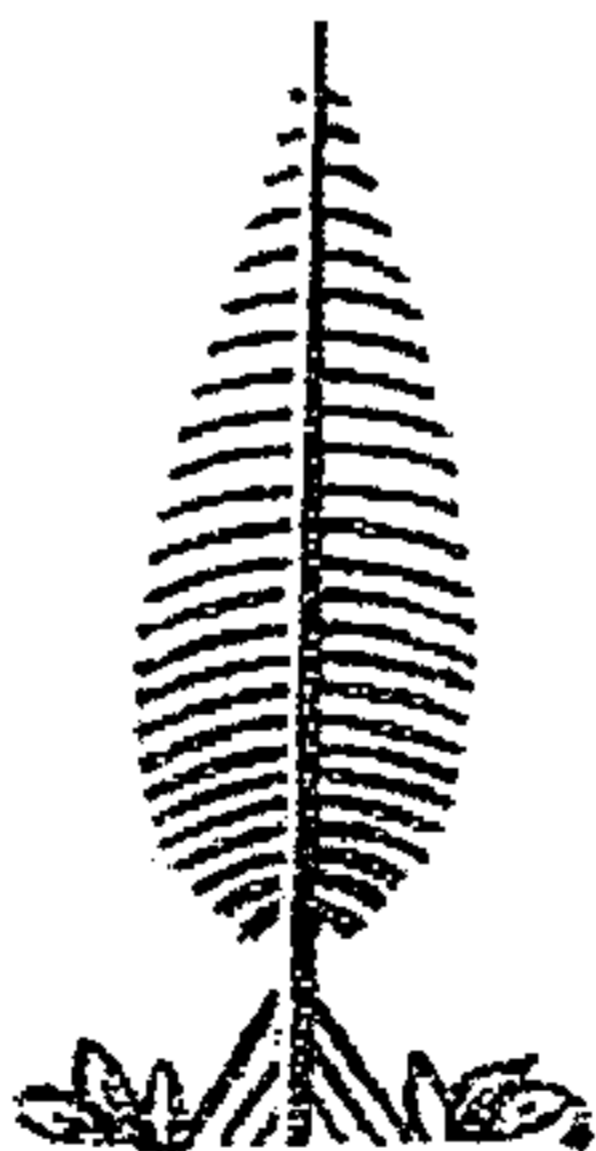
— А вот лежит белый камешок.

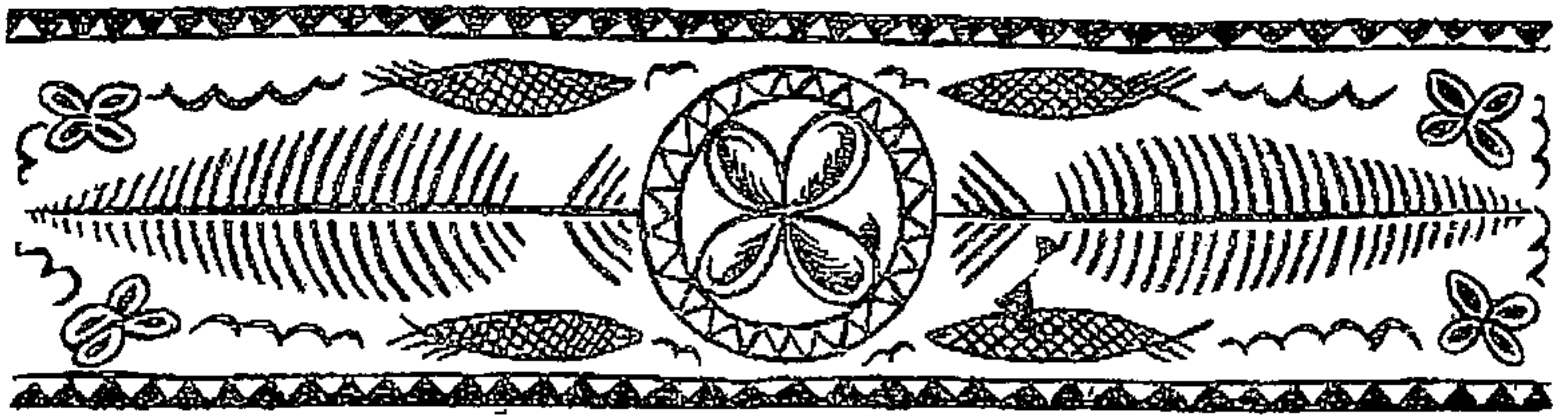
Он кряду соскочил с лошади и говорит:

— Ну, встань, Елена-королевна, теперь приехали батюшко с матушкой, со сестрами.

И вдруг этот камешок закатался, выскочила такая красавица, еще в два раза краше стала. Подошла к нему, и стали просить у отца с матерью прощенья. Отец-мать обрадели, и сестры, благословили их и поехали во дворец. Поехали во дворец и сделали такой пир, что еще никто такого пира не видал с начала мира. После этого царевич рассказал все, как он путешествовал двадцать лет и как уезжали они от волшебного короля, и все гости, и мать слушали и плакали над его жизнью.

А потом Иван-царевич получил престол и стал жить со своей Еленой-королевной, век проводить до глубокой старости.

— ОНДРЕЙ-СТРЕЛЕЦ

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил царь, и он был холост. Имел он стрельцёй двенадцать у себя; и один был стрелок Ондрей, то уж на лету сокола стрéлил, тот уж числился как старший стрелок. И вот ихна охота выходила, как шесть дней они работали для царя, а седьмой лично для себя. Так он у него прожил пять лет и все на одной работе. Ну, ему показалось — малый заработок, он хотел выйти прочь. Потом подумал: «Давай еще обживу этот месяц, схожу еще раз для себя охотиться, а потом выйду».

И вот он раз похóдит для себя, это как в седьмой день. Вышел он, конечно, целый день ходил по лесу, и никого он не видал.

Потом идет уж близко к городу, смотрит: сидит у лесины соколица.

— Ну, давай, стрéлим хоть эту.

Он ее стрéлил, обрáнил, она упала. Он ее поднял и хотел повернуть ей голову. Ну, соколица заговорила человеческим голосом:

— Вот что, Ондрей-стрелок: вы не рвите моей головы, а несите домой. Когда принесешь домой, сядешь чай пить, и положьте меня на окно. Потом бросьте за окно и увидите, что будет. Хотите — берите себе, а нет — так отдайте людям.

Вот он когда стал чай пить, полóжил ее на окно, потом бросил за окно. И там образовалась девушка, что цветок. И он на неё смотрит, слова промолвить не может. Она и спросила:

— Ну, что ж, Ондрей-стрелок, людям отдашь или себе возьмешь?

— Возьму себе.

— Ну, себе, так ладно, только умей держать.

Вот когда она пришла, и стали с ним жить. Пожили они с ним неделю, она и говорит:

— Ондрей, вы наверно бедно живёте?

— Да, как видишь сама.

Она и говорит:

— Вот что, Ондрей, а есть ли у тебя кого из знакомых, чтобы тебя выручили на сто рублей, — сходи и попроси. Когда ты получишь эти деньги, то зайди в магазин и принеси мне сто аршин шелку, а я из него буду шить ковер.

Ондрей пошел сейчас к одному знакомому купцу.

— Вот, — говорит, — дайте мне, пожалуйста, двадцать рублей денег.

— А на что тебе?

— Да сам знаешь — на нужду.

— На что тебе двадцать? На, я тебе дам сорок.

Он его поблагодарил и пошел к другому знакомому купцу.

— Вот что, друг, дай мне рублей двадцать денег, очень нужно.

— На что тебе, Ондрей? Вот я уже тебе дам сорок.

Он взял; у него стало уже восемьдесят, надо ему еще двадцать. Вышел он прочь; заходит к третьему купцу.

— Вот что, друг, выручи меня на десять рублей.

И тот дал ему двадцать рублей. У него стало сто. Когда он получил эти деньги, заходит в магазин, купил сто аршин шелку и приносит жене.

— Вот тебе, Елена Прекрасная, шелк я принес.

Она ему и говорит:

— У кого ты эти деньги брал: у одного купца или у трех, и по сколько они тебе давали?

— Я у первого купца попросил двадцать, а он мне дал сорок; у второго попросил двадцать, он мне дал сорок; у третьего — десять, а он мне — двадцать, — вот у меня и сто рублей.

— Вот, Ондрей, как ты получишь деньги и будешь давать, давай тоже двойко: у кого просил двадцать, а он дал сорок — ты давай восемьдесят, и так у всякого.

Тогда Ондрей выходит на работу на шесть дён, а она принялась за свою работу: начала шить ковер. Пока Ондрей охотился шесть дней, приходит домой, а в это время она сготовила ковер.

Ондрей приходит, конечно, в субботу, а утром в воскресенье она подает ковер и говорит:

— Вот, Ондрей, иди на рынок и продай ковер, ну, только цены не облагай, кто что дает, то и бери.

Берет он ковер и походит, она и говорит:

— Слушай, Ондрей, когда получишь деньги, этим рассчитайся вдвойне, как они тебе давали.

Ондрей-стрелок берет ковер и пошел на рынок. Приходит на рынок, приносит ковер, развернул его, и собралось публики смотреть этот ковер, что проходу уж не было. И цены никто не облагает, только смотрят. И этот ковер был так расписан: на нем был лес, реки, озера, моря, птицы, рыбы и все на свете. Вот все и стоят. Потом случилось ехать царскому денщику:

— Ну, что тут собрались, давайте дорогу!

Он насилу пропихался в этой публике и давай смотреть ковер.

Вот этот денщик обсмотрел ковер, часа три, и очень он ему понравился, и стал спрашивать:

— Чей это ковер и сколько он стоит?

Тогда подходит Ондрей к денщику и говорит:

— Это ковер мой.

— А сколько он стоит?

— А сколько дайте, столько и возьму.

Тогда говорит царский денщик:

— Так вот, Ондрей, я тебе тридцать тысяч даю: довольно будет?

— Довольно.

Вынимает из кармана деньги, дает ему и пошел.

Ондрей приходит к первому купцу и дает ему восемьдесят рублей; купец и спрашивает:

— Почему же, Ондрей, восемьдесят: я тебе сорок давал.

— Потому что я спрашивал у вас двадцать, вы мне дали вдвойне, так и я вдвойне платить буду.

Так и ко второму купцу, так и к третьему. Эти купцы поблагодарили Овдрея, и приносит он деньги остатки домой к жене.

— Вот, Леночка, я тебе принес деньги.

— А сколько достал?

— Тридцать тысяч.

— Уплатил деньги?

— Уплатил.

— Ну, вот, Ондрей, как видишь теперь мой заработок?

— Да, ничего.

— Ну, можешь теперь пожить и хорошо.

Когда этот царский денщик положил ковер на стену, и случилось в это время притти молодому царевичу к денщику и посмотреть этот ковер. Молодой царевич посмотрел ковер, он ему очень понравился. И стал спрашивать:

— Где ты, денщик, достал этот ковер, за сколько ты его купил?

— Я купил его на рынке и платил тридцать тысяч.

— У кого?

— У Ондрея-стрельца.

— Продай мне его, я тебе дам тридцать пять.

Он и говорит:

— Пожалуйста, получай; а я схожу к Ондрею, новый закажу.

Получил деньги и вечером, часов в десять, ходит к Ондрею заказывать ковер.

Когда он приходит к Ондрею, Ондрей уже ложился спать и двери были заложены. Вот он приходит, постучал, Ондрей и говорит:

— Надо открыть, Леночка, наверно кто-нибудь; я пойду, оденусь, открою, кто-нибудь из царских прислуг.

Она говорит:

— Ондрей, уж ты успокоился, разделся, значит, спи, а я пойду сама открою.

Приходит к дверям и открывает. Вот когда она открыла двери, царский денщик посмотрел на нее, одну ногу через порог перенес, а другую не переносит, так и замолк, больше слова сказать не может. Она и начинает спрашивать:

— Зачем вы пришли, царский денщик, сам ли он вам нужен, Ондрей, или для царя? Вы сами знаете, он лег спать, а утром ему нужно на работу выходить.

Ну, он все молчал. Долго она ждала его ответа, наконец, дожидаться не могла, повернула его за плечи и закрыла дверь. Он все молчал и пошел домой. Наконец, отошел сажень за сто и вспомнил: «Ах, я пошел ковер заказывать и забыл. Ну, у Ондрея и жена хорошая, ну и патрет».

Когда он приходит домой, то в то же время приходит царевич:

— Ну, как? Заказал ковер?

— Да нет.

— Почему?

— Ну, не до ковра мне было: такая у Ондreja жена хорошая, я не вспомнил себя. Вот так красавица!

Тогда он ему сказал:

— Ну, ладно, тогда я сам схожу и закажу ковер и посмотрю, что у Ондreja за жена.

Так молодой царевич пошел к Ондрею часов в восемь. Он приходит, а Ондрей, уже раздевшись, тоже ложится спать, двери, конечно, были закрыты. Когда застучали, он и говорит, Ондрей:

— Елена Прекрасная, надо сходить, я сейчас оденусь и схожу.

— Нет, нет, Ондрей, коли вы уже разделись, я сама схожу и открою.

Когда Елена пришла к дверям, открыла, молодой царевич занес ногу через порог, увидал такой патрет перед собой, так онемел и остоялся.

Вот долго она смотрела на него, потом стала спрашивать:

— Что, молодой царевич, какая просьба до Ондreja, скажите, пожалуйста, я жду. Сами знаете, Ондрею надо отдыхать и идти в утрѣх на работу.

Он сказать ничего не может, молодой царевич, все смотрел на нее.

Она поворачивает его за плечо.

— Идите же, молодой царевич, коли не можете ничего сказать; Ондрею надо спать.

И он вышел. Когда он отошел немного места, и вспомнил: «Ай-ай, у Ондreja жена какая хорошая, во что бы ни стало надо у Ондreja ее отнять, или, может, добром отдаст мне ее».

Когда он приходит домой, и собирает своих бояр, и начинает с ними разговоры:

— Каким путем у Ондreja жену отнять: казнить его нельзя. Насилу отнять жену — нельзя. Ну, одним словом, надо придумать какую службу.

И все были согласны, чтобы дать ему службу, чтобы он от своей жены отказался, или отдал ее добровольно

через эту службу. Вот и начинают думать. Долго они думали, но ничего придумать не могли. Наконец, взялся один вельможа на три сутки придумать службу за десять тысяч рублей.

— Вот знаешь что, вот я тебе даю деньги.

И дает ему наказ. Вынимает деньги.

— Если вы не придумаете, то на третьи сутки голова долой, — и с темá словами вышел из комнаты.

Этот вельможа думал двое-сутки, ничего он придумать не мог.

На третьи сутки пошел в лес. «Придумаю так придумаю, нет, — так повешусь: все равно моя голова долой».

Вот идет он по лесу грустный, печальный и ничо не может придумать, а уже на вечеру являться незачем. И вдруг смотрит — ему навстречу старушка и говорит ему:

— Что, мужичок, задумался?

А он отвечает ей сгрубá:

— Что тебе от меня нужно?

Попрошел немного, обдумался: «А вот что:— надо, пожалуй, спросить старушку, может, она что знает».

— Прости бабушка, дерзкое слово, может, ты знаешь, что я думаю?

— Вот что, милый, вперед бы так; старых людей не обегай. Поди, скажи царю: пусть сходит он в тридевять земель, в тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текуще и команду пьющу, он туда уйдет, назад не придет, и сроку дать ему на четыре месяца, не боле; откажется он от своей жены.

Тогда этот вельможа поблагодарил бабушку и говорит: — Спасибо, сейчас пойду.

Вельможа приходит к царю и говорит:

— Ваше величество, я и придумал. Дать Ондрею службу такую: пусть сходит Ондрей за тридевять земель, за тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текуще, команду пьющу, он туда уйдет, назад не придет.

Вот этот царевич тогда сказал ему:

— Ну, спасибо.

Сейчас посылает слугу за Ондреем.

— Позвать его, что он мне-ка скажет?

Да, когда приходит слуга, объявил ему, что царь звал. Он думает.

— Зачем меня царь звал, — говорит Елене Прекрасной, — не знаю.

Говорит Елена:

— Вот что, Ондрей, иди к царю, есть тебе служба, я знаю. Когда придешь к царю, он тебе скажет: «Вот что, Ондрей, отдашь свою жену, не дам тебе службы и не скажу, если не отдашь — вот тебе служба». Когда ты придешь, и скажи ему: «Ладно, грузите корабль вином и хлебом». И рядись с ним и не соглашайся меньше четырех месяцев идти.

Вот наш Ондрей пошел к царю. Приходит к царю, поздоровался.

— Вот что, Ондрей, какое дело. Отдай мне жену; если отдашь — я тебе не скажу, какая служба, если не отдашь — вот тебе служба.

Отвечает Ондрей царю так:

— Я женился, ваше величество, для себя, а не для людей, и не согласен; грузите корабль вином и хлебом.

Обрядились с ним сроком на четыре месяца.

— Если не привезешь, то твоя голова с плеч, — так царь поставил.

И с темá словами вышел домой.

«Ну, — думает, — не доносить мне головы, не достать мне за четыре месяца ничего».

Ондрей приходит домой и залился горькими слезами.

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видать!

Она ему и отвечает:

— Слушай, Ондрей, это не служба, а службица, а служба будет вся впереди. Поедим, повалясь спать, а утро вечера мудренее.

Вот они поужинали, легла она с ним спать. Поспала, поотдохнула до полночи, потом встала, вытащила из кармана волшебный платок и махнула им. Выскочило оттуда три молодца.

— Что тебе послужить, Елена Прекрасная?

— Вот, ребятки, какое дело будет. Нужно сбегать в два часа в тридевять морей, за тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принести оттуда овечку-золотую головку.

Вот ребятки через два часа принесли овечку-золотую головку.

Она берет ее, забавовала в ящик, положила себе в головы и ложится спать. Проспали они до шести часов. Елочка встала вперед, самоварчик согрела и стала будить — Ондрей, ставай, надо поить, поесть и пойти в дорогу.

Ондрей когда попил, поел, отправляется в дорогу, и заплакал:

— Елочка, до свиданья, больше мне тебя не видеть!

— Ондрей, не плачь, ты думаешь — царь меня возьмет? Нет, не видеть ему меня, как своих ушей.

Она подает ему ящичек.

— Вот, Ондрей, береги этот ящичек. Когда придешь на корабль, пройдет два месяца, будет тихая погода. Во время тихой погоды напои всю команду пьяной, чтобы ни одного трезвого не было, и поворачивай судно. Когда придешь обратно, ну, пойми, что в этом ящичке овечка-золотá головка, — и передашь дарю.

Вот стал прощаться и заплакал. Она вынимает платок из кармана, обтерла его и говорит:

— Ну, Ондрей, иди, ничего не бойся, я никуда не денусь.

Так, с темá словами, Ондрей пошел на пристань. Приходит Ондрей на пристань, корабль уже совсем готовый.

Садится на корабль и пошли по морю.

Когда только Ондрей ушел, то отправил царевич отряд к Елене Прекрасной. Долго они ее искали, перерыли весь дом, и половицы поднимали, ну, найти не могли, и решили, что Ондрей взял ее с собой.

Вот Ондрей шел по морю целых два месяца, потом пал штиль. Он и говорит:

— Да что, ребята, по случаю хорошей погоды вышьем все вместе.

И началась у них попойка. Когда он их всех напоил, было тихо на судне, он зашел в руль и потихоньку повернул судно. Была поветёрка. Он и говорит:

— Вот что, ребята, можете ли кто стать в руль?

— Слушай, Ондрей-стрелок, встать-то мы можем, только голова болит.

— Ну, что же, надо опохмелить.

Выпили они немного и опять пошли вперед, и продолжают пить. Вот они плывут, погода очень хорошая, поветёрка. Плыли-плыли и вдруг приплывают в свое государство. Когда они приплыли в свое государство, его и спрашивает команда:

— Ну, Ондрей-стрелок, где мы были, зачем мы ходили, как мы все пили, зачем мы вернулись в свое государство, принесли ли мы то́, или — верней — достали ли то́, за чем ходили?

А он отвечает им:

— Да как, ребята, неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда все пьяные были.

— Достали.

— Ну, слава богу.

С темá словами выходят к пристани. Когда только вышли на пристань, то встречается молодой царевич, сабля в руке, идет ему навстречу. Когда Ондрей встретил царевича и говорит:

— Ну, что, Ондрей, достал?

— А вот, можете посмотреть, — и дает ему ящичек.

Царевич взял и пошел домой, а Ондрей тоже пошел домой.

Когда он подходит только к дому, то Елечка выбегает на крыльцо, обняла его, поцеловала и заводит в комнату, уже самовар был готов. Садятся чай пить, Елечка и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, сходил?

— Ничего, хорошо.

— Еще тебе придется итти второй раз.

Вот не прошло два дня, когда молодой царевич узнал, что у Ондрея жена есть.

— Во что бы то ни стало надо от него жену отнять.

Призвал этого вельможу, чтобы придумать ему другую службу.

Вельможа говорит:

— Хорошо, ваше величество, я скоро придумаю.

И походит опять эту старушку разыскивать. Идет лесной дорогой. Как только увидал эту старушку, сразу остоялся.

— Ну, как, друг, сходил Ондрей?

— Да, сходил.

— Ну, Ондрея обмануть не хитро, а вот его жену не скоро обманешь.

— Ну, вот, придумай, бабушка, ему другую службу.

Бабушка отвечает:

— Ладно, я скоро придумаю. Пушай Ондрей опять сходит за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесято

царство, на остров Буян, принесет свинку-золотú щетинку. Дать ему команду пьющу, судно текуще. Он туда уйдет, назад не придет.

С темá словами пришел вельможа к царевичу:

— Ну, ваше величество, я опять придумал. Пушай Ондрей сходит в тридевятъ земель, в тридевятъ морей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет свинку-золотú щетинку. Дать ему команду пьющу, судно текуще. И срок дать на четыре месяца, не больше.

В скором времени призывают Ондрея к царю. Он и говорит Елечке:

— Опять что-то, какая-то беда за меня заводится, опять к царю зовут.

Она и говорит:

— Скажи царю, пусть грузят опять корабль вином и хлебом. Сам знаешь, взял ты меня для себя, а не для людей, умей хранить.

Вот он выходит. Приходит, конечно, к царю. Приходит и говорит:

— Что вам нужно, ваше величество, от меня?

Царь и говорит ему:

— Слушай, Ондрей, куда ты жену кладешь, как уходишь?

— Она у меня дома.

— Отдай мне ее, а то я опять дам тебе службу.

— Нет, — отвечает, — не отдам. Я женился для себя.

— Дак вот, коли ты мне не отдашь, то я тебе даю службу.

Сходи в тридевятъ морей, в тридевятъ земель, в тридесято царство, на остров Буян, принеси свинку-золотú щетинку. Даем тебе сроку на четыре месяца. Не принесешь, то твоя голова с плеч!

Ондрей отвечает ему так:

— Что же, ваше величество, грузите вином и хлебом корабль, я буду готов.

С темá словами Ондрей вышел из дому. Когда он приходит к Елечке, Елечка спросила его:

— Ну, что, Ондрей?

— Да опять служба, куда и раньше.

— Ну, ладно, Ондрей, не печалуйся, утро мудренее вечера. Это еще все, Ондрей, не служба. Вот будет третья служба, вот на этой службе придется задуматься.

Тогда они поужинали, повалились спать. Спала она с ним до двенадцати часов, в двенадцать часов встает,

вытаскивает волшебный платок, махнула им, появились три молодца, поклонились ей:

— Что, Елочка, прикажешь делать?

— Вот, что, ребятки, сбегать в два часа в тридевято царство, в тридесято государство, на остров Буян, принести свинку-золоту щетинку!

Ребятки поклонились, побежали. Не прошло даже двух часов, ребятки прибежали, притащили эту свинку. Она берет свинку, забавовала ее в ящик и повадилась спать. Встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала Ондreja будить:

— Вставай, Ондрей, надо попить, поесть, в путь-дорогу отправляться!

Вот Ондрей чаек попил, конечно, стал одеваться и заплакал:

— Ну, Елочка, наверно, мне тебя не видать!

— Не плачь, Ондрей, ничего не будет.

Когда он оделся, она подает ему ящик:

— Ну, вот, Ондрей, тебе тут ящик, а в нем свинка-золотá щетинка. Через два месяца напои команду, поверни корабль и приходи обратно. А тебе ходить никуда не надо. Все у тебя в ящичке.

— А тебя уж царь найдет?

— Нет, не найдет, не видать ему, как своих ушей.

И так Ондрей отправился на корабль.

Приходит, садится на корабль, и так отправились в путь.

Как Ондрей уехал, царевич отправился к нему домой, все перерыл, полы поднял, печи разворотил, перевернул все на свете. «Ну, нет ее, наверно, — думает, — Ондрей с собой ее взял».

Вот Ондрей плывет, плыли они два месяца, до тех пор, пока не сделался штиль. Когда стихла погода, он напоил всю команду, и когда уже было тихо на судне, он заходит в руль, поворачивает руль и начал будить команду со сна.

— Вставайте, друзья, кто-нибудь поправить, если можете.

Они и отвечают:

— Править-то хорошо, хозяин, да голова болит.

— Ну, что ж, опохмельтесь.

Теперь стали подвигаться к своему государству. Вот свое государство. И стали опять спрашивать:

— Ондрей-стрелец, так достали ли мы то, за чем ходили?

— Достали.

— Ну, ладно; вот и хорошо.

— Так неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда пьяны совсем были.

— Достали.

Вот когда они приплыли, вышли все на пристань, идет уж молодой царевич с мечом и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, достал?

— Достал, можете получить, ваше величество. Исполнил.

И пошел домой. Только приходит к дому, Елечка выскакивает на крыльцо, поцеловала его, ведет в комнату. Уже самовар был готов, сели за стол. Вот пьют чай, она и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, сходил?

— Да ничего, хорошо.

— Ну, ладно, и вперед так будет.

Не прошло два дня, царевич уже узнал, что у Ондрея жена есть. Разыскал этого вельможу, чтобы придумать третью службу и во что бы то ни стало отнять жену у Ондрея. Вот разыскали этого вельможу, и говорит ему царевич:

— Вот что, друг, ты придумай-ко еще третью службу Ондрею.

Он отвечает:

— Хорошо.

Придумать ему недолго, он уже надеется на эту старушку.

Затем вельможа пошел опять лесной дорогой. Долго он шел, встречает эту старушку.

— Здравствуй, бабушка.

— Здравствуй, сынок.

Она спросила его:

— Ну, как, Ондрей исполнил?

— Исполнил.

— Гм, Ондрея обмануть недолго, ну, его жену не обманешь. Ну, ничего, теперь я все-таки придумала, разлучу его на семь лет с женой.

И говорит ему:

— Вот сходи к царю и говори так: «Пусть Ондрей сходит туда, не знаю куда, принесет то, не знаю что». И срок ему дай неопределенный, ну, не меньше семи лет. Может,

он и не вернется. А в это время царь может жениться на Елене Прекрасной. (Она то не знает, что Елена скрывается.)

Сейчас этот вельможа приходит к царю и долагает:
— Вот, ваше величество, пусть Ондрей сходит туда, не знай куда, и принесет то, не знай что. И дайте ему срок неопределенный. А в это время вы достанете жену.

Когда царь услышал эти слова от вельможи, в нетерпении послал за Ондреем. Когда пришел посол, то велел Ондрею притти к царю, немедленно-его звал. Ондрей ответил:

— Хорошо.

Говорит опять своей Елене Прекрасной:

— Что-то, Елечка, наверно у царя опять есть дурное.

— Да, наверно опять служба. Ну, от службы не отказывайся, берись, а там видно будет.

Когда Ондрей приходит к царю, то царь заводит его в особую комнату и начинает его угощать вином: думает его напоить пьяным, чтобы он скорее согласился, но жена его предупредила:

— Смотри, Ондрей, водки не пей.

Ондрей, конечно, не отказался, и пошел с ним за стол. Сел, выпил одну небольшую стопочку, начинает ему царь говорить:

— Вот, Ондрей, слушай: отдай мне жену, а тебя я женю на генеральской хорошей дочке, и будешь ты счастливо жить без лишних хлопот, а то опять даю тебе службу большую.

Ондрей ни на что не соглашался, ни на какие уступки, и сказал:

— Я лучше пойду, нежели отдам жену.

И отказался от водки совершенно.

— Тогда знаешь что, Ондрей, я тебе даю службу: сходить туда, не знай куда, принести то, не знай-что. Даю срок неопределенный, если ты не принесешь, вернешься, то голова с плеч.

Ондрей с теми словами вышел, и приходит он домой к Елене Прекрасной.

Приходит он грустный, печальный, со слезами на глазах.

Елечка спросила Ондрея:

— Что ты плачешь?

— Как, Елечка, не плакать, дали такую службу: сходить туда, не знай куда, принести то, не знай что.

Она ответила ему:

— Слушай, Ондрей, не печалуйся, попей, поешь, и ложись спать, а утро вечера мудренее, к утру все выяснится.

Поужинали, повалились спать. Она поспала немного, ставает, берет волшебную книгу в руки и начинает искать, где то, не знай что. Долго она искала, найти, конечно, не могла; бросила она волшебную книгу, берет волшебный платок. Тряхнула, выскочили три молодца.

— Что, Елена Прекрасная, прикажете?

— Вот, ребятки, не знаете ли где то, не знай что?

Один говорит — я не знаю, другой — не знаю, все, как в одно слово. Она спрятала платок в карман, берет большой моток шерсти, начала вить на клубок. Когда она свила большой клуб, чуть могла взять его, вынесла на улицу и поставила его на крыльцо. Это провела она время до шести часов утра. Поставила самоварчик, начала будить Ондreja:

— Вставай, Ондреюшко, друг дорогой, уж тебе работа, путь-дорожка дальняя!

Вот они сели, чай попили, она и говорит:

— Вот, Ондрей, на крыльце есть клубок. Этот клубок покатится по дороге, и ты с ним иди. Пока этот клубок покатится по дороге, ты и иди, все иди, до тех пор, пока клубок кончится, нитка растянется по дороге, там ты увидишь дворец. В этот дворец и иди, там тебя встретят.

Вот Ондрей собирается. Собрала она ему сумочку с собой, торбочку, и он заплакал:

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видать, не знай куда я пойду!

— Не думай, Ондрей, ни об чем, царь меня не возьмет, я буду тебя ждать; конечно, долго не увидаемся.

Вдобавок она ему еще говорит:

— Вот тебе сумочка, когда ты придешь во дворец, там тебя встретят, накормят, напоют, спать уложат. Когда на утро встанешь, будешь умываться, тебе принесут полотенце, ну, ты в их полотенце не трись, достань из сумочки свое и утрись.

Вот заходил, ему очень было ее жадко, заплакал. Она его стала утешать, утерла платком и вместе вышли на улицу у крыльца. Он спустился на дорогу, и клубок

впереди его покатился. И так Ондрей отправился в путь-дорогу.

Вот как узнал царевич, что Ондрей ушел, сейчас и выставил около ее дома караул, стал обыскивать весь дом, но найти не мог; наконец, осерчал, сжег весь дом.

И дальше Ондрей продолжает свою дорогу; ну, клубок катился, катился и все меньше и меньше стал. Как идет Ондрей, клубок все меньше и меньше. Скучно Ондрею идти, все думал об Елене Прекрасной. Вот все шел и шел, продолжал свою дорогу, клубок стал маленький, с куриную головочку. Стало Ондрею скучно, никакого жительство нет. Чем клубок стал меньше, тем Ондрею скучнее. Вот уже до чего клубок стал маленький, что его уже незаметно по дороге, нитка растянулась вдоль дороги. Ондрей поднял глаза, смотрит, стоит дворец, подходит ко крыльцу к парадному. Когда он подходит к крыльцу, то по лестнице к нему сверху сбегают две девушки, точно одна, как его Елочка, но он не осмелился сказать. Берут его за руки и ведут во второй этаж.

Вот когда они его привели, сейчас накрыли скатерти бранные, напѣвки-налѣвки, вина заморские. Напоили, накормили и уложили его спать на перину пуховую. И сами ушли. Он проспал эту ночь. Утром прибегают в восемь часов, будят его со сна. Когда он встал, принесли ему воду умыться, принесли полотенца. Ондрей, конечно, умылся. Подают ему полотенце.

— Нет, девушки, у меня есть полотенце свое, дорожное.

Достает полотенце из торбочки, только что успел накрыть полотенцем лицо, одна из девушек хватъ это полотенце и убежала, и другая вслед. Ондрей остался стоять в великой печали, думает:

— Что мне теперь будет, как же она мне велела утираться в свое полотенце.

Вот эти девушки приносят полотенце к матери, говорят:

— Знаете что, мама, ведь наш зять Ондрей пришел.

— Ага, знаю, знаю, зачем он пришел.

Это ее было полотенце: вот из-за чего она велела утираться в полотенце, чтобы они знали, кто он есть и зачем идет, потому она и велела ему утираться.

Старуха скочила со стула, вместе с дочерями и приходит к нему:

— Здравствуй, зять!

— Здравствуй, здравствуй, матушка.

— А я знаю, зачем ты пришел; хочет царь мою Елечку взять. Ого, это не выйдет ему, а я тебе помогу, зачем ты пришел. Поживи у меня несколько суток. Ишь он, задумал, молодой царевич, мою Елечку взять. Пусть он, пусть ее ищет хоть сто лет, не найдет.

Тогда Ондрей сел за стол, начал кушать и успокоился. Вот теперь она и говорит:

— Ладно, зять, побудь у меня трои сутки, а я поищу.

И уходит. Берет волшебную книгу в руки, и стала смотреть, где это то, не знай что. Смотрела она долго, бросила книгу и схватила себя за волоса, не могла найти. Думала, думала, и говорит:

— Наконец и надумала.

Берет два голика и полетела по воздуху. Летала сутки и прилетела, найти не могла. Берет волшебную книгу, опять начинает смотреть. Смотрела, смотрела, найти не могла, бросила книгу и начала думать. Думала часов восемь и сказала:

— Вот теперь я придумала, узнала, где оно есть. Скокушка-бабушка живет в болоте триста лет, она наверное знает, полечу-ко я к ней.

Берет два голика и полетела.

Когда прилетела она к скокушке-бабушке в болото, и спросила:

— Знаешь, скокушка-бабушка, где то, не знай что?

— Знаю, — говорит.

— Так скажи.

— Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня пронесешь до огненной реки в пареном молоки, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу.

Берет она скокушку и приносит к себе. Берет кувшин молока и начала парить. Вот когда она попарила, посадила эту бабушку-скокушку, лягушку то есть, и приходит к своему зятю:

— Ну, зять, одевайся, поедешь, дам я тебе своего коня.

Одеся наш Ондрей-стрелок, и выводит теща своего коня. Потом ему и говорит:

— Вот лети на этом коне до огненной реки, а у огненной реки коня уже не будет, и спрашивай у бабушки, как понасть дальше.

Когда он доехал до огненной реки, коня у него уже не стало, остался один кувшин, и стал за ниточку вытягивать эту скокушку. Вытянул скокушку, она ему и говорит:

— Садись, Ондрей, на меня, пока не поздно.

А он ей и говорит:

— Что ты, бабушка, эка маленька, я тебя задавлю.

— Ну, садись!

Долго он мешкал, не садился, наконец:

— Ну, ладно, сяду.

Сел, и эта лягушка стала подниматься кверху, кверху и стала выше лесу и все его упивала в себя, только видна одна голова.

Вот она и заговорила:

— Ну, держись крепко!

Как эта лягушка скочит, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила она его. Он начинает ее спрашивать:

— Да где же, бабушка, есть тó, не знай что?

— То-то, если бы ты не спросил, так и не узнал. Теперь я тебе скажу.

Вот начинает бабушка:

— Вот где тó, не знай что живет: иди по этой дорожке, долго тебе, конечно, покажется идти, ну, иди. Увидишь дом — не дом, сарай — не сарай, помещенье — не помещенье; заходи в него, дом совершенно пустой, развалившись только одна печь. Зайдешь в этот дом и становись за печь. Зайдут два молодца и скажут: «Сват Наум, попить, поесть». Заиграет музыка разная, накроются скатерти бранные, наливки-наливки, вина заморские. Вот и ты до тех пор стой, пока они не уйдут и комната будет совершенно пустая. Тогда выходи и говори: «Сват Наум, попить, поесть». И тебе то же самое будет.

Старушка ему еще сказала:

— Когда будешь пить и есть, то угости свата Наума рюмочкой, тогда он от тебя никуда. Это будет тó, не знай кто.

Это все обсказала бабушка-старушка-скокушка. Он поблагодарил ее и сам отправился в дорогу. Вот идет он себе долго, наконец, увидал; да, дом — не дом, сарай — не сарай. Заходит в него, совершенно пустой, развалившись,

одна печь. И вдруг видит, приходят два человека молодых, сейчас сказали:

— Сват Наум, попить, поесть!

И откуль возмись, накрылись скатерти бранные, наливки-наливки, заморские вина разные, и комната переменялась совсем другая.

Вот когда они поели, вышли прочь, то комната стала опять пустая. Тогда выходит Ондрей из-за печи. Когда он вышел из-за печи, и заговорил:

— Сват Наум, попить, поесть!

Так же и ему сделалось, накрылись скатерти бранные, наливки-наливки, вина заморские, и также водочка и рюмочка, и все на свете. Вот он сел за стол и начал есть, и говорит:

— Сват Наум, нельзя ли вторую рюмочку!

Сват Наум подает ему вторую рюмочку.

— Сват Наум, угостись второй рюмочкой от меня, дорожного человека.

Когда сват Наум выпил рюмочку и заговорил:

— Ну, Ондрей-стролок, ты меня угостил рюмочкой, а уж я от тебя никуда. Я двух дураков кормлю тридцать лет, а от них еще горелой корки не видал.

Когда Ондрей его угощал, он говорит:

— Сват Наум, покажись!

— Нет, — говорит, — я есть такой дух, что меня никто не видит, я есть то, не знай кто.

Вот Ондрей выпил, поел и стал собираться.

— Ну, что, сват Наум, ты пойдешь со мной?

— Конечно, я всегда за тобой.

— Куда?

— Ну, пойдём.

Долго Ондрей шел по дороге и все спрашивал:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, я от тебя никуда.

Наконец, приходит Ондрей к морю. Когда он пришел к морю, и говорит:

— Сват Наум, а куда мы сейчас пойдём?

— погоди, Ондрей, сейчас приплывет корабль, и мы поплывем на нем.

Вдруг ниоткуда возмись корабль; приплывает шлюпка и перевозит его на корабль. Когда вступил он на корабль, то спросил:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, есть, я от тебя никуда.

Ну, на корабле не было никакого человека.

— Как же, сват Наум, у нас людей нет, кто у нас будет править? Нет ни штурманов, ни матросов.

То сват Наум сказал:

— Ложись спать, а я один управлюсь.

Вот Ондрей лег, поспал, встает. Говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, приплывем мы к одному острову, и на этот остров мы высадимся, поселимся то есть.

Вот они приплывают к одному острову. Сейчас спускается с корабля лодка, перевозит их на остров, а уж корабль исчез.

Они заходят на остров, остров стоял на море. Сват Наум и говорит:

— Вот что, Ондрей, на этом острове мы построим дворец и обнесем садами. Мимо острова пойдут три корабля, они зайдут к нам в гости.

Сейчас же сват Наум построил дворец, обнесли сады вокруг, и начали жить, продолжать жизнь вперед. И говорит ему сват Наум:

— Через два дня приплывут сюда три корабля. И они такой редкости еще не видали, ходят тридцать лет мимо этого места, а жилья здесь не видали. И они как раз тут остоятся и придут к нам. На этих кораблях у капитанов есть три вещи, диковинки, которые нам нужно захватить с собой на обмен меня. Они согласятся, а я от тебя никуда. Когда мы их напоим, накормим, подпоим пьяненькими, они будут хвастать своими диковинками, и будут спрашивать у тебя: «Что у тебя за сват Наум?»

Вот как раз несколько времени проходит, и плывут три корабля. Сошлись все вместе и стали дивиться:

— Что такое, тридцать лет плавали, такой диковинки не видали. Какой приехал сюда, построил дворец, надо посмотреть.

Вот они остановились — все три корабля, — все капитаны с матросами, штурманами, спустили лодки и поехали на гору.

Когда они приехали на гору, и заходят в этот дворец. Их Ондрей-стрелок встретил и сказал:

— Сват Наум, поить, поесть, угостить моряков, и ска-терти бранные, наливки-наливки, разные заморские вина!

И это все было сделано. Сели гости за стол. Когда стали водочку выпивать, охмелелись порядочно. Вот и начинают у него спрашивать:

— Что у тебя, Ондрей-стрелок, есть за сват Наум, какой он человек, и давно ли ты поселился здесь на острове?

Он тогда им и говорит:

— Это есть сват Наум — мой друг, он исполняет все мои приказанья, и куда лишь хотел поселиться, туда бы с ним я и уехал.

— И что он за человек, как бы его посмотреть?

— Я не знаю, я и сам не видал его, он есть такой дух, что его никто не видит.

Когда напились эти гости, и стали хвастать. Один капитан и говорит:

— Да, Ондрей, у меня тоже есть диковинка: как захочу, у меня есть топор, скажу к дереву: «Топор, тяп-ляп, и сделайся корабль». И в ту же минуту будет.

Тогда заговорил второй из капитанов:

— Да, у тебя ничего; ну, и у меня есть сабля такая. Если я приду к берегу и ударю вдоль воды, то сделается мост хрустальный. Ударю поперек воды, то ничего не будет. И ежели задумаю работать дворец, то иду на хорошую площадь, три раза обернусь вокруг саблей и сделаю такой дворец, какой только прикажу.

Тогда говорит третий капитан второму:

— Есть и у меня вещь хорошая. Есть трубочка такая: выйду я на поле, свистну, и сделается войска столько, что прикажу, то они и будут делать.

Когда все капитаны объяснили все истории, сват Наум и говорит Ондрею, зашептал на ухо:

— Слушай, Ондрей-стрелец, меняйся на меня, все эти вещи нам нужно, а я от тебя никуда; они согласятся.

Потом Ондрей-стрелок и говорит капитанам:

— Вот что, товарищи капитаны, давайте менять, я вам отдам свата Наума, а вы мне все эти вещи.

Капитаны подумали, поговорили между собой и, наконец, сказали:

— Ладно.

И так решили:

— Давайте, товарищи, сделаем так: идемте домой, привезем своих жен и будем жить на острове, а сват Наум нас будет кормить, работать нам ничего не надо.

Сейчас же отиравились на корабли за вещами. Когда приехали на корабли, взяли вещи, и приехали опять на гóру. А в это время сват Наум и говорит Ондрею:

— Когда они приедут, ты их встречай, напой их пьяными, а сам забирай вещи и иди на конец острова.

Вот когда они приходят, капитаны эти сели за стол, и пошла у них попойка.

Эти капитаны отдают ему вещи, а он и говорит свату Науму:

— Ну, сват Наум, ты теперь оставайся с капитанами, служи им, как и мне служил, а я теперь ухожу.

Распростился, получил вещи и пошел. Немного отошел и подумал:

— Сват Наум, ты есть?

— Я давно за тобой, а вот ты подожди, они немного попьют, потом заснут. Проснутся на голых камнях, больше ничего там не будет.

Капитаны эти до тех пор пили, что заснули.

Проснулись, вскочили, остались на голых камнях, нет ничего: ни дворца, ни садов, Ондreja и след простыл.

Когда Ондрей пришел в конец острова, и спрашивает свата Наума:

— Ну, сват Наум, что будем делать?

— Кажется, ты сам теперь знаешь. У тебя есть топор?

— Есть.

— Ну, и строй корабль.

Ондрей скоро время отыскал дерево, ударил топором:

— Ну, тяп-ляп, сделайся корабль.

В ту же минуту корабль был готов, уже стоял на воде. Теперь он говорит:

— Ну, как же мы, сват Наум, теперь попадем на корабль?

— Ну, у тебя же есть вещь?

Берет саблю, ударил вдоль воды, сделался мостик. Перешли они на корабль, ударил поперек — убрали мостик, и поплыли они на корабле.

Вот они плыли, долго ли, коротко, низко ли, высоко, близко ли, далёко, и все плывут и плывут. Прицлывает Ондрей в то же государство, из которого он вышел. И видит — самое оно. Когда они приплыли на рейду, Ондрей берет саблю, ударил вдоль воды — образовался мостик. Встали они, пошли на гóру. Вышли на берег,

идут по городу, Ондрей идет к тем жилищам, где его была комната. Когда увидал, взглянул на это место, то это место было сожженное все, на этом месте трава уже выросла.

Он взглянул и сказал:

— Ну, верно, погибла моя Елечка, сжег, безумец!

Тогда Ондрею было делать нечего, он стал спрашивать свата Наума:

— А что мы теперь, сват Наум, будем делать?

Сват Наум ответил ему:

— Строй дом, и найдется твоя Елечка.

Тогда Ондрей-стрелок берет саблю, обернул вокруг себя и говорит:

— Ну, постройся мне дворец, даже в три раза лучше царского!

И в эту же минуту дворец построен с надписью серебряной: «Ондрея-стрельца». Когда он увидал, что построен был дворец такой великолепный, то он с радостью пошел во второй этаж и начал ходить по комнатам. Наконец, зашел в спальню. Когда он зашел в спальню, открыл занавеску, то смотрит, Елечка спит на кровати. Он побудил ее, она открыла глаза, вскинулась и давай целовать его и сказала:

— Тебя ли я вижу, милый мой стрелок Ондрей?

— Меня, — ответил. — Пойдемте сейчас в залу, привальный сделаем обед, и я обскажу свое путешествие.

Когда они зашли в залу, садятся за стол, то она спросила:

— Ну, достал ли, Ондрей-стрелец, тó, не знай что?

Он и говорит:

— Достал.

Тогда говорит Ондрей:

— Ну-ко, сват Наум, — попить, поесть, повеселиться, накормить себя, меня и мою жену!

Вот она и начинает спрашивать:

— Сват Наум, кто ты такой есть, покажись-ко мне.

— Нет, Елена Прекрасная, я сроду никому не показывался. Я есть такой дух, меня никто не видит; я есть тó, не знай что.

Больше она спрашивать не стала. Теперь спрашивает Ондрей:

— Так как, сват Наум, что же мы теперь будем делать, к царю ли ты пойдешь, или у меня будешь жить?

Отвечает сват Наум:

— Нет, Ондрей, я к царю не пойду, царь меня не достал, а достал ты, Ондрей-стрелок, и тебе буду служить. А с царем мы расправимся иначе.

Вот говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, бери трубочку, вроде табатырочки, и пойдем в поле. Когда придем в поле чистое, свистни одиножды.

Так Ондрей берет трубочку и выходит в чистое поле. Когда он пришел на поле, то кряду же в трубочку свистнул, и появилось столько войска, что он не знает, нет ли убыли, ни прибыли.

Прискакивают к нему главные атаманы, поклонились в пояс.

— Что тебе надо, Ондрей-стрелок?

Он не знает, что им сказать. Тогда говорит сват Наум Ондрею:

— Прикажи им в город палить холостымá снарядами и вели вызвать царя самого или пусть присылает войско.

Да, когда царь услышал такую опасную тревогу, то уж он растерялся и сам не знает, что делать. Присылает двадцать пять человек солдат в разведку, узнать, что им надо и какие пришли войска. Когда приехали эти солдаты, Ондрей спросил:

— Сват Наум, что нам с этими солдатами делать?

— А вот что: привязать двадцать человек волосами к траве, а пять отправить обратно, что столько нам не присылай. Присылай или войско, или приезжай сам.

Так и сделали.

Двадцать привязали, а остальных отправили с ответом. Когда солдаты обратно вернулись к царю, обсказали такую тревогу, царь очень задумался, не знает, что ему делать. Наконец, решил ехать сам.

Когда приехал царь на поле, Ондрей-стрелок уже ждал его и говорит свату Науму:

— Сват Наум, что же мы будем сейчас принимать с царем?

Отвечает сват Наум:

— По-моему, с ним поступить просто: казнить его, а тебе поступить на царство.

Отвечает Ондрей:

— Нет, сват Наум, казнить я не намерен, зла помнить, а с ним лучше что другое сделать, и что он будет говорить.

Когда царь подошел к Ондрею-стрельцу, то очень испугался и стал просить помилованья.

— Ондрей-стрелец, что хошь делай со мной, но только моей головы не казни!

И увидел громадное войско.

— Мне не надо от тебя ничего, что ты принес или не принес ничего. Мне ничего не надо, только не казни ты меня!

— Ну, ладно.

— Отдам я тебе престол, становись на престол, а я сойду.

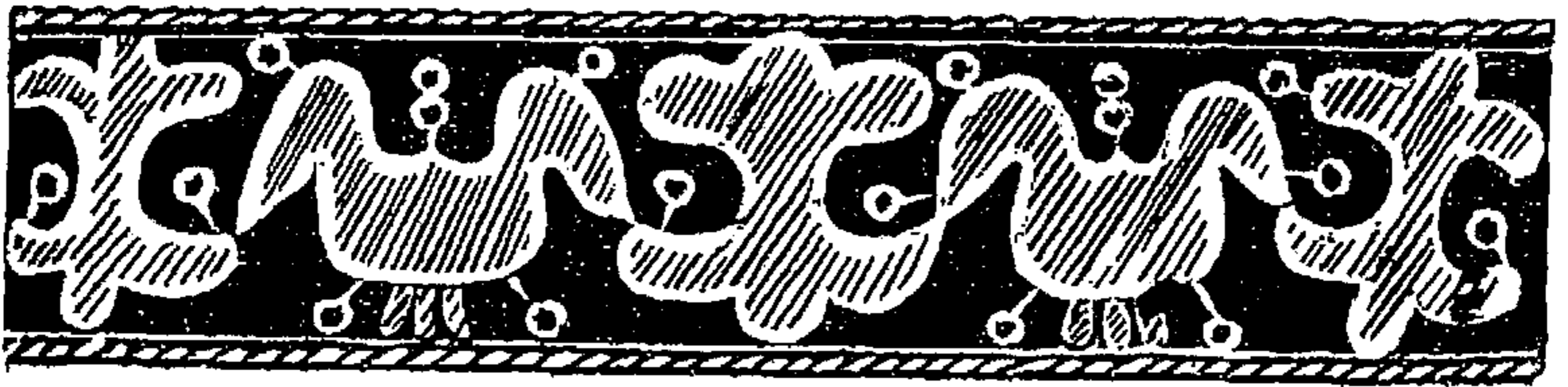
Ну, он тогда сказал царю:

— Ну, ладно, оставляю я тебе жизнь, но будешь сорок лет в пастухах.

Потом свистнул два раза в трубочку, войско все унесло.

Вот они зашли в царские палаты, царь спокойно сдает ему все дела и сам поступил в пастухи. Тогда Ондрей-стрелец взошел на престол и стал играть свадьбу. Когда эта свадьба окончилась, тогда, конечно, стал он этим царством править до глубокой старости.

ТРИ БРАТА

Нé в котором царстве, нé в котором государстве, ну, может быть, и в том, в котором мы живем, жил-был царь. У царя было три сына: Василий, Федор и Иван. Вот этот отец и говорит сыновьям своим:

— Вот что, сынки мои любимые, я стал стар, кто мне сослужит службу такую из вас троих? Кто из вас пойдет-сходит в тридевять земель, в тридесятое царство, принесет мне живой воды и мертвой, манежных ягод и молодильных яблок, я хочу помолодиться.

Он и говорит старшему сыну Василью:

— Ну, Вася, поезжай, если ты мне принесешь, я тебе дам полцарства и потом поставлю дарем за это.

Сын, конечно, не отказался.

— Ну, батюшко, достань мне хорошего с конюшни коня, я поеду, благослови меня.

Отыскал отец спокойную лошадь, сын собрал съестные припасы и кряду отправился в путь. Выехал он на широкую дорогу и едет.

Когда он приехал к рѣсстаням трем, — разделяются все дороги на разные стороны, — а на этой дороге стоит столб.

На столбе есть надпись каждой дороги:

«В первую дорогу ехать, в правую — убитому быть; в среднюю дорогу ехать — женатому быть; в левую дорогу ехать — богатому быть».

Так, теперь он немного подумал: «На что мне богатому быть, я и так не бедный; на что мне убитому быть — я еще молодой. Давай, поеду средней».

Вот он выехал в чисто поле немного, видит, стоят

три шатра. Когда он приезжает к шатрам, то выбегают девица и молодца из шатра.

— Молодец, молодец, не обирай ты коня, заходи в комнату, мы уберем. Ешь — не наедайся, пей — не напивайся и со мной спать собирайся, и досуха ложки не вытирай.

Он заходит, конечно, в комнату, накрыли ему стол, начали поить и кормить. Когда он поил и поел, то приходит эта самая барышня, берет его за руки и ведет во вторую комнату. Приводит его к кровати и говорит:

— Ну, ложись к стенке, а я поважусь на край.

Ну, он, конечно, не стал противоречить, повалился к стенке, а она повалилась на край. Только он успел ее обнять, то она повернет рычаг, раскрылась кровать, и он полетел в подземелье, в погреб в общем.

Вот царь ждет сына своего месяц, два, полгода, и никакой нет от сына вести, пропал; и начинает царь очень скучать. И так от него след простыл. Теперь возвратился к второму сыну, к Федору:

— Ну, Федя, может, ты поедешь, коли Васи нет скоро год.

Федя не отказался ехать, поехал. Вот отыскали ему спокойную лошадь, собрали ему съестные припасы, и так отправился в путь-дорогу. Потом приезжает также к рощам, к трем дорогам, как и первый брат. Рощи отделились на три части: правая, средняя и левая. «В правую ехать — убитому быть; в среднюю ехать — женатому быть; в левую ехать — богатому быть».

Он подумал: «На что мне богатому быть, я и так не бедный, на что мне убитому быть — мне жить охота. Давай, поеду, где женатому быть».

И так поехал. Вот выезжает он в чисто поле и видит — три шатра стоят.

Когда подъезжает он к шатрам, и видит — выбегают из шатра молодца и девица.

— Молодец, молодец, не убирай лошадь, мы уберем, напоим и накормим, будь спокоен, заходи в комнату!

Вот сейчас он зашел в комнату, девица посадила его за стол.

— Молодец, молодец, ешь — не наедайся, пей — не напивайся, со мной, с красоткой, спать собирайся и досуха ложки не вытирай.

Берет она его за руку, увела в другую комнату, подводит к кровати и говорит:

— Молодец, ложись к стенке, а я лягу на край.

Вот он, конечно, повалился, только успел рукой ее обнять, она возьмет — рычаг повернет, кровать раздвинувшись, и он улетел в погреб. Когда он улетел в погреб и немного очумел, то встал на ноги и видит — перед ним стоит его брат.

— А, брат Вася, ты здесь?

— Да, здесь, а ты что, — тоже жениться приехал?

И очутились обои вместе.

Отец очень заскучал и говорит:

— Ну их к чорту и с их омоложением, как некоторого сына назад больше года нет.

И меньшого сына не стал посылать. Но сын узнал, пришел:

— Папа, благослови меня, я поеду твою службу исполнять и заодно разыщу братьев.

Отец говорит ему:

— Нет, Ванюша, я тебя не спущу; ты у меня еще один остался, и ты знаешь, кто после меня будет стоять в начальстве, как те братья не вернулись.

Отец его не благословляет, а мать даже и говорить не давала:

— У нас остается только один сын, и мы стали оба старые, никуда не отпущу меньшого сына.

Ну, сын боле всего стал говорить:

— Благословите, батюшко и матушка; благословите — поеду и не благословите — поеду. Привезу молодильных яблок и разыщу своих братьев.

Мать заплакала, отец уже не мог перетерпеть, начинает его благословлять. Также благословила под конец и мать (*путешествие длинное у него будет*). Потом он сам пошел на конюшни, отыскал лошадь самую хорошую, лучше которой не было.

Когда он отыскал лошадь, привел ее к крыльцу, то пришел обратно домой. Заходит он в комнату к отцу, к матери. И благословился, простился, отправился в путь-дорогу. Выехал он также на широкую дорогу и доехал до рбс-станей, где стоял столб, на столбе была надпись; слез он с лошади — прочитал надпись:

«Вправо ехать — убитому быть; в средне ехать — жена-тому быть; в левую ехать — богатому быть».

«На что мне богатство, я и так не бедный; на что мне

ехать туда, где убитому быть, поеду туда, где женатому быть, нигде больше, как там мои братья, выручить их надо».

Вот и приехал туда, где женатому быть. Приезжает он в чисто поле. Издалека видит — три шатра стоят. Подъезжает он к шатрам, объехал кругом одного шатра с правой стороны и увидал коней, сам говорит:

— Наши, царские кони, ну, и братья нигде больше, как здесь, — и сам подъехал к крыльцу.

Сейчас выбегают девица и молодича и говорят:

— Молодец, молодец, не убирай лошадь, мы уберем, идите в комнату!

Он ответил им так:

— Я хозяин лошади, я и уберу, напою, накормлю и потом в шатер зайду.

Приводит лошадь к тем же лошадям, где братневы кони стояли, и насыпал им всем пшеницы, сам заходит в шатер.

Прибегает молодича.

— Молодец, молодец, пей — не напивайся, ешь — не наедайся, со мной спать собирайся и досуха ложки не вытирай.

А он ответил:

— Помрут — не скажут, едят — не потчуют и знают, как утирать надо.

Теперь так: приходит она, берет его за руки и поводит спать. Когда она приводит его к кровати и говорит:

— Но, ложись, молодец, к стенке.

А он:

— Нет, у нас на Руси на краю спят, а не у стенки.

И долго стояли, спорили. Наконец, он взял и бросил ее к стенке, а сам лег с краю и рассмотрел, что тут в кровати творится. И она согласилась на это и думала: «Он не узнал моей хитрости».

Лежали недолго молча. Иван ухватился за рычаг (*Ивану не до женитьбы было, ему нужно братьев достать*). Когда ухватился Иван за рычаг, раскрылась кровать, и летит уже молодича в погреб, там кричат:

— Вот, вот и сама попала!

Там уже сидят тысяча человек, все женихи. Там сидели некоторые боле десятка лет, были очень озлобленные и сердитые на ейное предложение и всю поняли ейную проделку. Тогда бросились на нее, как тигры, и разо-

рвали ее на клочки, а Иван это все слушал. Тогда Иван соскочил с кровати, подбегает к второй девушке с револьвером и говорит:

— Вот твоя жизнь кончается, если не отдашь мне от погреба ключей!

Когда он подошел к ней, сказал, то она испугалась, кряду же отдала ключи, только сказала:

— Пощади, добрый человек, мою жизнь!

Вот сейчас он взял ключи, побег в темницу и открыл темницу.

— Ну, братья, выходите, сколько вас там есть—все до одного!

Вот отсюда и поилось их, как будто и счегу не знает сколько. Наконец, вылезают братья.

— О, братец, да это ты?

— Да, я; ну, как ваша женитьба?

— Да хорошо.

— Ну, ладно. А я приехал вас разыскивать и спас всех вас.

Когда вылезли все и очень стали Ивана-царевича благодарить, что спас ихнюю жизнь, и кряду пошли в конюшню за конями все вместе. Когда пришли братья, взяли своих коней:

— Погодите, братья, я еще зайду в шатер.

Братья стали дожидать. Заходит он в шатер, увидал эту молодницу и говорит:

— Ну, скажи, где у тебя пороховой погреб, а то застрелю.

Она говорит:

— Только не стреляй, сейчас отдам ключи.

Приносит от порохового погреба ключи, дает ему. Он приходит к братьям:

— Братья, пойдете со мной, берите коней, поедем к пороховому погребу.

Кряду же братья с ним приехали к пороховому погребу. Открыл Иван погреб и велел братьям набрать полные карманы пороху и сам набрал. Вот когда они насыпали все карманы, то сказал братьям:

— Вот я оставляю погреб полым, а вы вытрясайте порох из карманов дорогою, и я буду трясти.

Когда они отъехали километр места, вытрясли все карманы, то Иван спустился с лошади. Когда Иван спустился с лошади, то зажег порох, порох стал перебираться, не прошло пять минут, как дошел до погреба, и рухнул весь ихний шатер.

Так они поехали дальше. Как приезжают они к тем же опять трем дорогам с братьями, конечно, то Иван спустился с лошади, стер эту надпись, и сказал:

— Это все пустое.

Теперь говорит братьям:

— Так кто, братья, теперь желает ехать туда, где богатому быть из вас?

Братья отказались:

— На что нам богатыми быть, мы и так не бедны.

Отказался Василий и Федор. Теперь говорит он опять же братьям:

— Так нет, братья, надо все же дорогу исследовать, я теперь поеду, только меня дождите.

Вот он сел на лошадь и поехал. Приезжает он на открытое место, увидел — стоят три магазина. Привязал свою лошадь, насыпал ей пшеницы и сам пошел по магазину ходить, что у них есть хорошего, узнать. Да, зашел он в первый магазин: стоит пустой совершенно. Вышел, плюнул. Зашел он во второй, смотрит — стоит весь полнеющий грязью. Зашел он в третий магазин, то смотрит — полный был весь набит навозом, вот и богатство где-ка. Потом приходит он к своему коню, обседлал его, сел и поехал, и в скорое время приехал к братьям. Братья спросили его:

— Ну, что там, Иван, за богатство?

— А там все пустое, братья. Сейчас сотрем надпись.

Сейчас соскакивает Иван с лошади, стирает надпись и говорит братьям такую вещь:

— Так вот, братья, скажите мне, кто поедет туда, где убитому быть? Исполнить надь родительское слово и потешить старика. Вы, кажется, помните его заказ?

Тогда братья обоим, как один, ответили:

— Нет, Ванюша, брат меньшой, мы не желаем на смерть ехать, а ты как хочешь, а мы жить хотим.

Ну, он потом им говорит:

— Нет, братья, вы не так смотрите, надо кому-нибудь нам из трех ехать исполнить отцовскую задачу.

Братья второй раз категорически отказались:

— Мы не подем.

Тогда он сказал:

— Ну, братья, тогда я поеду, дождите меня на этом месте до тех пор, пока не вернусь. Может, и год и два

прѣеду, ну, дожидайте меня, домой не уезжайте, все равно исполню я отцовскую задачу, если буду жив. Дожидайте до трех лет.

Так с темà словами распростился с братьями и пустился в ту дорогу, где живому не быть.

Вот едет он путем-дорогою, и едет, едет, едет, едет, близко ли, далѣко, низко ли, высоко, едет и поджимает своего дорожного коня. Вот уж он проехал порядочно места, истощали у него съестные припасы и также лошадиный фураж. Более всего он стал заботиться то, что не стало лошадиных запасов. «Не будет подо мною скоро доброго коня».

И сам уж сутки голоден. Потом видит, на возвышенном месте стоит избушка. «Ну, ладно, слава богу, скоро доеду».

Подъезжает к избушке, избушка вертится на курьих ножках, на цегушиной головке. Когда слез с лошади, и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, мне не век вековать, одну ночь ночевать!

Избушка остоялась.

Заходит он в избушку и видит сидящую старую старуху на стуле. Старуха вскочила со стула, носом начала в жаратке варить, языком печь пахать, и титьки через грядку вѣснут. Наконец, заговорила:

— Фу-фу, — говорит, — на Руси не бывала, русского духу не слыхала, а теперь вижу и слышу. Съем, съем, молодец, давно человеческого мяса не едала.

А он стоит, в губах крови нет:

— Что ты, бабушка, смилуйся; холодного, голодного и сразу начинаешь есть. Ты бы накормила, напоила, баню истопила, кости попарила. Тебе мягче бы стало, старой ведьме, есть.

Старушка приобдумалась, стол накрыла, напоила, накормила и в ту же минуту баню истопила, в бане выпарила. В бане попарила, в кроватку уложила, села на табуретку и стала вести выпрашивать:

— Скажи-ко ты, молодец, какого роду, какого племени, как те зовут и куда ты идешь?

Он долго думал и сказал:

— Я есть, бабушка, не царский сын, не королевский сын, а Самсона Самсоновича Самсонова сын.

(Уж надо было ему придумать.) Старушка сразу же ему и сказала:

— А Самсон-то ведь мне был брат родной, второй; теперь-то он помер, так ты есть мой племянничек. Скажи, куда ты идешь, и для тебя я все сделаю.

— Вот, тетушка, куда я иду. Иду я в тридевятое государство к прекрасной царевне за живой водой и за мертвой, за молодильными яблоками и манежными ягодами.

— Ох, ты, племянник мой, туда хоть есть много ходцей, да мало выходящей. Ну, уж ладно, побудь у меня сутки, я подумаю.

Вот он побыл у тетушки сутки, тетушка и говорит ему: — Вот, Ванюша, сейчас мало я тебе помогу. Мы уж от царевны приставлены сторожа, чтобы ворон не пролягивал и молодец не проскакивал. Да, а мне уж тебя придется пропустить, потому что ты есть мой племянничек, скрыть от царевны.

Теперь она ему еще и говорит:

— Ну, Ванюша, теперь ты свою лошадь здесь оставь, а я тебе свою дам, потому что на ней ты не проедешь. А потому даю, чтобы узнала моя сестра, а та в два раза хуже меня. А я в то время твою лошадь откормлю. А моя лошадь дорогу знает.

Тогда он сел на лошадь, простился с бабушкой и поехал. Ну, скоро ему дорога показалась. Вот уже и видит — стоит избушка, подъезжает к избушке, выбегает старуха, очень злая, и говорит:

— Эй, слуги, берите эту лошадь, ведите к нашим. Если понюхается — то родня, если полягается — то не наша.

Сейчас слез он с лошади, повели к ейным лошадям. Слуги приходят:

— Бабушка, понюхались.

— Ну, ладно, заходи в избу, верно, племянничек.

Сейчас Ванюша заходит в избу, старушка накрыла стол, накормила, напоила, водочкой угостила, баню истопила, выпарила, уложила его в кровать. Сама взяла табуретку, села с ним рядом и стала выспрашивать вѣсти:

— Куда, племянничек, идешь и путь-дорогу держишь?

Ванюша отвечает:

— Тетушка, знаешь что? Иду к прекрасной царевне за живой водой и за мертвой, за молодильными яблоками и за манежными ягодами, потому что они мне очень нужны.

Она и говорит ему:

— Ну, ладно, сынок, обживи сутки, я подумаю, а потом тебе и скажу.

Вот он обжил сутки, она и говорит:

— Ну, сынок, я тебе ничо больше помочь не могу, поезжай к третьей сестре; даю тебе коня, она там тебе и скажет.

Вот он оставил того коня, бабушкина, у нее, а на сменном поехал вперед, простился с бабушкой.

И в скоро время он приезжает к третьей тетушке. Как только подъехал к избе, выскакивает старуха из избы и говорит:

— Ну, слуги, ведите эту лошадь к нашей. Как только полагается — не родня, понюхается — родня.

А он стоит на одном месте. Вот слуги прибегают:

— Бабушка, лошадь понюхалась.

— Заводите ее в конюшню, дайте ей пшеницу, а ты, племянничек, заходи в избу.

Так же тетушка забегала, накрыла стол, напоила, накормила и в то же время баню истопила, выпарила и в кровать уложила. Сама села на стул.

— Ну, скажи, племянничек, куда путь держишь?

— Так вот, тетушка, куда я иду. Может, ты, конечно, и знаешь, такое государство. Иду я к прекрасной царевне, достать мне нужно живой и мертвой воды, молодых яблоч, манежных ягод.

— Ты знаешь, племянничек, много туда есть ходцев, но мало оттуль выходцев. Ты знаешь — я из сестер есть старшая, то много на мне ответственности, я не должна никого пропускать. Мимо меня ворон не пролятывал, молодец не проскакивал. Ну, уж не знай, как ты, племянничек, случайно ко мне попал.

— Ну, уж что же сделать, тетушка, при беде — не свой разум. Можь — помоги.

— Ну, уж ладно, племянник, для тебя все меры прямую, может, помогу.

Сейчас старуха садится за стол и пишет письмо брату (*еще там брат на дороге живет, дела у них есть тут*)
Когда она составила это письмо:

— Ну, вот, сынок, теперь поди, он живет от меня недалеко.

Он берет в руки письмо, она и говорит:

— погоди, сынок, я еще тебе скажу, а потом и пойдешь.

Вот она и говорит:

— Вот что, сынок, вот немного подойдешь и смотри, увидишь двухэтажный дом, и будет лежать старик у стены, два раза загнулся, большой он был. Становись на колени. Когда станешь на колени, положи письмо на голову и ползи к нему рядом, а из рук не подавай, а то он тебя сгубнет.

Вот немного подошел и увидал двухэтажный дом. Посмотрел по-настоящему и увидал лежащего старика, который был три раза кругом избы загнувшись. Старик посмотрел на него, когда он полз на коленях и поднял голову кверху.

Когда он поднял голову кверху, то увидал лежащее письмо на голове и взял его в руки. Потом он стал на ноги и говорит:

— Ну, племянник, смотри, сукин сын, провожу я тебя к царевне, только не сказывай, на чем я тебя провожу.

И приказал идти в дом.

Завел он его в дом, приводит к столу, накрыл скатертьку-хлебосолку, на столе столько еды образовалось, что нужно ему, все было на свете. Накормил, напоил и говорит ему:

— Ну, племян, знаешь что: вот только у нас есть две скатеретки, одна у меня, другая у царевны, и больше нет ни у кого.

Теперь говорит:

— Ну, ладно, племянник.

Сейчас приносит ему петуха.

— Садись на этого петуха, он тебя снесет и обратно принесет. Я знаю, зачем ты идешь. Теперь как раз у нее есть мертвый час, она спит. Приехала с гулянки, со своими слугами. Но смотри, проказник, если там что плохое сделаешь, то отгуль целый не прилетишь, она тебя схватит. Ты знаешь, у ней терем стоит по поднебесью, через засаду птица не пролывает, богатырь не проскакивает, так что трудно туда попасть, и у ней кругом проведены струны, и туда ты пролетишь спокойно, ну, если там что напроказишь, то оттуда не пролетишь, петух тебя не пронесет, заденешь каблучком о стену, а уж тогда берегись.

Потом он сел на петуха и сказал:

— Ну, дедушко, благодарю. Теперь поеду.

И скрылся. Вот он летит на петухе. Издалека увидал он высокий терем. И кругом стоит каменная ограда по поднебесью. Подлетает он к ограде, петух ему и заговорил: — Ну, держись, Ванюша.

Петух перелетел через стенку и опустил его в сад. Он спустился с петуха. Когда спустился с петуха, сейчас набрал манежных ягод и молодильных яблок. Петух ему сказал:

— Переходи.

Он пошел. Приходит к колодцам, петух говорит ему: — Вот тут жива вода и мертва. Бери, сколько хочешь, и попей сначала сам, только не через меру.

Выпил он немного. Набрал пузырьки, петух и говорит ему:

— Ну, хочешь смотреть царевну, то иди, а я тебя подожду.

Вот он пошел ставать в светлицу. Когда встал в светлицу, то увидал — лежит их штук двенадцать и все были нагие. Сама царевна была в середине, она была такая красавица, что уж лучше не было на свете. Ну, конечно, когда Ванюша увидал такую редкость, весь с лица переменялся. «Ну, хоть уж что ни будет, а так не уйду отсюда».

Она была сонна, конечно.

И вот после всего этого собрался оттуда скоренько прочь и угадал как раз в ихну столовую. Когда он зашел в столовую, то увидал там скатерётку-хлебосолку. Он скорей ее завернул и сам к петуху приходит. Петух и говорит ему:

— Но, Ванюша, много ты там, наверно, спроказил; если спроказил, то не пролететь нам будет.

Вот петух полетел. Раз петух поднялся — не мог перелезть через. И второй поднялся — не мог перелететь через, и говорит петух Ванюше:

— Ну, Ванюша, если и в третий раз мы не перелезем, то жизнь наша скоро кончится. Скоро пробудится царевна.

Потом петух последние силы приложил, что у него было, и в конце концов перелетел через стенку, только Ванюшин каблук задел за стенку. В это время там сейчас струны запели, колокола загремели, царевна пробудилась и сразу почувствовала: кто-то был у ней.

— Э, слуги, ведите мне скорее кобылу семиногоу, семиверстну, чтобы на семь верст бежала, на восьмую подпихивала — все равно я его поймаю.

Только она стронулась с места, а Ванюша был уже у дедушка. Дедушко посмотрел на него и говорит:

— Ну, проказник, не утерпел, напроказил. Теперь лети скорее на петухе до сестры, а там возьми у ней коня, а петуха оставишь, я буду царевну задерживать.

И сам поднялся на ноги посмотреть, как царевна поедет. Вот старик смотрит — летит царевна на кобыле и закричала:

— Ишь ты, старый бес, как ты пропустил ко мне такого сокола, какой-то был у меня невежа, коня пойм, а колодца не закрыл!

— Да, племянница, сорок лет на ноги не ставал, а сегодня стал. Летела птица-жар по поднёбесью и хвалилась, что царь-девица брюхо нажила, а у меня нехватила до него рука, каких-ни одного аршина: пролетел, что молния.

В это время Иванушко был уж у бабушки, оставляет петуха и сам потек дальше. Только бабушка спросила:

— Что ты, сынок, напроказил?

А он ей:

— Некогда, бабушка, говорить.

Теперь уже царевна прилетает к тетке и заорала:

— Ишь ты, старая ведьма, кого пропустила. Сожгу тебя!

Она и отвечает:

— Милая моя племянница. Ты не веришь, как я за ним гналась; пойдём, посмотри моего коня, стоит весь в пене. Так за ним гонялась. Но где же было догнать, как он летел по поднёбесью.

Она на этом успокоилась. Когда увидала коня, и говорит:

— Ну, давайте пить, потом полечу, и, все равно, поймаю прохвоста!

Старуха выхватила чашу у слуг и говорит:

— Никому не поверю — сама царице поднесу.

И медленно несёт, знает, что пускай племянник тем временем уедет дальше. Царевна напилась и полетела. А в это время Иван поехал от второй тетушки к третьей, так скоро, что она и не успела у него ничего спросить. Конечно, он взял сменную у ней лошадь. Вот и царь-девица прилетает теперь ко второй тетушке и закричала: — Эх, старая ведьма, кто проехал, сказывай, а то жива не будешь!

И всяко разно говорит, страшает.

— Милая моя племянница, ты не видала и не знаешь, как я гналась за ним. Давай, пройдем ко мне на конюшню, посмотришь моего коня, как его загнала.

Конь-то уж нагнан порядком. Побежала в конюшню, смотрит — конь весь в мыле стоит.

— Ну, уж ладно, бабушка, вижу, как он летел.

— Да уж то вижу по поднебесью жар-птицу, куда же мне за ним? Я, вишь, старалась.

— Вижу, вижу, ладно, бабка, погоди, все равно поймаю, а уж постараюсь. Ну, тёта, дай скорей напиток, не могу терпеть, лететь надо.

Зачерпнула старуха воды и тихонечко подает, чтобы пролетел племянник дальше. А в это время Ванюша уже поехал от третьей тетушки, взял своего коня, а она тронулась от второй.

Вот в скорое время она уж прилетает к третьей тетке и закричала:

— Эх, ты, старая плутовка, наверное ты уж знаешь, кто сейчас проехал, сказывай, а то добра не будет!

— Милая моя племянница, ты не видишь, как я за ним гналась, сходим, посмотрим моего коня на конюшне и взглянь мне в глаза.

Пришла, посмотрела:

— Ну, бабушка, вижу.

— Теперь взгляни мне в глаза: видишь, я уж на двенадцать лет поседела, как за ним гналась. Ну, вишь теперь, как я за ним гналась?

— Вижу, вижу, тетушка (*всяк по-своему надо обманывать*). Ну, тёта, теперь напои меня скорее, все равно догоню его теперь, никому не поверю.

Старуха берет чашку с водой и медленно, медленно подает царю, чтоб Ванюша успел дальше проехать. И тронулась с места за Ванюшей в погоню. Так не очень далеко гналась, как уж издали стала видеть, что едет какой-то наездник впереди ее. А Ванюша своего коня уж сильно напирает, что уж сколько есть мочи у коня, во весь упор летит. И закричала издалека:

— Э-эх, сукин сын, хотел от меня удрать, теперь я тебя поймаю, не уйдешь от меня жив!

Не успела царица схватить на своей границе, как Ванюша успел перескочить на свою границу, она и закричала:

— Стой, Иванушко, погоди, не оставляй меня здесь, ты знаешь, — вскричала она, — Ванюша, с чем меня оставил. Ну, все равно разыщу, хоть через пять лет, где бы ты ни был.

С темá словами вернулась обратно.

Скоро Ванюша прискакал на то место, где остались его братья. Ну, уж на том месте братьев его не было. Ванюша ждал, ждал и раскинул скатерётку-хлебосолку и стал обедать. Пообедал, и ударил его сон. Даже не убрал скатерётки-хлебосолки и заснул с такой большой дороги.

Вот не в долгом времени приехали братья. Видят — Ванюша приехал, стоит его конь. Когда пришли братья к Ванюше, то видят — Ванюша спит, перед ним стоит скатерётка-хлебосолка. Братья с радостью уселись и поели, и говорят:

— Такого обеда мы еще и у батюшка не видали. Вот так Ванюша, что он нашел на белом свете.

И тут же в узелке лежит завязана живá вода и мертва, молодильны яблочки и манежны ягоды.

Братья все это высмотрели и стали промежду собой говорить:

— Вот что, Вася, — говорит средний брат Федька, — вот слушай теперь, что получил Иван. Ему царство и к тому же скатерётку-хлебосолку, а нам ничего теперь. Что же: он встанет и все расскажет отцу, когда поедет, а мы ничего теперь.

Теперь и говорит старший брат Василий:

— А вот что, брат, разбудим-ко мы его теперь. А ты видел — там пропасть большая, и скажем ему, будто провалилась у отца казна в ту пропасть, и поведем его. Теперь он нам поверит. Когда его приведем к этой пропасти, он нагнется, будет смотреть, а в это время мы его туда подтолкнем, он у нас и улетит. И потом это все нам останется, одному будет скатерётка-хлебосолка, а другому царство, так мы и поделим.

На том они и порешили. Потом в ту же минуту стали будить брата:

— Э, брат Ванюша, вставай, долго спать будешь? Уж ты давно, наверно, спишь.

Когда брат скинул глаза, то видит своих братьев и говорит:

— Здравствуйте, братья.

— Здравствуй, здравствуй, Ванюша. Ну, расскажи-ка, как ты ездил?

Он им отвечает:

— Ну, я расскажу немного, а остальное буду рассказывать дома. Хоть я много беды принял, ну, жив остался.

Больше им ничего не сказал.

— И весь заказ батюшков я выполнил.

— Да, брат, верно. А вот у нас у батюшка случилось теперь несчастье: провалилась вся казна в землю. Осталась только дыра одна. Хочешь посмотреть, то мы тебе покажем.

Он и говорит:

— Ну, так что же, пойдём, посмотрим.

И вместе все трое отправились смотреть эту пропасть. Когда они пришли к этой пропасти, то и сказали:

— Вот, брат, смотри, вот где дыра-то.

Брат нагнулся во всю спину, хотел было посмотреть, братья под ежали, его толкнули, и он полетел в пропасть вниз головой.

Когда он полетел вниз головой, и сам себя уж не помнит, куда он летит и каким путем. Ну, все-таки на его счастье случилось такое дело: подхватил его голубь и голубица, чтобы он не упал на землю и не ушибся. Вот спокойно спустился на землю, и пошел уж он теперь по тому свету, которое было подземное государство. Приходит он в государство на край города и просится к одной старушке пожить. И старушка его пустила. Вишь, он когда пришел к бабушке, стал проситься на квартиру, она его пустила и говорит:

— Кто ты есть и откуда?

— Бабушка, я есть выходец с того свету.

Это он ей так ответил. Когда пришел он в государство, и смотрит, что ихнее государство очень печально и стоит под черным трауром. И стал спрашивать бабушку:

— Что же, бабушка, у вас, о чем же ваше государство тужит, как стоит под черным трауром, объясни мне, пожалуйста, в чем тут дело?

Бабушка говорит ему на ответ:

— Ой ты, дитяtko, как бы ты знал, что у нас только в городе творится.

— А что же, бабушка?

— Да ведь как, дитяtko, у нас теперича такое дело, что уж три года, как выстает змей из озера и пожирает

всех, и уж теперича пришла очередь царской дочери выехать. И царь просит кого-нибудь, ну, кто бы ее только спас, а за это дает ему полцарства, и потом женит на ней, и впоследствии поставит его на царство.

— Что же, бабушка, да уж, однако, если бы удалось, так я бы поехал, все равно.

Бабушка ничего не говорит ему и побежала скорее к царю.

Приходит.

— Здравствуйте, ваше величество, я к вам прибежала за таким делом, может, вы этим делом нуждаетесь.

— Ну, в чем же дело, бабушка, может, и нуждаюсь, скажи только, не ври.

Бабушка из лица переменялась,

— Ваше величество, да ведь нельзя врать, я сюда с толку прибежала, ваше величество, и объясню, что вам надо.

— Ну, расскажи, бабушка, в чем же дело?

— Вот, ваше величество, ко мне пришел человек, выходец с того света, он у меня на квартире живет, и сказал: «Ну, уж пришлось бы мне поехать, я бы убил этого змея».

Обрадованный царь ей сказал:

— Ну, спасибо, бабушка, — сейчас же приказал звать этого человека к себе.

Старушка пошла домой. Вдруг приезжает царский посол к дому и заходит в дом. Пришел он в дом и спрашивает:

— Вы будете выходец с того свету?

— Я.

— Ну, вас царь спрашивает. Пожалуйста, пойдите со мной.

И он оделся, пошел вместе. Приехали они к царю.

Когда он заявился к царю, увидал царя, то сразу же поздоровался и спросил:

— Здравствуйте, ваше величество. Ну, в чем дело, и зачем я вам нужен?

Он ответил:

— Здравствуйте, выходец с того свету. Ну, что же, можешь ты справиться то, в чем я тебя требовал?

И говорит Иванушко ему на ответ:

— Да, ваше величество, если был бы конь такой, на котором поехать можно, то я бы, пожалуй, поехал, спас вашу дочку. А вот что, ваше величество, я у вас спрошу. А за спасенье вашей дочки что мне за это будет, если я ее спасу?

— Вот что, слушай, выходец с того свету, я твоего имени-отчества не знаю, ну, спрашиваю; если только ты убьешь противника, этого змея, который пожирает людей три года, то я тебе дам дочку замуж и полцарства, а впоследствии поставлю царем на царство, ничего не пожелаю, только сделай такую милость.

Тогда Иван сказал так:

— Ну, ладно, ваше величество, отведите в ту конюшню, в которой есть конь, на котором можно будет ехать.

Царь немного подумал:

— Слушай, выходец с того свету, у нас есть конь, который уже двадцать лет не видал свету, его стерегёт конюх, он никого не подпускает, и на нем никто не ездит. Когда придешь в конюшню этого коня, то написаны есть буквы не по-нашему, может быть вы, выходец с того свету, прочитаете и узнаете, что там написано?

Иван с темá словами вышел из дворца; повели его к этой конюшне. Когда он пришел к этой конюшне, первую дверь открыл, на вторую посмотрел, прочитал надпись: «Этот конь стоит двадцать лет, на нем никто не ездит, нет по нему такого хозяина, кто может ездить. Прежде всего, как на этом коне надо поехать, то зайти в третью дверь, подойти к яслям и там под яслями оторвать одну половничину. Под этой половничинной пропустить руку, там есть две бутылочки: одна с красным, другая с белым. Из одной бутылочки выпить рюмочку, а из другой выпить две. Тогда почувствуешь в себе силу такую, что можешь на этом коне ехать».

Вот это все Иван узнал и сейчас заходит во вторую конюшню, вынимает половничину и достает две бутылочки, и тут же под этой половничинной есть меч-кладенец, острое копье и палица боева́, и латы богатырские. Вот он это все и сделал. Выпил из одной бутылочки рюмочку, из другой — две и достал меч-кладенец, вострое копье, палицу боеву́ и латы богатырские, и оделся. Когда он оделся, почувствовал в себе силу уже необыкновенную, то сказал конюху:

— Ну, выведи теперь коня, отмыкай все замки теперь.

Конюх не успел открыть шесть замков, ну, конь уже почувствовал своего хозяина, порвал цепи, пробил все двери, шесть, и выскочил на волю. И стал перед ним, как вбоявшийся. Он ударил его по крутым бедрам — конь

стоит, как вкопанный. Обседлал его, обуздал его, вскочил и поехал к морю, где выставлял змей.

Когда он приехал к морю, то уж царевна была привезена к морю для того, что мало ли какой случай может быть, чтобы чудовище не пришел в город требовать людей. Приехал и сидит на лошади, а царевна в карете и не выходит из нее, только плачет.

«Вот, — думает, — теперь я приехала на смерть».

Он смотрит. Раз вода поднялась, второй поднялась и третий поднялась, на четвертый раз вылезает из моря змей. Вылез и говорит:

— Вот уж какой царь милостивый, мне послал обед с закуской, какого-то еще послал выходца с того свету, таким я еще редко обедал. Спасибо ему.

— Напрасно, друг, рано хвалишься; не загачивай, а успевай выволачивать. Ну, хотя хорош пирог едучи, да смотри — подавишься, и видишь конфетку сладку перед собой, но скушать не умеешь.

Говорит Иван змею это на ответ дальше:

— Ну, так что же спорить с тобой, давай выедем?

— Давайте.

И вот выехали они на ровную площадь. Царевна смотрела и все плакала. Вот разъехались они и съехались, Иван-царевич отрубил у него две головы. Поехали второй. Когда съехались второй раз, то он ударил ему последнюю голову копьём и разрубил его на мелкие части, чтобы у него не осталось ничего. И сам прискакал к царевне и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, вы теперь спасены.

Она посмотрела на него и бросилась ему на шею.

— Милый мой выходец с того свету, я твоя, куда хошь, туда со мной и девайся.

Он ей сказал:

— Успокойся, дорогая, поезжай теперь домой, а я еще подожду сутки, не вылезет ли второй, я с ним расправлюсь, а ты больше не приезжай.

Да, когда он убил змея, прискакал к царевне, то спросил у нее:

— Что у батюшка есть на свете милее, скажи мне, прекрасная царевна? Как мне попасть на Русь?

Она ему и говорит:

— Слушай, выходец с того свету, попасть на Русь тебе легко.

Есть у батюшка трубочка, свистнешь в нее, выскочат три молодца, они тебя пронесут, куда надо, и сделают, что только ты захочешь.

Вот Иван остался ждать, а царевна поехала домой. Когда она приехала домой, увидал ее отец, выбежал к ней в объятия.

— Ну, как, дочка, спасёна?

— Спасёна. Ну, выходец остался там, ждать еще сутки, а мне велел ехать домой, сказал: «Больше приезжать тебе сюда уже не надо».

Обрадованный царь сказал дочке:

— Ну, дочка, ты теперь спасёна, и тебе на счастье бог послал выходца с того свету, значит, тебе не судьба. Будем теперь его ждать, пока он не вернется.

Иван обождал сутки, нет никого, все смирно, спокойно и тихо. Вернул лошадь и поехал в царство. Приезжает в царство, отпустил лошадь в ту конюшню, в которой она была, и сказал:

— Ну, спасибо, товарищ, стой в конюшне, пока не понадобится мне.

Лошадь вернула хвостом, подкривила голову и спокойно отправилась в конюшню, и увел ее конюх, который ее только хранил. А сам Иван снял латы богатырские, положил на старое место и пошел во дворец.

Когда он пришел во дворец, то царь очень был обрадован, посадил его на свое место, где всегда сам он сидел.

Вот и говорит:

— Нареченный мой зять. Ну, выбирай любое: бери мою дочку, хошь полцарства, еще что хошь — все тебе отдам.

— Ваше величество, мне не надо твоего полцарства, и не надо твоей дочери, отдай мне трубочку, что у тебя хранится, мне она очень нужна, чтобы мне попасть на Русь.

Царь заговорил:

— Ладно, уж пусть и так, отдам тебе трубочку, но только я тебя и так могу представить на Русь. Я тебе дам петуха, который тебя вынесет на Русь.

Получил от него он эту трубочку и говорит:

— Ну, теперь я успокоился, значит, попаду на Русь. Знаешь, ваше величество, я взял для чего трубочку? Чтобы мне скорее попасть на Русь, а может, там уж нет моих родных, или царство наше сдано, тогда я обратно вернусь сюда, можно будет?

Царь отвечает:

— Почему не можно? Можно, всегда приезжай. И вот ты этой трубочки не используй, а я тебе дам петуха, на котором ты вылетишь.

Сейчас царь приказал прилететь петуху. Петух прилетел. Иван попрощался с царем, а также с царевной.

— Ну, может быть, увидимся, жди меня невдолгих.

И с темá словами сел на петуха и поехал. Ну, долго петух его тащил, наконец, выдвинул его на кромочку, с которой он упал. И этот волшебный петух, когда он слез, ему и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, если я тебе нужен, то возьми меня с собой, я тебе, может, еще и погожусь.

Теперь отвечает Иван ему:

— Слушай, петя, сейчас ты мне не нужен, ну, может быть, когда ты мне и понадобится.

Тогда сказал петух:

— Ну, ладно, Ваня, когда я тебе буду нужен, то вспомни меня, и я прилечу.

Он ответил:

— Ну, ладно.

И сам пошел дорогой, но платье у него, как у выходца из того свету, было уже другое, и было написано на спине: «Выходец с того свету».

Невдолгих он приходит в царство, а уж ему царство было знакомое, так что он добрался до своего царства. Приходит он в царство и увидал одного прохожего:

— Скажи, милый человек, что в царстве хорошего есть, объясни мне.

Отвечает прохожий, когда он прочитал его надпись:

— Да, выходец с того свету, в царстве начинается сейчас веселье: царь сдает престол старшему сыну Василию, начинается пир, уже ведется.

— Так вот мне скажи, добрый человек, спускают всех на пир или нет?

— Спускают, всех спускают, кто бы лишь ни был.

— Так, ну, ладно.

Он пошел дальше. Вот он заходит в царские палаты и заходит на пир. Садится, конечно, на нижнюю скамью и сидит себе спокойно. Там обносят вином всех гостей, никого не обделяют. И вот обнесли всех, доходит до него уже очередь, подносят ему. Он выпил чару, и опять

сидит спокойно. Тогда выходит царь со своего места и говорит:

— Вот что, господа, товарищи, я бы попросил кого из публики, чтобы кто-нибудь рассказал какой рассказ, потешили меня, старика, я уж больно заинтересован рассказом.

Тогда Иван немного подумал и говорит:

— Ну, ладно, ваше величество, если вам будет нужно, то я вам расскажу очень интересный рассказ, который до вас касается.

Тогда царь встал со своего места, подошел:

— А-а, ты — выходец с того свету; ну, говори.

Он не узнал своего сына, конечно.

— Да, ваше величество, я вам буду говорить, ну, только слушайте внимательно. Ну, если только кто поперечит из публики, то за первый раз я беру сто рублей штрафа.

Царь ему сказал:

— Ну, выходец с того свету, хошь двести, только говори, уж я не пожалею, только говори, уж больно я интересуюсь.

— За первый раз — сто рублей, за второй — двести и так дальше пойдет сотню надбавлять, а то говорить не буду. Ну, для вас, ваше величество, очень будет интересно.

Вот он начинает:

— Ну, ваше величество, слушайте, я буду говорить. Не в котором царстве, не в котором государстве, ну, может быть, в том, в котором мы живем, был-жил царь; у царя было три сына: первому имя было Василий, второму Федор, а третьему Иван. И вот этому царю захотелось помолодиться. Нужно было достать живой воды и мертвой, молодильных яблочек и манежных ягод. И вот он сказал старшему сыну Василью: «Вот, сынок, исполни эту мою заповедь: если съездишь в тридевятое царство, в тридесятое государство, привезешь мне-ка живую воду и мертвую, молодильных яблочек и манежных ягод, я тебя наделю, отдам полцарства и поставлю потом царем». Теперь этот старший сын Василий согласился ехать, отыскали ему лошадь, и он уехал. Уехал, нет его полгода уже, отец спечаловался, нет сына. Он говорит второму сыну: «Ну, так что же, может, Федор, вы пожелаете?» Не отказался, поехал второй. Когда поехал второй, то уж прошел год, никого нет, неизвестно, куда они уехали.

А царь это все слушает. Тогда заговорил старший брат Василий:

— Брось, батюшко, пустые разговоры слушать, это все говорит выходец с того свету, может, он и врет.

Это Василий не стерпел, заговорил, конечно, может, он и не узнал его, но все-таки не стерпел.

— Ну, коли я вру, то, значит, ваше величество, я сказывать больше не буду — платите мне-ка штраф.

Тогда царь говорит старшему сыну Василью:

— Ну, вот что, сынок, плати ему деньги, а ты, дружок, говори, что дальше будет; я уж больно стал интересоваться твоим рассказом.

И он получил деньги, продолжать стал дальше:

— Ну, тогда так, буду дальше говорить. Тогда у него остался третий сын Иван и говорит: «Ну, батюшко, и вы, маменька, благословите, и я поеду, исполню все твои задачи, что ты велел братьям». Отец говорит: «Нет, сынок, я тебя не отпущу, два у меня сына уехали, один ты у меня остался. Некому впоследствии царством править будет». А мать заговорить не дала. Ну, он не смотрел ни на что и боле стал просить: «Батюшко, благослови, и вы, маменька, хоть не благословите — все равно поеду». Мать залилась слезами, стала плакать, а он стал просить отца. Наконец, обои вместе благословили его, и он стал собираться.

Тогда не стерпел Фёдор — второй брат:

— Бросьте, батюшко, каждое вранье слушать. Ведь все это пустое он говорит!

— Ну, коли я пустое говорю, то я сказывать, ваше величество, не буду, уплатите мне двести рублей, а я даром языком болтать не стану.

Царь приказал платить деньги, и он начал говорить дальше:

— Ну, ладно, тогда слушайте, ваше величество, я еще вам скажу. Тогда меньшой брат Иван пошел на ковышню, сам отыскал себе коня, распротился с отцом-матерью и поехал в путь. Долго он ехал, приезжает к расстаням, и на расстанях стоит столб, и отделяются три дороги: в одну ехать — богатому быть, во вторую ехать — женатому быть, в третью ехать — убитому быть. Он стал думать, в какую из них ехать. «Интересно, куда братья уехали? Давай — поеду, где женатому быть». И поехал.

Не стерпел старший брат:

— Брось, батюшко, слушать, ведь это все враки, какой-то к тебе пришел выходец с того свету, а ты слушаешь его!
— Вот что, сынки, вы не хотите слушать, то платите штрафы, а ты, выходец, говори дальше, меня очень интересует этот рассказ, чем он кончится.

Да, уплатили ему деньги, и он начинает говорить вперед:
— Иван уехал в ту дорогу, где женатому быть, подъезжает на площадь: два шатра стоят, смотрит. «На-ко, братьевы кони, наши, царские». Приезжает ко крыльцу. Вдруг выбегают девица и молодца. «Молодец, молодец, не убирай лошадь, мы уберем, иди в комнату». — «Дело не ваше, я хозяин лошади, я и уберу». Взял лошадь, отвел на то место, где братьевы, насыпал им шеницы и пошел в шатер. Заходит в шатер, прибегают молодца и говорит: «Молодец, молодец, садись за стол есть, ешь — не наедайся, пей — не напивайся, с молодой спать собирайся и досуха ложки не вытирай». Он отвечает ей: «У нас так: помрут — не плачут, пьют — не потчуют, сколько хочу, столько и поем. А дело мое — утру или нет ложку». Попил, поел, приходит молодца, берет его за руку и уводит к кровати. Вот она и говорит: «Ну, ложись теперь к стене, а я поважусь на край». — «Нет, у нас, на Руси, спят мужчины всегда на краю, а женщины у стенки». И заспорили. Берет он ее на руки и закинул на кровать к стенке, сам лег на край. И оба лежат молча. Иван все смотрел, когда лежал, что такое есть эта кровать, и рассмотрел, что тут есть рычаг, который раздвигает кровать. Немного подумал Иван, схватил этот рычаг, как раздернет, кровать раздвоилась, и она полетела в погреб. Когда она упала в погреб, то увидели озлобленные, ну, в общем, женихи, то кряду ее взяли и растерзали на мелкие части. Иван соскочил с кровати, пришел к девице и говорит: «Сказывай сейчас же, где ключи от погреба, а то застрелю».

Не стерпел опять же Василий:

— Брось ты, батюшко, слушать. Ведь это он тебе про- скажет несколько суток, и ты все будешь слушать, а у нас гости заняты другим весельем, а ты все будешь слушать какого-то враля.

— Ну, коли я, ваше величество, вру, то я рассказывать больше не буду, платите четыреста рублей.

Царь приказал сыну платить деньги и говорит:

— Ну, выходи с того свету, рассказывай дальше, уж больно твой рассказ стал затрагивать, дальше, и хочу все до конца услышать.

Иван получил деньги и начинает вперед рассказывать:

— Да, когда Иван подходит к этой девице, она говорит: «Ну, ладно, уж только не стреляй, а я тебе отдам». Он берет ключи, подходит к темнице и стал всех выпускать, а он стоял у дверей. И начали женихи выходить по два, по три и по десятку и как бы скорей только выйти. Наконец, он смотрит — вышли егонные два брата. «О, о, братья, и вы здесь женитесь?» — «Да, да, брат, и ты сюда попал?» — «Да, попал». Поблагодарили его товарищи и все пошли к шатрам, и он с братьями тоже пошел к коням, где стояли ихние кони. Взяли коней, оседлали, обуздали и приезжают опять же к шатру, где сидела эта девица. Вот он сказал братьям: «Братья, я сбегая сейчас к шатру, а вы дожидаете меня здесь». Вскочил, пошел в комнату. Выходит, наставил ей пистолет и говорит: «Отдай ключи от погреба порохового, а то сейчас застрелю». Она подает ему ключи. Получил ключи, пошел к братьям. «Давайте, ребята, поедем». Приезжают, где стояли погреба с порохом. Соскочил Иван с лошади, открыл погреб. «Слезайте, набирайте пороху полные карманы». И он тоже стал с ним набирать. Заскочили на коней, и он сказал: «Ну, братья, начинайте порох высыпать». И он оставил погреб полый. И вот стали сыпать, пока у них хватило пороху. Наконец, Иван сказал: «Подождите немного, я слезу». Слез и зажег спичку, порох вспыхнул. Добрался порох до этого погреба и все кряду это спалило, рухнулось и полетело на воздух, а братья поехали вперед. Приехали они на ту же дорогу, где эти расстания разделялись на три части, он и говорит братьям: «Ну, вот, братья, кто желает ехать туда, где богатому быть?» Братья отказались. «Мы не поедем. Хошь — поезжай». Вот Иван кряду сел на лошадь и поехал. Приезжает, видит — три магазина стоят. Слез с лошади и пошел посмотреть, что за магазины. Посмотрел — первый пустой, другой стоит с грязью, а третий был с навозом. И сел на лошадь, отправился к братьям. Приехал к братьям, стер обе надписи, что это все пустое. Дальше говорит братьям: «Ну, кто желает, братья, в ту дорогу ехать, где быть убитому?» Братья категорически

отказались: «Хоть — поезжай на явную смерть, ну, мы не желаем, еще жить хотим, лучше ехать домой». Потом сказал Иван: «Нет, братья, уж я не сделаю того, чтобы не исполнить отцовской заповеди; смерть, так смерть, — и все привезу, что он заказывал».

Потом заговорил старший брат опять Василий:

— Брось ты, батюшко, слушать, вот уж теперь-то он начал врать, так врать, а ты все слушаешь.

Заговорил отец:

— Плати деньги, шестьсот рублей. И ты, проходимец, говори дальше.

Более стало отца затрагивать. Получил он деньги и видит — его мать уплакавши. Пришла, села рядом и говорит:

— Ну, проходимец, говори, говори, а я буду слушать.

Посмотрел он на свою мать, едва мог удержаться без слез, дальше стал рассказывать:

— Так, тогда попрощался он с братьями и сказал: «Ну, дожидайте меня на этом месте до трех лет, а уж там поезжайте домой, значит, нет меня живого». И поехал, конечно; он уехал. Трудно, трудно было Ивану-царевичу, был при гибели несколько раз, но счастье все-таки не оставило. И съездил он в тридешатое государство и достал воду живую и мертвую, молодильные яблоки и манежные ягоды и обратно оттуда вернулся. Приехал на то же место, где братья обещались его ждать. Но братьев не было. Ну, он с такой с дальней дороги измучился, конечно, ему захотелось спать. У него была с собой кряду скатерётка-хлебосолка, открыл ее, поел и оставил так открытую в том же месте, где зачал спать. Вдруг приходят эти братья и смотрят — этого брата спящего, и перед ним открыта скатерётка-хлебосолка. С радости они сели, поели и сказали: «Мы таких обедов еще не видали в своем царстве. Вот так Ванюша, все он сделал, достал живую воду и мертвую, молодильных яблок и манежных ягод...»

Тогда не стерпел опять старший брат:

— Брось, батюшко, теперь уж он совсем заврался, все врет назло. И, мама, ты видишь, как он врет?

Мать и отец обое стали просить его:

— Ты, проходимец, давай говорить дальше, а вы, братья, давайте деньги восемьсот рублей, который хоть откуль берешь, — платите.

А он получил деньги и дальше стал рассказывать. Мать все сидела, слушала, утирала слезы, а он все вперед рассказывал:

— Братья поели, попили и говорят: «Вот он все получит, все достал, и получит полцарства, а по окончании нашего отца и все, а нам ничего не будет, мы как проехали три года, нам ничего не будет. Ты как думаешь, брат?» — «А вот я что думаю, брат. А ведь мы с тобой шли недавно, там была пропасть, так разбудим его, скажем, что у отца случилось несчастье, провалилась его казна с деньгами. Когда он с нами пойдет, наклонится во всю спину, то мы его толкнем туда, он полетит, а мы с тобой поделим это богатство и поедем домой». — «Вставай, брат, уж ты довольно спал». Брат скинул глаза и говорит: «Здравствуйте, братья». — «Здравствуй, здравствуй, братец. Ну-ко, расскажи, как ты вернулся обратно?» — «Теперь мне рассказывать очень будет долго, а мы с вами дома поговорим. Теперь лучше ехать, мы и так запоздали, уж три года, как в дороге. Я все достал, все, что было нужно для батюшка, исполнил его приказанье. Теперь поедем». Тогда заговорил старший брат Василий: «А вот что, Ванюша, случилось у нашего отца несчастье: провалилась вся казна с деньгами, только сделалась одна дыра. Давай, Ваня, идемте, посмотрим, поинтересуемся над убитым отцом». Ванюша согласился. Пошли. Когда они приходят к этой пропасти, то старший брат в это время его подтолкнул, и он улетел в подземелье, в государство.

Теперь говорит старший брат, сидящий на пиру за столом:

— Ну, отец, уж теперь ты видишь, как он врет, теперь он назло врет, запрети ему, чтобы он больше не говорил.

Тогда мать, сидящая возле него, горько-горько заплакала, что случилось с сыном, но еще не знает. Отец протер глаза своим платком и говорит:

— А ты, проходимец, говори дальше. Меня очень затрагивает, и говори до конца.

Получил он деньги.

— Ну, ладно, давайте, еще скажу. Теперь он, бедняжка, полетел. Летел, летел, на счастье его, конечно, подхватили голубь и голубица, не допустили его пасть на землю. Опустили его легонько на землю, и он пошел в подземельное государство и заходит в царство. Приходит

в царство и видит — все царство под черным трауром. Заходит к одной старушке обночевать и стал спрашивать ее: «Что же, бабушка, у вас творится в царстве, очень оно печальное?» Бабушка ему и говорит: «Ой, ты, дитяtko, кабы ты знал, три года как у нас змѣй пожирает людей. И вот пришла очередь царской дочери ехать. Он ее съест. И вот царь вызывает, кто бы ее спас, за это он полцарства отдаст и дочку замуж». Потом Иван сказал бабушке: «Ну, да уж если бы был хороший конь, да позвал царь меня, то я бы убил этого змѣя и спас царевну». И старушка сейчас же смылась и убежала к царю и объяснила. Приходит к царю и говорит: «Ваше величество, я пришла объяснить: у меня пришел какой-то выходец с того свету, и он хвалится, что спасет вашу дочку, только был бы хороший конь». Когда царь выслушал бабушкин разговор, то сейчас же приказал призвать этого выходца к себе. Сейчас же послал царь одного из слуг, и тот приходит к Ивану и говорит: «Вот что, выходец с того свету: коль ты хвалишься, царь тебя просит притти». Сейчас же Иван оделся, пошли. «Здравствуйте, ваше величество». — «Здравствуйте, выходец с того свету. Ну, вот, коли ты обещаешь мою дочку спасти, то скажи — можешь или нет?» — «Ваше величество, ну, если даете хорошего коня, на котором могу ехать, то я спасу вашу дочку». — «Да, дам. У меня есть такой конь, на котором никто не может ехать, его хранит один конюх; больше никого он не допускает. А я за это тебе дам полцарства и дочку замуж». Теперь кряду же повели к конюшням. Взял он этого коня, прочитал подпись, кряду все он сделал, что было написано, оделся и поехал к морю. Когда он приехал к морю, там уже была царевна, а он, не слезая с лошади, дожидал, когда вылезет змѣй. Вот когда первый раз вода стала, второй и третий — вылез змѣй, и пошла у них битва. Иван убил этого змѣя, и вернулись обратно в царство. Когда приехал обратно Иван в царство, тогда садит царь его на свое место и говорит: «Ну, зять, что желаешь, хошь — царство, хошь — дочку мою взять, что желаешь?» — «Нет, — он сказал, — я не желаю жениться». Дальше он стал говорить: «Вот что, ваше величество, я бы желал вылететь на Русь, откуда я есть, мне больше ничего не надо от тебя». Царь на это согласился. Тогда ему сказал царь:

«Ну, об этом не беспокойся, коли ты мне сделал такое добро, то как хочешь, когда вернешься, то я тебя поставлю на царство, а на Русь я тебя доставлю». И дал ему петуха. Иван кряду сел верхом на петуха и полетел на Русь. И вылетел он на Русь и пошел в свое государство.

Тогда сказал старший брат:

— Опять ты, батюшко, докуль будешь слушать этот рассказ? Да он никогда не кончит, пусть уж он лучше замолчит!

— Ну, ладно, конца не будем говорить, уж коли не хотите слушать, а гоните деньги две тысячи рублей.

Царь приказал дать деньги и говорит:

— Ну, проходимец, говори до конца, что с этим Иваном было?

А мать все сидела, слушала, утирала глаза платком.

— Потом он пришел в это государство и зашел к вам на почестен пир и сидит тут рядом, этот с вами проходимец. Я-то и есть — ваш сын младший Иван-царевич.

Тогда мать стала со стула, начала плакать, обнимать сына своего вместе с отцом. И сказал отец:

— Гости, вы сидите, а я уйду со сыном своим несколько времени и сейчас же вернусь.

И вместе пошел со сыном своим в особую комнату, и мать с нимá же. Завели его в особую комнату, одели по-царски, и обратно зашли на пир. Вот отец и говорит: — Ну, милый мой сын. Долго ты путался в дороге. Вот даю тебе престол, садись и тебе, старшему своему сыну Василию, велю уступить престол, если только желает Иван.

Иван заговорил:

— Нет, батюшко, я не желаю. Если Василий сел, пусть сидит, а мне будет царство, какое полагается, а это я не желаю, пусть продолжается вперед.

Братья оба протянули руку, поблагодарили его за прошлое, что он не попомнил никакого зла, и стали продолжать пир вперед.

Вот кончился этот пир, поступил старший брат на престол, а Иван стал жить при царстве.

Вот прошел год, все Иван холостит, все живет и гуляет. Говорит ему отец:

— Слушай, Ваня, время тебе жениться.

— Мне еще, батя, невеста не поспела, справится — и потом и женюсь.

Ну, стыдно стало среднему брату Федору, подошел к Ивану и говорит:

— Ну, Ваня, мне охота жениться, не знаешь ли, как мне жениться?

— Ну, я тебя женю.

Вспомнил про петуха, прилетел; сел, и полетели в подземное царство. Прилетели они в подземельное государство, то сразу царь обрадел, что вернулся у него зять, хочет жениться, и устроили кряду же пир. Устроили пир, вместе же вылетели все трое напоказ к отцу, показать невесту брата.

Когда отец увидал такую редкость — обрадел, опять же устроили пир, начали веселиться. Потом обоим братья подали ему руку и говорят:

— Ну, слушай, Ванюша, много ты пострадал, тебе теперь уж жениться.

— Нет, братья, погодите немного, наготово женят.

Вдруг смотрят, идут три корабля, становятся к пристани и расстелили ковры вплоть до царского дворца. И сейчас дает с кораблей тревогу.

— Царь, отдавай виноватого. Если не отдашь, то сама приду, все дома пожгу, а тебя в полон возьму!

Сейчас он и говорит старшему сыну Василию:

— Ну, сынок, уж ты ездил, наверное напроказил. Поди, сходи.

Сейчас собрался старший сын Василий-царевич и отправился на корабль. Приходит он на корабль, то выбегают два суровых мальчика, становятся, и выходит сама королева, то есть царевна. Эти мальчики подбегают к матери и спрашивают:

— Маменька, маменька, не это ли наш папенька?

— Нет, — отвечает, — это ваш дяденька.

— Что, маменька, прикажешь с ним делать?

Она отвечает:

— А вот что, сынки, угостите.

Сейчас берут два куска рюца (*это так называется тросу, это все равно — одно и то же*), и давай его хлестать. Ну, и начесали, еле ушел с корабля.

Вот пришел дядя домой, а она еще больше тревогу дает царю. Царь и говорит второму сыну Федору:

— Ну, сынок, может, ты что сделал, сходи.

Тот оделся и отправился на корабль. Вот когда он

подходит к пристани, к кораблю, то выбегают два суровых мальчика и она сама. Они и говорят:

— Маменька, маменька, не этот ли наш папенька?

Она отвечает:

— Нет, ребятки, не этот. Этот — дяденька. Угостите так, как первого.

Они взяли также два куска ропа и начали дядю чесать. Так начесали, что дядя даже не помнил, как пошел домой.

Приходит домой, а она более еще стала бить тревогу, просит:

— Отдай добром, царь, виноватого, не посылай тех, которых не надо!

Царь приходит к младшему сыну своему Ивану и заплакал:

— Ну, сынок, наверное, ты все сделал там, твои проделки, уж делать нечего, приходится тебе итти. Уж жалко мне тебя и отправить. Ну, иди, делать нечего, надо итти.

Тогда стал Иван на ноги, попрощался с отцом, с матерью и пошел, и сказал:

— Папа, это все мое. Я походил там, и она меня зовет.

С теми словами вышел он на корабль. Дорогой зашел в трактир, напился пьян и вывалился в грязи, а после того вымарался в смолу и потом вымарался в перо, и потом таким чудачком пошел на корабль. Подходит к борту корабля, выбегают два суровых мальчика и спрашивают:

— Маменька, маменька, неужели такой чудак — наш папенька?

Она и говорит им:

— Ваш, ваш папенька. Забирайте его под-руки, ведите его спокойно на корабль, уложите его спать в каюту.

Когда завели Ивана на корабль, то в то же время сдернули сукна, повернули корабли, направились в путь. Она приходит к нему сама, его в это время переодела и умыла, он проснулся уже тогда, когда был близко у ейного царства.

Когда она приходит к нему, и говорит:

— Ишь ты, Ванюша, думал убежать от меня, нет, не уйдешь. Что ты наделал, смотри, какие у тебя два сына, когда ты был у меня.

Она села вместе со сыновьями и с ним рядом. Начали обедать и стала спрашивать про егохождение, где он в это время находился. Он стал обсказывать. Все обсказал,

все, что с ним случилось, пока он не пришел к ней на корабль. Она потом говорит ему в ответ:

— Ну, Иван-царевич, значит, нам была судьба, сумел ты ко мне подъехать и можешь мной владеть.

И в это время корабли поплыли к городу, стали к пристани. Царевич со своей царевной и со сыновьями своими отправились во дворец и зашли. Когда они зашли туда, она ему дает престол:

— Ну, Иван-царевич, можешь получить мой престол и стать на царство.

Иван-царевич получил престол, стал на царство и живет у нее год. Ну, это все для него кажется чужое, как все будто не свое, не родное и незнакомое. И стал часто вспоминать отца и мать и как бы ему было их увидеть. И не раз говорил:

— Елена Прекрасная, пойдём в наше царство, будем там жить в нашем государстве.

Она ему говорит на ответ:

— Нет, я не поеду. Потому что нет у вас того, в вашем государстве, что у меня хранится. Во-первых, нет таких садов, что у меня, живой воды и мертвой, молодильных яблок и манежных ягод.

Тогда еще она ему добавила:

— А если можешь меня увезти в свое государство, чтобы я не знала, тогда я только соглашусь, поеду.

Он, ничего ей не говоря, провел второй год, и в одну прекрасную ночь повалялись спать.

Когда он был в подземельи, дал эту трубочку царь за то, что он спас дочь, то он вспомнил, что есть такая вещь, надо будет попытаться. Только заснула царевна, он соскакивает в двенадцать часов ночи, вытаскивает эту трубочку и свистнул. Когда свистнул, то выскочили три молодца.

— Что тебе надо, Иван-царевич, долю кормишь, а работы не даешь?

Он отвечает этим ребятам:

— Вот что, ребята, я вам дам службу, сделайте мне эту службу, сумеете — то будете молодцы.

— Ну, какую?

— А вот в эту же ночь все чтобы царство было унесено в наше государство вместе с нами, и что только есть в государстве, чтобы все было там.

Ребята посмотрели друг на друга:

— Ну, Иван-царевич, хогя и трудно, ну, сделаем.

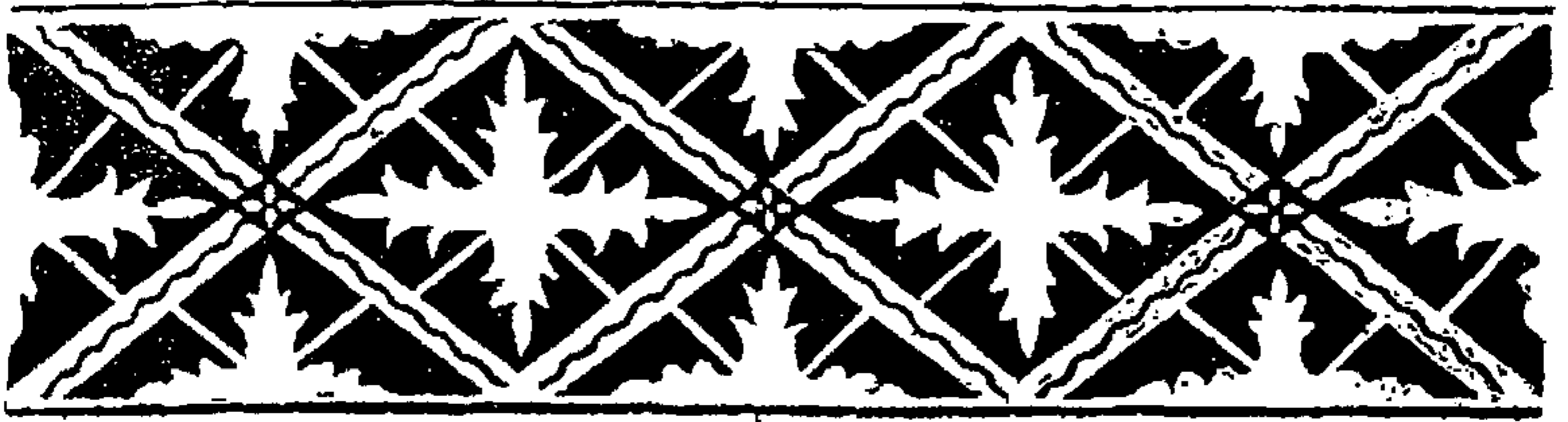
Сам лег спать. Когда стали науро, проснулась его жена, обсмотрела окрестность, то и видит, что уж она очутилась в другом государстве. Хотя все ейное с собой, но все иначе. Пришла к нему и говорит:

— Ну, молодец, Ванюша, все-таки умел меня достать, умешь мной владать, сумел привезти себе на родину.

Тогда он позвал своего отца и мать, и братьев своих. И пошел у них пир. Начали играть свадьбу тогда. И все радовались этой свадьбе: мать и отец, так боле всего радовались над своимá внучатами.

После этого всего стали жить Иван-царевич со своей женой до глубокой старости, и скоро ихние родители скончались.

Ш У Т

Нé в котором царстве, нé в котором государстве был прожиточный человек, имел большое количество земли и имел скота разного много тоже. Ну, у него были два сына, но они еще были малы, и в одно прекрасное время он говорит жене:

— Слушай, жена, уж нам слишком стало тяжело работать на земле, хотя мы и держим работников, но работы уж очень много. А я что, жена, надумал? Давай так сделаем: продаем часть скота, а потом накупим товару и будем торговать. Сыновья уже подросли, они нам будут помогать. — Ну, что же, хозяин, давай, сделаем так.

Вот он, конечно, сделал так: взял коров, овец, быков и повел на базар, поехал в город. И нужно ему было переезжать через мост — и проехал.

Рóспродал на ярмарке скота этого, накупил товару, нагрузил пять подвод и поехал домой. Когда подъехал он домой, то едет он обратно по этому мосту, мост был, конечно, большой, река была быстрая, и возмет, случилось: обрушился этот мост, и со всем своим товаром, — и понесло его туда. Когда понесло его по реке, он думал, что погибнет, но выбрался все-таки, вышел на гору и повесил голову чуть не до самой земли, и сказал:

— Вот мой куда ушел капитал — в реку!

Ему было очень жалко. Вдруг послышался голос с той стороны реки:

— Что, мужичок, задумался, повесил голову до самой земли? Хочь, я тебе помогу?

— Чем ты мне можь помочь теперь, как оно ушло?

Он сейчас перескочил на своей лошади через реку и пришел к нему.

— Ну, скажи, кто ты такой есть из молодцов?

— Я есть Шут.

— Ну, что ты мне можь помочь, коли мой капитал ушел в реку и унесло?

— Я тебе его обратно верну, только отдай, что у тебя есть незнаемое дома. Отдашь, то верну.

Он подумал: «Что у меня есть незнаемое? Двое сыновей, жена, скот у меня известен, богатство — тоже. Что у меня есть незнаемое, я только два месяца из дому».

И не узнал, что у него есть незнаемое. Подумал, ну все-таки ему жалко своего, и сказал:

— Ну, ладно, вернешь — отдам.

Он делает с ним запись такую:

— Вот подпишись, что я к тебе приеду за этим делом через девять месяцев и тогда возьму. Вот он, конечно, подписался.

— Ну, а теперь иди против течения, где стоял мост.

И так он пошел, а этот Шут исчез.

И только приходит, напротив моста, где этот мост стоял по-старому, и его подводы шли по мосту. Он сел и поехал домой, только очень дивился: «Подумай, как он мне их быстро вернул. Что такое у меня дома есть незнаемое?» Когда приезжает в свой дом на двор, то выбегают два сына:

— Здравствуй, папенька!

Отвечает:

— Здравствуйте, сынки!

И они заговорили:

— Папа, у нас родился брат, которого зовут Иваном. И он с нас ростом и говорит, и уже знает грамоту.

«Вот какое дело, что же она мне не сказала, что она в положении. Вот беда!» Это он подумал, и вот он, конечно, этот товар разложил по своим лавкам, начал торговать. Сыновья ему помогали. Жить ему стало очень хорошо, только он очень заботился, что посудён у него сын. Был он меньше всех, а ростом был больше всех, и умный и довольно грамотный. Вот однажды сидят, пьют чай, она и спрашивает у мужа:

— Что же ты такой печальный, или ты что потерял дорогой? Ведь нам, слава богу, жить стало хорошо, сыновья — помощники и не о чем печаловаться.

Он сказал:

— Да, жена, был такой случай. Когда я продал скота, поехал обратно, а ехать нужно было по мосту через реку, и вот этот мост обрушился, унесло меня в реку, и я еле выбрался на берег и крепко задумался, что вот весь капитал теперь пропал. И вдруг послышался голос с той стороны реки: «Что, мужичок, задумался, повесил голову?» Я отвечаю: «Как же не думать? У меня весь капитал унесло в реку». Тогда опять же отвечает: «Отдашь незнаемое дома, тогда я верну». И он перескочил через реку на лошади и пришел ко мне. Я его спросил: «Кто ты такой?» — «Я есть Шут, и вот отдашь, то верну». Я отдал и пошел прочь, этот мост был по-старому, и шли подводы, я сел и поехал домой. А это я посулил меньшого сына Ивана, а ты меня не повестила. И он придет через девять месяцев. Вот за это я и печалюсь, что он годами меньше всех, а умом и ростом больше всех.

Тогда она сказала:

— Слушай, муж, уж раз так пришлось — делать нечего. А вот у нас есть три, и когда он придет, то пусть узнает. Если не узнает, то мы не дадим никакого.

И он стал меньше думать, на том они и порешили.

И, конечно, живут себе, вдруг однажды обедают, и у них в избе затемнилось. А это уже прошло девять месяцев.

Посмотрел он в окно и говорит жене:

— Ну, посмотри, вот он и приехал.

На дворе уже стояла такая большая лошадь, что с ихну избу была высотой. Он спустился с лошади, приходит в дом и заговорил:

— Здравствуй, здравствуй, хозяин и хозяйка!

— Здравствуй, Шут, садитесь.

— Сесть недолго, но помни, хозяин, я пришел за долгом к тебе, который ты мне обещал.

Тогда говорит хозяйка:

— Ну, ладно, коли узнаешь, то получай долг, а уж не узнаешь, тогда остаются нашими сыновьями.

Вот она привела всех трех:

— Ну, выбирай.

Ну, конечно, он посмотрел и улыбнулся:

— Ишь ты, хозяйка, вздумала обмануть Шута. Вот который больше всех, тот и младший, тот будет мой.

Вот берет его, распростился, и поехали. А хозяин и хозяйка остались плакать, очень им жалко было сына, большой, сильный, умный и грамотный.

Вез он его целый месяц. Приезжают к большому дому, вокруг дома — железный тын, очень высокий, так что никакая лошадь через него не перемчит. Ну, нигде не было дверей. И он разговил свою лошадь, перескочил через, и вот заводит он его в дом. Когда он заводит его в дом, и трои сутки прожил и говорит:

— Ну, Ваня, вот здесь ты будешь жить.

Ну, у него в этом жительство не было никого, жил один, — ни собаки, ни кошки. И приносит ему он двенадцать ключей.

— Вот, Ваня, ходи в одиннадцать, а в двенадцатую не ходи, которая в темном углу, лыком завязана, навозом запечатана. Если я вернусь, узнаю, что ходил, — убью тебя. А я проезжу три года, а потом приеду. А тебе достаточно всего здесь, будешь жить один.

И вот, конечно, он краду же, как рассказал ему, и уехал.

Он пропустил день-два, потом начал ходить по комнатам. И ходил целый месяц, все смотрел редкости, чего у него только не было: и вина, и припасов, и товаров, и сбруи, и золота, и серебра, ну, только не было живого человека или хоть собаки и кошки. Это ему было очень скучно. И вот он уж на второй месяц задумал: «Что он мне не велел в эту дверь входить? Однако, дай схожу, двум смертям не быть, одной не миновать. Он уехал далеко, теперь и не узнает».

И на другой день приходит, лыко разрывает, навоз отрывает — открывает дверь. Только открыл дверь, то полилась кровь оттуль так сильно через порог, что он еле стоит на ногах. Он стоит, смотрит, и кровь эта окончилась. Он заходит в дверь и смотрит — стоит конь связанный. Он обрадел, что конь, взял его, развязал, вывел на двор, дал ему напиться, принес пшеницы, и конь стал наливать, а он думает: «Вот теперь эти три года я проведу с ним — будет мне хороший товарищ».

И такой был конь большой, что не меньше был Шута, ну, он хоть росту был порядочного, но не мог заскочить на него, а ему охота. Он взял, лесенку нашел и выстал на нее. Ну, конь стоя поглядывал и ел. И вот когда

он забрался наверх, то там начал сидеть на нем и заснул.

Спал он долго ли, коротко, уж Шут обратно вернулся, узнал, что вывел он коня. Приехал, так ударил его кнутом, что он вылетел оттуда чуть не мертвый, с коня. Встал на ноги, опомнился. Шут ему и говорит:

— Ну, что ты сделал, зачем вывел коня? Сейчас я тебя убью.

Ну, он уж знает, что виноват, молчит, только говорит:

— Мне стало очень скучно, хотел испытать коня и вывел его.

Теперь и говорит ему Шут:

— Ну, на этот раз я тебя прощу, не убью, а если ты еще выведешь коня, — все равно я уеду на три года, — то я тебя убью.

Взял коня, накачал ему воздуха и запер. А сам сел на лошадь, перескочил через тын и уехал. Он теперь и думает: «Ну, больше не знаю, что делать, нельзя пойти».

И прожил он целый месяц, не ходил. Потом опять ему сильная скука навалилась, надо еще жить три года, думает: «Пойду, открою, смерть, так смерть, все равно убьет. Уж такая моя судьба, видно, делать нечего».

И вот кряду же пошел к этой двери, разрыл навоз, раскидал, открыл, и опять кровь полилась. Потом это уничтожилось, выводит он коня, накачал воды, принес пшеницы, кормит и поит его. Конь ест, пьет и поглядывает на него, сам наливается. Когда он накормил, лошадь встала, поглядела на него и говорит:

— Ну, мой дорогой Ваня, торопись, Шут едет. Беги, неси заступ, вырой у меня перед передними ногами яму. Уж коли ты вывел меня второй раз, я тебе помогу, не думал, что ты осмелишься вывести меня другой раз.

И он принес, конечно, заступ, открыл яму.

— Ну, наклонись, что там видишь?

— Там, дорогой мой конь, золото ключом кипит.

— Ну, опускай наперед руки, золоти выше локот.

И вот он спустился туда, позолотил руки и вылез оттуда. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, зарывай яму. Шут этого еще не знает. Теперь рой яму под задними ногами и торопись скорей — Шут едет.

И он враз вырыл под задними. Когда вырыл под задними:

— Ну, наклонись; что там?

— Дорогой мой конь, там серебро ключом кипит.

— Ну, серебри скорей ноги.

Он спустился, посеребрил ноги выше колен и вылез обратно.

— Ну, зарывай яму; Шут еще не знает, и пускай не узнает никогда. А теперь бежи скорей в комнату, принеси мне уздечку, она висит на гвоздю, и скорее, а то Шут придет.

И он побежал, уздечку хочет снять, и поднять ее не может. Прибежал и говорит:

— Да не могу поднять уздечку, она тяжёла.

— Да она только сто пудов. Ой, Ваня, Ваня, ты еще молод. Ну, бежи обратно скорее. Увидишь — тут есть шкап, открой шкап пониже, увидишь три бутылочки: одна с белым, другая с красным, третья с зеленым. Выпей с белым и принеси мне уздечку.

Он побежал, выпил бутылочку с белым, поднял уздечку, приносит.

Конь говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, принеси скорее седёлко. Ну, седёлко тяжелше. Выпей вторую бутылочку с красным, а то не поднять тебе будет седёлка. А потом бежи сюда, торопись, Шут близко!

И он прибежал, выпил вторую бутылочку, принес седёлко. Конь и говорит:

— Ну, теперь заскакивай на меня, я два круга сделаю по двору, если удержишься, то поедем, еще некоторые вещи возьмем с собой.

И вот он, конечно, садится на него, и он только первый винт сделал по двору, как Иван выскочил из седла. — Эх, Ваня, Ваня, слабый ты еще, не уехать нам от Шута! Ну, бежи скорей, выкупайся в колоде с живой водой и захвати с собой пузырек с этой водой, и потом сбегай и выпей последнюю бутылочку и захвати мыла и щетку. Неси скорей. Шут близко!

И он побежал. Приходит к колоде, выкупался и захватил пузырек. Потом побежал, выпил последнюю бутылочку и захватил мыло и щетку.

— Ну, дорогой мой конь, я все принес.

— Ну, молодец, Ваня, теперь еще бежи, скорей бежи, Шут совсем близко, чтобы нам убраться!

И он опять побежал и сказал:

— Захвати оттуда платок, в том же шкапу есть, и суиь себе все в карман.

Тогда еще сказал:

— Ну, бежи в сад, наломай яблок золотых два мешка и перекидывай через меня, и садись на меня.

И вот он сбегал, наломал два мешка, перекинул через него и сел на коня.

— Ну, Ванюша, теперь держись, как можь, я еще два винта сделаю и перескочу через тын. Если можь удержаться, то уедешь, а уж не можь, то обоим гибель.

И когда он скочил на него, конь и сказал:

— Я могу ехать пятьсот верст в час, а конь его тысячу верст.

И вот он сделал два винта, на третий перескочил через тын. И только отъехали недалеко — стал их Шут догонять. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, Шут-то нас начал догонять и стрелы спускать. Как стрела нас ткнет до чего, так то место и горит.

Ну, до Ивана ничего не достается, только горит на нем платье. И потом говорит ему конь:

— Ну, Ванюша, спусти теперь щегку под хвост мне.

Когда он спустил щегку, то встали непросветимые леса, а Шут остался за лесами. И они в это время опять едут далёко.

Шут вернулся домой, за скребками пропилить деревья. Прогрыз и погнался опять вслед за нимá. И вот он гнался, гнался, опять стал волшебные стрелы спускать и кричит: — Ох, ты, подлец, утащил у меня волшебного коня, ну, все равно не уйдешь никуда!

Конь ему и говорит:

— Ну, Ваня, спускай мыло мне под хвост.

И только мыло спустил — образовались горы, и Шут вернулся к лесам, берет скребки и опять прогрызает дыру себе на ход. Пока он прогрыз, они в это время далёко отъехали, а он опять гонится и начинает огненные стрелы спускать. Конь и говорит:

— Ну-ко, Иванушко, спустись на землю и узнай, далеко ли Шут гонится.

И Ванюша, конечно, спустился, только спустился, слышит — земля так трясется, что Ваня закатался, как мячик, и упал на землю, что стоять не может. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, близко ли Шут?

— Не знаю, земля очень трясется, стоять не могу. Упал и подняться не знаю как!

— Эх, Ваня, Ваня, слабый ты. Ну, да ладно.

Спустился конь на колени, взял Ванюшу в зубы и подкинул его на спину.

— Ну, спускай мне теперь под хвост платок. Уж сейчас мы уедем, а не уедем, так убьет нас Шут.

И вот он только успел спустить платок, то стало огненное море назад.

— Ну, теперь, Ваня, мы уедем.

И Шут позади, бросился в огненное море, и закричал:

— Ну, счастлив, что увез у меня платок, а не увез бы— догнал и убил бы вас обоих!

И так Шут залетел и сгорел в море.

И вот они приехали на одну равнину. Это было, наверно, недалеко от города, уж конь это знал.

— Ну, теперь, Ванюша, сходи с меня и повались спать. Ты сам знаешь, мы утомились, не спали долго.

— Да, дорогой мой конь, спать-то бы недолго, да ты сам видишь— платья нет у меня, я наг.

— Ну, что ж, Ваня, что наг. Вот видишь— волы ходят, сдери с них шкуру, завернись в шкуру и повались спать.

И Ваня пошел, сдернул с одного вола шкуру, завернулся в нее и повалился на траву, а конь его ушел траву есть. Но конь, конечно, пошел не траву есть, а побежал в город и узнал, что у царя дочь выходит замуж и царь ищет садников, чтобы засадить сад золотыми яблоками, и успели яблоки через три дня. И за это отдаст, что тот пожелает. Дочь его выходит замуж за одного-германского короля, и нужно это к свадьбе приготовить. И вот прибегает конь, конечно, и будит Ивана:

— Ну, Иванушко, ставай, ведь выспался теперь уж?

— Дорогой мой конь, разве я долго спал?

— Да, порядочно, отдохнул. Теперь ты иди в город. Вот отсюда неподалеку будет город, верстах, может быть, в пяти, и там царю нужны садники. И ты становись, где садники стоят. Как ты большого росту— становись на правый фланг. Тогда будет царь выкликать садников по-очереди, кто может засадить ему сад золотыми яблоками и вырастить это. Он будет предлагать за три дня. И вот когда дойдет до тебя очередь, тогда берись ты. И берись с таким условием, чтобы он обещал, что ты

хоть, а он будет говорить, что уж если не сделаешь, то твоя голова прочь. Когда порадишься, то пусть царь приготовит и земля будет выпажана, а мы приедем садить. Царь скажет: «Хорошо, приезжай». Поди и берись, и приходи сюда, а я тебя буду здесь ожидать.

Тогда Ванюша, конечно, встал и пошел в город. Приходит на площадь, и встал туда, где стоят садники. И не через долго приходит царь и выкликает садников к работе, что кто может сад рассадить золотыми яблоками и во сколько времени. И вот назначает им срок — за три дня. Ну, садники стали откликиваться, и никто не берет, только месяца три, четыре и пять, и меньше двух с половиной месяцев никакой садник не решил ему это сделать. И, конечно, дошла очередь до этого Ивана. Он вышел, росту был порядочного и в воловьей шкуре. И спросил царь у него:

— Ну-ко, ты, молодец, что ты можешь сказать, как ты стоишь в очереди садников?

— Ваше величество. Я, конечно, могу вам сделать, как вы говорите, за три дня, но только что вы обещаете, то отдаете мне?

— Отчего, отдаю; я отдаю дочь через три дня замуж, так мне нужно будет. А если не сделаешь?

— Если не сделаю, то рубите мне голову.

— Ну, ладно.

Конечно, он ему порядился и приказал:

— Вот что, ваше величество, выпашите мне землю и укажите где.

Царь сказал:

— Хорошо, вот на этом-то месте будешь садить сад.

И он пошел к своему коню. Приходит к своему коню, конь и спрашивает:

— Ну, дорогой мой Ваня, как порядился у царя сад садить?

— Да, порядился, ну, не знаю, что будет.

— Ну, как, что рядил?

— Дорогой мой конь, а что ты мне говорил — царь мне то дает, ну, и не знаю, что он даст. А если мы не сделаем, то уж я не знаю, что будет.

И сильно Иван задумался. Тогда немного конь помолчал и говорит:

— Ну, ладно, Ваня, не печалуйся, завтра поедем. Знаешь где, сказал про землю паханую?

— Сказал.

— Хорошо.

И вот, конечно, они переспади ночь и пережили целый день. Приезжают на вечеру, где земля была паханая. Говорит ему конь:

— Ну, вот, Ваня, бери эти мешки с яблоками и повернись лицом к заду, а я буду ходить вокруг, и ты смотри на мои задние ноги и успевай спускать яблоки в эти дыры, которые я сделаю ногами. А я уж знаю, где ходить вокруг.

Иван поворачивается к хвосту головой; конь ходит, а Иван начинает спускать яблоки. И вот, спускал, спускал, и у него не стало.

— Больше не стало, дорогой мой конь.

— Не стало? Ну, хорошо. Теперь отъедем прочь. Я-то уйду от тебя теперича, а тебе придется следить за твоим садом. И вот смотри три дня, а через три дня я к тебе приду.

И так Иван наш начал следить за своим садом. И вот в первые сутки расцвела яблоня, и налились яблоки, так быстро работалось. И царь очень удивился, ну, не знает, что дальше будет. На вторые сутки яблоки все налились, и аромат понесся по всему царству. На третьи сутки, когда яблоки вызрели все, то Иван заснул, и вдруг приходят царские дочери все, смотрят садника, как он быстро сделал. Две были замужние, а третья выходит сейчас замуж, меньшая самая. И вот они ходили, ходили и увидели спящего садника. Старшая посмотрела — от него воняет там очень. Ну, как в шкуре, то мух там и всего. Она острашилась, пришла к сестрам и говорит: — Я не знаю, кто там — зверь ли, человек спит.

Пошла вторая. Вторая тоже посмотрела, ей больно опротивело, пришла обратно. Меньшая говорит:

— Я не знаю, что вы, сестры, надо же посмотреть: он спит, не бросится же на нас. Вы подождите, а я пойду.

Пришла меньшая смотреть, подошла к нему очень близко и стала поднимать у него руку от копыта от воловьего. Ну, она его не боялась. Когда она отогнула, то смотрит — рука у него золотая, пальцы золотые, но слишком толстые. Посмотрела на вторую — тоже золотая. Тогда стала засмагриваться на ноги. Видит, ноги серебряные, и подумала: «Нет, это наверно не садник, а какой-нибудь уж очень знаменитый человек».

Она скидывает свой перстень и хочет ему надеть на какой-нибудь перст, но ему не лезет. Тогда взяла свой именной платок и продела в перстень и привязала ему к руке. Пришла и говорит сестрам:

— Сестры, знаете что, — все-таки нам надо садника хоть водочкой напоить. Он спит, а мы пока принесем, станет — и выпьет.

И сестры пошли и принесли ему два графина вина и разных десертов на подносе — оставили все рядом, а сами ушли. Ну, не сказала она, что там еще оставила или чего видела. Иван пробудился: «Как же быть-то? Царь начинает меня уже дарить теперь, а я заснул». И вспомнил своего коня. Тот явился:

— Ну, милый мой коньчик, царь уже начинает нас дарить теперича, а яблоки совсем созрели.

— Ну, хорошо.

— Ну, так что ж, дорогой мой конь, выпьем, что ли?

— Давай, давай, выпьем. И еще что тебе подарили? — спрашивает конь (*уж он знает все*).

— Да вот, дорогой мой конь, я не знаю, каким путем тут образовалось связанное кольцо, наверно царской дочери.

— Да, это царской дочери, меньшей; стало быть, она хочет за тебя замуж выйти. Так вот, дорогой мой Ваня, знаешь что? Теперь сорви-ко яблоко одно и иди в магазин, а купец тебе наверно не откажет, даст за это яблоко одежду всю полную, а эту — бросай и умойся, побрейся там же, как будешь, и приходи сюда — я здесь буду.

Вот он, конечно, сейчас срывает одно яблоко и приходит в магазин.

— Вот вам, притащил яблоко, как вы его оцените? И дайте мне одежду всю.

Приказчик даже ничего не мог сказать и оценить золотое яблоко и сказал:

— Ну, вот, молодец, мы тебе приносим одежду всю, выбирай и одевайся, как только тебе нужно будет.

И вот наносили ему самую большую одежду, и он это все для себя подобрал и оделся: и сапоги и так дальше, пальто, фуражку и все, и сказал:

— Ну, до свиданья.

И пошел.

Приказчик, конечно, обрадел, что такое яблоко оставил, его даже и не оценить, очень оно дорогое. Иван

зашел, конечно, попутно в парикмахерскую, побрился, подстригся, и пришел обратно в сад. Когда он пришел обратно в сад, и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, я оделся.

— Вот хорошо, теперь ты стал на человека походить. Теперь ты срывай три яблока, положи на поднос и иди к царю — сдавай работу. И помнишь, за что ты рядился с ним — проси то.

Ну, он еще не знает, за что он рядился.

— А что, дорогой мой конь, теперь за работу взять?

— Да как что, раз он обещал, что ты пожелаешь, то проси у него дочь замуж взять, и он обещал и должен отдать.

— А если он не отдаст, дорогой мой конь?

— Нет, отдаст. А если не отдаст, там видно будет, придешь сюда.

И вот он сорвал три яблока, положил на поднос и пошел к царю. И приходит он, конечно, уже не в том виде, как был садником, а в хорошем порядке. Пришел и говорит:

— Здравствуйте, ваше величество. Я принес вам покушать яблоки и хочу сдать работу.

— Очень доволен я, Иван, а почему ты сейчас снял одежду садническую, которая у тебя была?

— А у меня уж такой обряд, ваше величество, — не снимать ту одежду, пока я не кончу работу.

— Молодец, Иван!

— И вот вам принес теперича три яблочка, можете покушать и принять мою работу.

— Очень доволен, Иван, мы уже второй день наедаемся ароматом, ты исполнил свою работу за три дня для меня, которая была очень нужная. Говори теперь, что ты хочешь, что тебе надо?

— Ваше величество, а мне больше ничего не надо. А раз обещано, ты сказал, что даешь, что я хочу. Отдай свою дочь за меня замуж.

— Ах, дочь тебе замуж? Ну-ко, слуги, идите сюда, повалите его на скамью и дайте ему двадцать пять розог!

Конечно, приходят слуги, приказали ему повалиться, он послушал, ему дали двадцать пять розог. И это ему было так легко, будто били его сенйнккой, или легким прутиком. И он встал на ноги, и пошел обратно в сад к своему коню.

— Ну, что, дорогой мой Валя, скажешь тепереча, что тебе царь сказал?

— Слушай, дорогой мой конь, мне царь вот что пожаловал: он приказал повалить меня на скамью и дал двадцать пять розог.

— Мало, этим он думает отделаться? Нет, не за то мы работали. Ну-ко, поди теперь снова к нему и скажи ему так: «Ваше величество, я работал вам сад незадаром, и что ты мне обещал, то должен отдать. Я работал три дня и в три часа уничтожу, и тебе ничего не будет. И к тому же она обещалась выйти за меня замуж и дала мне своей перстень.

И, конечно, он пошел опять обратно к царю. Когда приходит к царю, царь и спрашивает:

— Ну, что, Валя, теперь тебе надо?

— Ваше величество, я пришел объясниться опять же.

— Ну, говори, Иванушко, что тебе надо?

— Так вот что, ваше величество: так ли вы думаете отделаться, что за двадцать пять розог я вам сад работал? Если не отдашь мне дочь замуж, я за три часа все уничтожу, и больше ты нас не увидишь. А к тому же мне твоя дочь обещалась. У меня есть от нее перстень.

Царь ему ничего не сказал и приказал позвать свою дочь.

Когда пришла дочь, он у нее и спрашивает:

— Ну, дочка моя любимая, ты обещалась за садника замуж выйти?

— Да, папенька, обещалась, и я хочу за него выйти.

Она смотрит на него, какой он стал стройный, и знает, что он за человек, и переходит на сторону к нему. Тогда говорит царь:

— Ну, ладно, дочка, коли так ты изменила мне, сделала конфуз, стыд; сегодня придет зять, а мне уж подать некого, то уходи из царства совсем со своим Иваном, совсем с глаз долой!

И вдруг услышала мать и приходит к нему:

— Слушайте, муж, вы судите очень легко и хотите свою дочь выкинуть совершенно и считаете как-то чужой. Хошь не для зятя — для своей дочери вы должны смириться. Должны ей дать какую-нибудь оседлость или какое-нибудь приданое, все-таки нельзя так, отец, поступать со своей дочерью. Она у нас последняя, и те наделены, а уж ейная,

видно, судьба такая, что выйги за этого садника, и нечего, видно, делать.

Тогда сказал отец:

— Ну, ладно, жена. Вот у меня есть тридцать верст отсюда хутор, вот пусть она там живет со своим Иваном и не ходит ко мне никогда.

Тогда она сказала:

— Ну, ладно, Ваня, пойдем.

Вот они приходят, конечно, в сад, конь и заговорил:

— Ну, что, Ваня, получил прекрасную царевну?

— Получил. Вот он велел ехать на хутор.

— На хутор? Ну, ладно, дорога знакомая, садитесь на меня и поедем.

Жена, конечно, удивилась, что конь может говорить, но не знала, что за конь. И вот они приезжают на этот хутор, где узнали последнюю дочь царя, встретили ее, конечно, начали они жить. И вот прошли одни сутки, приезжает германский король, а у царя уж дочери нет. Тогда ему объявил войну за то, что он его обманул. И вот, конечно, объявил войну и кряду же нагнал войска в большом количестве, так что царь испугался и выступил тоже с войсками. А Иван живет со своей женой и ничего не знает. И потом подошел к нему конь:

— Слушай, дорогой Ваня, ведь твой батюшко в большой беде, ведь германский король его разгромит и возьмет в плен. Ты знаешь, взял дочь, так и помочь надо.

— Ну, что же, дорогой мой конь, и поедем.

И вот он, конечно, сел на коня, взял кладенец и поехал. Приехали на поле и укинулся этот конь на войско. Иван рубил мечом, а конь топтал и зубами рвал. Не прошло и шести часов, как все поле было усеяно этими войсками. И пришлось царю смотреть, но не знал, кто этот воин. Когда он вернулся обратно, остановил его царь: — Позвольте вас спросить, молодой рыцарь, кто вы есть и за что вы мне так помогли? Поедьте ко мне, я вас угощу и прослаблю по всем государствам, и даю большое вознаграждение.

Он сказал:

— Ваше величество, мне ничего не надо от вас; это я тебе все помогал за двадцать пять.

Повернул лошадь и уехал. Царь очень удивился и не понял:

— Что это «за двадцать пять»?

Приехал Иван домой, отпустил свою лошадь, сам пошел спать. А этот германский король собрал в два раза больше войска и выступил опять на царя в скорое время. Опять подходит к нему конь и говорит:

— Ну, слушай, Иван, опять надо поехать помочь отцу, ему без нас будет трудно.

Он сказал:

— Ну, хорошо.

Сел на лошадь и поехал. Приехал на поле и бросился опять бить это войско. Не прошло шесть часов, как все войско было перебито, больше конь рвал зубами и ногами, не успевал даже Иван работать мечом. Ну, царь опять же заинтересовался таким храбрым воином. Когда Иван вернулся обратно, царь его остановил и говорит:

— Слушай, добрый витязь, скажи — за что ты мне помогаешь и кто ты есть? Поедем со мной, я тебя прославлю по всем государствам.

— Слушай, ваше величество, мне ничего не надо, я тебе все помогаю за двадцать пять.

Повернул свою лошадь и поехал обратно.

— Что такое «за двадцать пять»? Ничего не понимаю, — говорит царь. — И ему ничего не надо.

Ну, этот германский король собрал войска еще больше и взял двенадцать богатырей и сам выехал делать окончательный бой. Вот когда приехал, конь ему опять и говорит:

— Ну, слушай, Иван, опять придется отцу помогать. Ну, уж не знаю, что будет; ты поищи-ко пузырек с живой водой, от Шута взятый. Дай мне поить, сам попей, да смажь свой меч.

Он отыскал пузырек, попили оба, смазал меч, он сел на коня, конь и говорит:

— Ну, Иван, десять богатырей это тебе легко с нимá, а два богатыря — чуть не супротив тебя, а два коня — чуть не супротив меня, и я боюсь, чтобы тебя не обратить. А войско-то это что, хоть в пять раз больше, нам не страшно. Ну, ничего, поедем.

И так они поехали. Когда приехали на поле, то начинают рубить по-старому, так ужасно бьет, что не успевают подставлять войскóв, как все уничтожается. Все поле было посеяно войсками, и царь стоял и дивился такому

сильному воину. Когда это войско пало, то сразу выступило три богатыря напротив Ивана один за одним. Ну, Иван с нимá очень легко справился. Тогда выступило пять. И та же была участь с пятима. Потом выехало два, с этими двумя он очень легко справился.

Выезжает одиннадцатый богатырь один. Когда съехались, то он так сильно мечом ударил Ивана, что он выпал из седла и был ранен. Но с горячки богатырь проскочил мимо. Конь, конечно, не растерялся, стал на колена и зубами перекинул его на спину, увез в лагерь, сам выбежал биться с этим богатырем. И вот когда увидал богатырь, что бежит один конь на него, он поворачивает свою лошадь и хочет ударить его мечом. И вот сразмаху Иванова лошадь, как только подъезжает к нему, опустила голову книзу, и тот богатырь хотел ударить ее, а попал в свою лошадь и убил ее, и эта лошадь Иванова заскочила и расколола ему пополам голову. Тогда еще выезжает двенадцатый богатырь. Ну, царь стоял, дивовался этой лошади без хозяина, как она работает. И вот когда увидал богатырь, что бежит лошадь на него какая-то, он поворачивает лошадь, и несутся друг на друга. И так съехались когда, высоко стали на дыбы, так что богатырь выпал из седла, Ивана лошадь захватила глотку у этой лошади и перегрызла, потом кинулась на богатыря. И проломилá ему голову.

И вот конь вернулся к своему хозяину, но только был тоже сильно ранен в ногу, прибегает и говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, жив теперича?

— Жив, мой конь, только очень тяжело.

— Ну, тяжело — это не страшно, поедем.

Стал на колени, закидывает его на спину и поехал. Тут подбегает царская свита и говорит:

— Куда ж ты, добрый витязь, поедешь раненый и лошадь твоя обранена? Мы повезем тебя в царство, вылечим и прославим по всему свету.

— Нет, ваше величество, я поеду. Это я тебе все помогал за двадцать пять, а теперь поеду.

И жалко его было отпустить, но делать нечего — поехал. Приезжает на свой хутор, жена перепугалась и начала его лечить. Докторов позвала, сама была сестрой милосердной, все меры приняла и так стала его лечить. И вот когда этот царь приехал домой, то собирает шир, созывает

всех своих гостей, зятевей и так далее, и выславился этот царь большим воином, победителем такого крупного королевства. И вот когда все гости собрались и стали беседовать, сидеть, жена ему и говорит:

— Слушай, муж, я тебе опять скажу: как хочешь, у нас есть три дочери, две сейчас сидят на пире. А почему же третьей дочери не сидеть? Я думаю, она у нас все равно, что и другие. А почему же и зятя не позвать, может, и придет. Я думаю, что должен ты сделать это.

Тогда он сказал:

— Ну, ладно; слуга, съезди на хутор и позви мою дочь и зятя.

И вот приезжает слуга, заходит в изний дворец, то встретила его дочь. И он ей поклонился и стал просить на пир, вместе со своим мужем, что батюшко велел приехать. Она ответила так:

— Слушай, слуга, скажи моему отцу так: что я от мужа никуда не поеду. Он у меня болен, и я никуда не поеду. Он сильно ранен.

Тогда слуга сразу понял из слов ейных, что вот кто помогал — его зять, и уехал прочь к царю. Приехал туда, вызвал царя отдельно и сказал:

— Вот что, ваше величество, я был у вашей дочери, и она отказалась. Почему? Потому что у нее муж болен, он сильно ранен.

И царь сразу догадался, что это зять был на коне.

— И он мне сказал, что вот, батюшко, я работал «за двадцать пять», — это за двадцать пять розог.

Пришел к жене и говорит:

— Собирайся, поедем на хутор за своей дочерью и зятем, а вы, гости, подождите.

Вот они приезжают на хутор, и он кряду же приходит к дочери своей. Поздоровался и стал ее просить на бал и спрашивать:

— Ну, как зять, в каком положении?

— Да, папенька, я не знаю ничего без мужа. Можете пойти к нему и спросить, пойдет он на бал или позволит мне пойти, а я не пойду без его позволения, тем более, что он как болен. И вы, наверно, сами знаете.

— Я, дочка, только сейчас узнал, когда приехал курьер, а раньше он мне ничего не говорил, как помогал. Тогда разрешите, дочка, его увидеть.

— Пожалуйста.

Повела она его в спальню, где он лежал болен. Подошел к нему и говорит:

— Ну, зятюшко, прости меня, что я не давал тебе дочь и что ты мне не сказал, ведь я тебя спрашивал. А теперь пойдём на бал, и наши гости охотно бы посмотрели на тебя. И мы тебя прославим и наградим, и наделим тебя полударством.

— Слушай, батюшко, я не поеду с вами, потому что ваш экипаж меня не возьмет, а жена пусть с вами едет, я дозволяю. А уж если конь сможет нести меня, я спрошу у него, то и я приеду.

— Хорошо, ну, ладно, мы будем ждать, приезжай на коне.

Жена срядилась и поехала с отцом-матерью на бал. А он оделся и пошел к своему коню, и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, как царь нас просит на бал, так как: поедём или нет, говори мне теперь правду?

Конь немного подумал и сказал:

— Дорогой мой Ваня, поеду, если будешь исполнять, что я тебе буду говорить. Вот когда мы приедем к царю на бал, а там есть широкий двор, где приезжающие принцы и короли ставят лошадей, и там их стоит, может быть, сотня, и для меня там место будет приготовлено; и вот ты приедешь туда, поставь меня в ту конюшню, но только не вяжи. И я поем немного и выбегу из этой конюшни, и всех лошадей передавлю, и буду носиться по двору, как бешеный. И все конюхы и слуги перепугаются и придут к царю, и будут просить тебя, чтобы ты меня поймал. И вот когда, конечно, скажет царь, все эти гости станут говорить напротив, ну, царь не позволит меня ни корить, ни бить, скажет только: «Поди, Иван, уйми свою лошадь». А ты поди со шпагой и скажи: «Бешеную скотину никогда не держат», — и поди, отруби мне голову. Если сделаешь это, то я поеду, а там уж увидишь, что будет.

Иван немного подумал и говорит:

— Так как же, дорогой мой конь, разве мне не жалко будет тебя убить, как ты мне делал много хорошего, женил на царской дочери, и я добился до большого почета и славы. Что ты говоришь такое?

Потом он немного подумал и сказал ему:

— Ну, ладно, дорогой мой конь, коль ты так велишь, то я сделаю.

— Сделаешь?

— Сделаю.

— Ну, садись на меня и поедем. Есть мне теперь единственный случай.

И так приехали на двор. Как конь ему сказал, так он и сделал, поставил его и зашел на бал. Конечно, его с радостью встретили, посадили за стол и начали угощать, и все гости радовались, ценяли его, такого сильного витязя. Не прошло полчаса, как бежат конюхъ, кучеръ со страхом, и говорят своим хозяевам такое слово:

— Вот не знаем, что творится с лошадью Ивановой, перегрызла всех лошадей и носится по двору, попросили бы Ивана, чтобы он ее убрал или что сделал.

Тогда царь говорит:

— Ну, зять, слушай: поди, убери свою лошадь. Вы, гости, не волнуйтесь, я заплачу убытки, она нам много хорошего сделала. Ты ее только убери, и будем держать ее до тех пор, как желает зять.

Тогда стает Иван на ноги:

— Ну, бешену скотину никогда не держат; пойду, отрублю ей голову!

Царь скочил и говорит:

— Слушай, Иван, не надо, я заплачу все убытки, только ты ей ничего не делай!

— Нет, надо отрубить голову.

И пошел на двор. Все присутствующие бегут за ним и просят. Он прошел на двор, лошадь увидела его, вытянула голову и стоит. И он подходит к ней рядом и ударил ей мечом и отсек голову. В этот же момент выскочил мужчина такого же роста и говорит:

— Ну, здравствуй, зять, я твой шурина. А теперь пойдём на бал, и я тебе скажу еще, кто я есть такой.

И когда Иван пошел домой, а он стал ему говорить дорогой:

— Вот я есть одного царя сын, Иван-царевич. А помнишь, мы с тобой были у Шута, и вот я пробыл там двадцать лет, и тебя бы он обратил конем, но ты сумел меня второй раз взять, и я уверился, что ты парень боевой, и помог тебе. А теперь молчи пока и пойдём на бал, и я там выясню, кто я есть.

Когда они пришли на бал, не знали, конечно, кто незнакомец, ну, такого же роста богатырь, как и зять

Иван. Посадили их рядом, стали угощать. Потом, когда он немного подвыпил, стал на ноги и стал говорить:

— Слушайте, ваше величество, я вам поясню, кто я есть такой, может, вы меня узнаете, хотя это было давнее дело. Бывал ли у вас когда от роду сын?

— Да, добрый витязь, бывал у меня сын, но только этому уже лет двадцать.

— Ну, а каким путем он у тебя не стал, можете пояснить мне?

— А вот каким путем. Однажды я был на охоте, и я завяз в болоте так сильно, что не мог попасть домой. А потом слышался голос: «Вот, ваше величество, отдашь, что не знаешь, дома у тебя есть — я тебя спасу, а не отдашь — умрешь в болоте». И вот мне пришлось отдать, а приезжаю домой — у меня сын, ну, я этого не знал. И вот расту был сын, помню, большого, ну, пришлось все равно отдать. Через девять месяцев приезжает Шут, и пришлось ему сына отдать. И вот сегодня исполнилось двадцать лет, как я отдал сына.

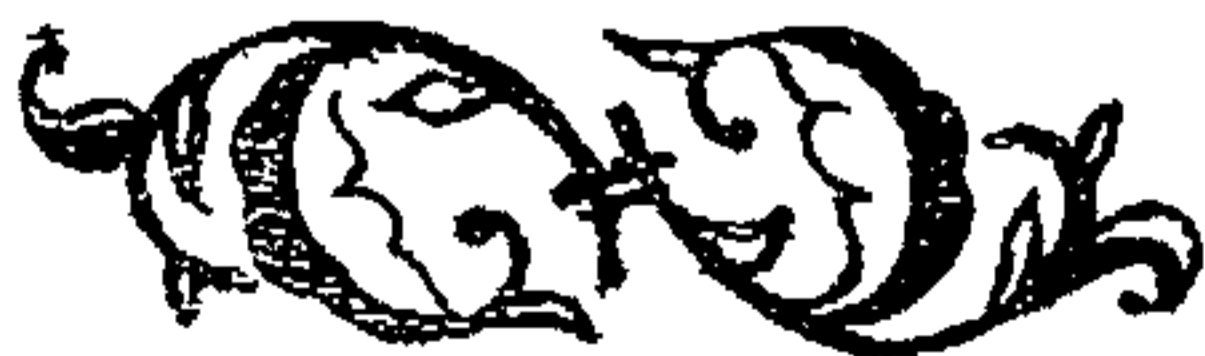
— Да, ваше величество, верно; двадцать лет назад я и был ваш сын, и был у Шута двадцать лет. И вот ваш зять, что у вас здесь сидит, он меня два раза выводил от Шута, и вот вывел.

Царь очень обрадел и говорит:

— Ну, сын, теперь ты женись и становись на престол, и я отдам престол, потому что стал стар, а зятю нашему дадим полцарства.

Тогда, конечно, отыскали ему невесту, и царевич женился, и гости дивились очень: два таких славных богатыря, и как они скрылись от Шута и могли ухитриться его.

А это он, конечно, веселым пирком да за свадебку. Соженился царевич, и стали жизнь проводить до глубокой старости как Иван-царевич, так и его зять.

— ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Нé в котором царстве, пé в котором государстве жил-был старик со своей старухой. Ну, старик ничего другого не мог работать, как уж он был очень старый, — ходил в лес дрова рубить.

Раз он пошел на свою работу, и только зашел в лес, смотрит — лежит на кусту́ девять яиц.

Он что делать: взял яйца в варезку, собрал и думает: «Если возьму с собой в лес, разобью там, а лучше я здесь их оставлю».

Вот прорубил он день и идет вечером обратно, заходит к этому кусту́. Когда пришел к этому кусту́, смотрит, нет ни варезки и ни яиц. Старик задумался: «Эх, не хорошо сделал».

Домой пришел он к своей старухе и говорит:

— Вот, бабушка, шел сегодня я и нашел утром на кусту́ девять яиц, собрал их в варезку и оставил, а вечером пошел — нет ни варезки, ни яиц.

— Ох, ты, старуха, знала бы это — не дала бы тебе и есть. Ты знаешь, девять яиц по пять копеек штука, ведь сорок пять копеек — деньги!

— Ну, ладно, бабушка, если другой раз придется найти, так уж не оставлю.

Вот на второй день старичок тоже походит в лес. Приходит к тому же кусту́ и смотрит: восемнадцать яиц лежит. И он взял эти яйца и собрал в свои дельничцы и раздумался: «Ну, что мне делать? Домой итти или с собой в лес эти яйца взять? Если с собой возьму в лес, то я их раздавлю, а домой итти — лучше уж вечером, когда дров нарублю».

Вот он взял и опять оставил, а сам пошел рубить. Порубил он день, так не допона, и пошел домой. Приходит к этому кусту, смотрит, а нет ни дельниц, ни яиц. Крепко старик задумался: «Ну, как я об этом старухе скажу? Ну, ладно, буду молчать».

И потом приходит он домой. Старуха накрыла стол, покормила и спрашивает:

— Чего ты, дедушко, сѣдни невеселый такой?

— Да так.

— Ну, скажи ты, раньше всегда говорил, а сегодня молчишь.

— Да что, бабушка, сказать, ведь ругаться будешь. Сегодня я нашел восемнадцать яиц, помѣжил в обеи дельницы и оставил на кусту. Домой пошел — ни дельниц, ни яиц нет.

— Ну, старый пес, знала бы, тебя крюком навозила бы и есть не дала. Недаром ты молчишь там!

Тогда он сказал:

— Но, ладно, бабушка, уж если еще случится найти, то я не оставляю, соберу — и сразу домой принесу.

— Ну, то-то, смотри!

И так старик пошел в лес. Приходит к этому кусту и смотрит: тридцать три яйца. «Ну, ладно, — думает, — теперь-то уж больше я так не сделаю».

Взял старик, заложил кушаком свой рѣкон и склад яйца в пазуху и затем пошел домой. «Не пойду я в лес, а пойду домой».

Вот он шел недалѣко, и стал кушак у него слабнуть. И стали яички выпадывать на дорогу. Как яйцо выпадет — так молодец выскочит. Повывадывали, повывакивали: тридцать три яйца выпало, тридцать три молодца выскочило и пошло за стариком вслед.

Когда они пришли домой, бабка смотрит, у них теперь тридцать три сына. Она накрыла стол и стала их кормить. Вот когда они поели, заговорил Иван Меньшой — Разумом Большой:

— Ну, отец, умел нас найти, умей нам работу дать.

— Да какую я вам работу дам?

— А поди в кузницу, закажи тридцать три косы, а мы в это время тридцать трои грабли сделаем.

Отец пошел в кузницу, заказал тридцать три косы. Пока ходил он, да ковали, ребята сделали тридцать трои

грабли. Теперь и говорит отцу Иван Меньшой — Разумом Большой:

— Ну, теперь куда пойдём работать?

— Да я не знаю.

— Не знаешь, так пойдём царский заповедный луг косить.

С утра и пошли. А этот Иван Меньшой — Разумом Большой не косит, ходит там за старшего. И вдруг с полудня приезжает царский вельможа и спрашивает:

— Кто у вас тут есть за старшего?

И выходит один из них.

— Я, — говорит, — есть Иван Меньшой — Разумом Большой за старшего. Что будет угодно?

Он и сказал ему:

— А кто тебе, Иван Меньшой — Разумом Большой, приказал заповедные луга косить?

— Потому что их никто не косит, а когда косят, никогда не могут сено сохранить. Слушай, вельможа, лучше, я укушу, так это будет лучше, чем столько сена гибнет. Я это вижу и потому и стал косить.

Эти слова вельможе понравились, и он поехал к царю с ответом.

Когда приезжает, царь и спрашивает:

— Ну, что, кто там косит?

— Косит один Иван Меньшой — Разумом Большой, и обсказал мне, что трава сохнет. Чем её портить, так он её скосит.

— Ну, ладно, поезжай обратно и спроси Ивана Меньшого — Разумом Большого, какой для них обед нужно приготовить?

Вот приезжает вельможа и спрашивает:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, какой для вас обед приготовить?

— Для нас? Я тебе скажу: тридцать три быка изжарь и тридцать три ведра вина приготовь.

Вельможа приехал к царю и сказал:

— Вот сказал: тридцать три быка изжарь и тридцать три ведра вина приготовь.

— Ну, хорошо.

Они стали делать, а те косили до вечера, собрали все сено. Когда собрали, приходят, конечно, к царю, у царя обед был готовой. Вот они сели за стол, выпивают и едят. Вино выпили, мясо поели. Приходит царь и начинает их

рассчитывать. Рассчитывает он их по сорок копеек. А Ивана Меньшого — Разумом Большого — в пятьдесят. Вот они эти деньги все собирают вместе и передают отцу. Тогда заговорил этому старику царь:

— Вот что, дедушко, как же ты будешь теперь кормить своих сыновей? У тебя тридцать три сына, их надо выкормить, одеть, в грамоту выучить. А лучше ты отдай мне сыновей в работники, а я тебе за это со старухой даю навеки хлеба.

Старик согласился.

— Ну, что же, если сыновья пойдут, то и я согласен.

Тогда он спросил Ивана Меньшого — Разумом Большого:

— Ну, что, Иван Меньшой — Разумом Большой, будете жить у меня?

— Будем.

Царь дает старику денег, чтобы ему хватило навек. И старик пошел домой. С тех пор старик больше не стал ходить рубить дров и стал жить со своей старухой.

Это время прожили они, значит, до осени, все братья у царя. И прошло это время, стали ночи темные, и стало сею теряться у них; неизвестно, — что косят, то меньше, — куда деваётся. Тогда заговорил царь Ивану Меньшому — Разумом Большому:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, умел сею косить, умей вора поймать.

И Иван говорит:

— Ну, братья, пойдёмте дежурить.

Вот братья по заколинам расселись, а он выстал кверху на зарод и сидит, и стал спрашивать братьев:

— Спитё ли?

Ответу нет ни от кого. Значит — все заснули. А он все сидит. И вдруг уж стало совсем тёмно, так время около полуночи, и вдруг смотрит, бежит кобылица-златогривица с тридцатью двумя жеребятками, — и жеребятки все красивые, как сама. И подходят к этому сею и начинают его есть. Едят и топчут, так сею и убавляется. И он смотрит, как бы на какого скочить, но ничего не выходит. Они не близко. И так побежали обратно и в море бросились. Теперь он встал.

— Братья, вставайте, спитё ли?

— Нет.

— Вставайте, видели ли кого?

— Нет, никого не видели. А ты, брат?

— Я тоже никого.

— Ну, пойдёмте.

И пошли все. Пришли, спросил их царь:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, видели ли кого?

— Нет, никого не видал эту ночь.

— Ну, ладно.

И вот на вторую пошли. Пришли; братья свалились по заколинам и заснули. А он сидит, его еще больше заинтересовало. Вот и стемнилось. Он стал братьев спрашивать:

— Братья, спите ли?

Молчат все.

— Ну, ладно.

А сам все смотрит. И вот стемнилось совсем, и вдруг рассветило: бежит кобылица-златогривица с тридцатью двумя жеребятами; а сам совсем спрятался, только голова немного торчит.

Вот смотрит, подходит к нему один жеребёнок, совсем уж близко стало. Он как прыгнет и схватился за гриву. Кобылица увидела и бросилась с остальными в море. Жеребёнок носился, носился по дугу по этому — никак его не скинет.

Наконец, заговорил:

— Слушай, Иван Меньшой — Разумом Большой, коли умел меня поймать, так умей завтра мать поймать, ты теперь меня отпусти, а я научу тебя, как мать поймать.

— Ну, как, скажи?

Вот он говорит:

— Как бы сегодня на ночь пойдешь — меня ты отпусти теперь, — а я завтра приду к той же заколине и буду сено есть. Мать увидит, что я стою, где пойман был, так бросится на меня, чтобы укусить. Ты скочи на меня, а через меня на неё, так только ты можешь ее поймать. А я тебя придержу, чтобы легче ее поймать.

Так он его отпустил и стал братьев спрашивать:

— Братья, спите ли?

— Нет.

— Так вставайте; видали кого?

— Нет, не видали. А ты, брат?

— Я тоже никого.

— Ну, так пойдём домой.

И так пришли они домой. Когда пришли домой, царь спросил:

— Ну, как, Иван Меньшой — Разумом Большой, видал кого?

— Да нет, и по вторую ночь никого не видал. Посмотрим, что дальше будет.

Так пережили они день. На ночь походят. Вот опять, конечно, пришли они на это место к заколинам; братья разошлись по заколинам и заснули. А Иван сел на заколину, закопался опять — только голова торчит — и сидит, караулит, что будет. И вот сейчас вдруг увидал — рассветилось, и бежит опять кобылица с тридцатью двумя жеребятами. Этот жеребёток прибежал к нему, остоялся и начал есть. Только она увидела издали — и бежит к нему. Прибежала, хочет кусить жеребётка. Как он прыгнет — перекатился через него и ухватил ее. И она и понеслась по луку по этому.

Носилась, носилась и заговорила:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, умел поймать, умей и работу дать.

— Найдем.

И скричал братьев. Братья скочили, думают зароды горят. Зароды стоят. Скочили они на коней и поехали во дворец. Приезжают во дворец, царь увидал и обрадел — тридцать три лошади, да какие!

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, молодец, поймал воров. Теперь дай мне одного коня, я поеду покататься, очень люблю кататься на лошадях на таких.

— Нет, ваше величество, лошади не обузданы, не обьезжены, надо их выучить сначала, а потом я тебе даю. Я вот съезжу сначала с братьями, обьезжу, а потом ты поедешь.

— Ну, ладно, поезжай с братьями, куда знаешь.

Он говорит братьям:

— Ну, что, братья, куда думаете поехать?

— Да не знаем, Иван Меньшой — Разумом Большой.

— Давай, поедем жениться.

— Давай, жениться, давай!

И так они поехали жениться. Вот они приезжают к одной бабушке-египтянке.

— Ну, что, бабушка, сколько у тебя дочерей?

— Девять.

— Мало этого нам. Поедем дальше.

И так поехали дальше. Приезжают ко второй. Иван Меньшой — Разумом Большой и спрашивает:

— Ну, сколько у тебя, бабушка, дочерей есть?

— У меня восемнадцать.

— Мало этого, поедem дальше.

— Ну, поезжайте к третьей сестре.

И так поехали дальше. Приезжают они к третьей сестре.

И Иван Меньшой — Разумом Большой и спрашивает:

— Ну, сколько у тебя, бабушка, дочерей есть?

— Да у меня дочерей тридцать три.

— Ну, вот хорошо. Отдашь дочерей замуж?

— Отдам.

Вот распрягают лошадей, приходят в дом. Зашли они в дом, старуха сейчас стол накрыла, невест привела, стала поить-кормить. Когда она напоила, накормила, и сказала:

— Ну, у меня закон такой: идите сейчас, гуляйте всяк со своей парой, потом придете — будете спать, и вот и жеитесь.

Братья сейчас берут своих невест и отправились гулять. И Иван пошел тоже. Только вышел из комнаты и вспомнил про свою кобылу. «Пойду, посмотрю».

Старуха спросила:

— Ты что, Иван?

— Да пойду, посмотрю ко́ней.

— Что ты, Иван, кони все накормлены, стоят в конюшне.

— Нет, пойду, посмотрю.

И пошел. А невеста стоит, дожидает. Она была меньше всех и хитрее всех. И вот, когда он подошел к кобыле, и смотрит: кобыла стоит совершенно переменная, ее ноги как будто по колен в крови. Он и спрашивает кобылу:

— Ну, скажи, моя кобылка, почему же ты стоишь по колен в крови, какую ты невзгоду чуешь над собой или надо мной?

— Над тобой, Иван Меньшой — Разумом Большой.

Она ему и говорит:

— Слушай, Иван Меньшой — Разумом Большой. Когда ты пойдешь гулять, то вот я даю тебе три дубичка. И братья твои, увидишь, разбежатся кто куда. А ты не ложись с ней спать, ништо, а вытягай этот дубичок, и начинай ее бить. Вот этот дубичок ты выломашь, она даст тебе плоточку. Потом второй выломашь — она даст тебе кременок. Ты

опять дальше начинай. Она тебя спросит: «Почему ты, Иван Меньшой — Разумом Большой, меня бьешь?» — «А вот так надо». И опять начинай бить. Третий дубичок выломашь, она тебе даст волшебный платок. Ты платок бери в карман и иди прочь, и все братья пойдут за тобой. А то вам всем, братьям, не выбраться будет отсюда. Она всех меньше и всех хитрее.

Тогда он пошел к невесте, берет ее за руку и пошел в сад. Приходит в сад и вынимает прутьшек и начинает ее бить. Бил, бил, прутьшек сломал, она и говорит: — Ну, что ты, Иванушко, меня бьешь? На, вот я тебе даю плóточку.

Он плóточку забирает и снова начинает бить. Вот бил, бил, опять это сломал, она дает ему кремешок. Он сунул в карман, опять начинает бить. И до того он добил ее, она и говорит:

— Иванушко, не бей, я тебе даю волшебный платок.

Только сунул в карман, видит — все братья идут за ним. Вот приходят они к дому. Старуха выбегает на крыльцо и заплёскала в долони:

— Эх, этот раз не удалось, все равно поймаю!

Заводит их в третий этаж и сажит всех парочками. Посадила рядом и начинает вином поить их. Братья уже здорово напидись, а он и говорит:

— Надо сходить посмотреть кóней. Мы-то пьем, а что кони у нас едят?

Бабушка говорит:

— Куда ты, Иванушко,ходишь? Чего тебе? Кони стоят, отдыхают.

— Нет, надо посмотреть.

Вот приходит, конечно, в конюшню; приходит, смотрит, кобыла уже стоит чуть не по грудям в крови. Он ее и спрашивает:

— Что ты, моя милая, стоишь по грудям в крови? Какую ты невзгду чуешь над собой или надо мной?

— Я, Иван Меньшой — Разумом Большой, чую невзгду над тобой. Смотри, пьяный не напивайся, не гляди на братьев. Придешь ты отсюда, напейся только немного. Вот напьетесь вы пьяные, и повалит она всех вас спать. На вас она положит черные шляпы, а на девушек положит белые. И в полночь покатится волшебный меч с полки и отрубит у всех вас, братьев, головы. И ты

не спи, а перед полночью ставай и перемени шляпы: на братьев положи белые и сам надень, а на девушек надень черные. А потом, когда этот меч отрубит у девушек головы, сдирай с них сарафаны, прыгайте в окно, садитесь на коней и поезжайте. Тут вам не женитьба.

И вот он пошел прочь. Пришел, смотрит, уж братья валяются под столом, кто дремлет, кто еще говорит, а она бегаёт, угощает.

— Вот, Иван Меньшой — Разумом Большой, ты что-то отстал, пей, пей больше!

— Ничего, я скоро напьюсь.

Потом она стала стелить постели, а он притворился пьяным. Положила она братьев и его тоже. И вот, конечно, приносит все черные шляпы, полагает на них, а белые — на девушек. Вышла, тремя замками замкнула, и сама пошла спать, и сказала:

— Ну, теперь ты попал ко мне, Иван Меньшой — Разумом Большой.

Иван скорехонько ставал, черные шляпы на девок полагает, а белые — на братьев, и сам притаился, лежит, а братья все спят. И вдруг слышит: сделался гром и прикатился волшебный меч, стал у черных шляп головы рубить. Порубил и укатился обратно. Он ставает и начинает братьев трясти:

— Братья, ставайте, беда близко, смотрите, что здесь, и мы были бы порублены, если бы я не переодел вам шляпы на головы. Давайте сдирать сарафаны и давайте прочь уедем, а то старуха станет, нам не жить.

И так сдирают сарафаны, берут с собой и стали спускаться. Спустились, берут лошадей и поехали.

Вот старуха утром как скочит со сна:

— Ах, ах, вот так ловко Иван Меньшой — Разумом Большой сделал! Все равно он от меня никуда не уйдет. Увез он у меня волшебный платок, потому и уехал!

Сейчас садится в огненную колесницу и катит за нимá вслед. Вот подъезжает Иван Меньшой — Разумом Большой к морю, махнул волшебным платком, мост через море сделался; поехали по мосту. Она приезжает к морю, а он уж на пол-моря едет. Она скочила на мост и поехала вслед. Вот она стала на полпути, а уж он переехал через. Махнул волшебным платком — моста не стало, она и упала в море и закричала:

— Ну, счастье твое, что ты увез у меня волшебный платок, а то бы я тебя догнала!

Тогда он сказал братьям:

— Ну, братья, вы ведь спали, пили, ели, наслаждались три дня, а я не спал, да и ел худенько. Я хочу спать.

Повалился спать под дубом, кобылу связал, рядом и лег. Лег, а братья промеж собой и стали говорить:

— А что, братья, у Ивана Меньшого — Разумом Большого жена-то была некрасива, не понравилась, так он через это и наших-то жен убил. Неужто старуха убила сама своих дочерей? Он убил; убьем мы его.

И подходят и хотят его ударить чем-нибудь. Так кобыла как даст копытом, — которого искалечила, которого убила, которого зубом порвала и не допустила близко. А Иван спит, ничего не слышит. Когда Иван выпался, и смотрит: — Что такое?

Кобыла говорит:

— А вот что: тебя братья хотели убить, что у тебя жена была нехороша, тебе не понравилась, и ты всех девиц убил, а не меч волшебный.

А тут некоторые братья еще лежали раненые. Он подошел к этим братьям остальным.

— Ну, что, братья, у вас тут случилось?

— Да вот, так и так. Я-то, конечно, не виноват, подошел, а кобыла и ранила, а братья хотели тебя убить.

— Дураки же, ну, чем вам мучиться, — взял и убил остальных.

Сел на кобылу и уехал. Вот подъехал немного, приехал на заповедный царский луг; кобыла и говорит:

— Слушай, Иван Меньшой — Разумом Большой, отпусти всех моих жеребятков, а я тебе одна буду служить и выслужу все, что ты счастлив будешь.

Он отпустил всех жеребятков, они бросились в море, а он заехал на царский двор. Когда он приехал на царский двор, то царь спросил:

— Где у тебя, Иван Меньшой — Разумом Большой, остальные кони?

— Остальные кони? А братья не знай куда уехали, разбежались, уж теперь не знаю, а я приехал к тебе.

— Ну, хорошо, поступай на конюшню.

Иван Меньшой — Разумом Большой поступил на конюшню. Дали ему лошадей. Он их кормил, холил, и лошади

у него отличались — были лучше, чем у всех других конюхов. И царь очень ценил Ивана Меньшого — Разумом Большого.

Вот эти конюхы, понимаешь, стали на него обижаться. А почему обижаться? Потому что его ценили очень. И вот стали они думать, как бы что найти, хоть малость какую, чтобы ему не быть в нашем государстве. Думали они, думали, наконец, придумали такую штуку, что они узнали раньше и слышали, что этот царь до семидесяти лет был неженатый. Сватал он одну королеву, сватал, сватал, войска сколько загубил, но не высватал, потому что она за него не шла. И они придумали такую штуку, будто Иван Меньшой — Разумом Большой хвалится, что достанет ему невесту, прекрасную царевну. Вдруг сейчас, коли царь услышал эту штуку, сейчас призывает Ивана.

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, коли ты хвалишься, что достанешь эту невесту, которую я давно желал в жены, — доставай, не достанешь — голова с плеч. Достанешь, то я тебе даю город с подгородком.

Иван и говорит:

— Слушай, ваше величество: разве я это говорил? Я и не знаю ничего. Да где мне знать, ваше величество? Я и не видал, что вы, да где же мне достать?

— Ну, не разговаривай, поезжай!

Он, конечно, заплакал, пошел прочь. Приходит к своей кобыле, плачет.

— Ну, милая моя кобылка, вот мне беда пришла.

А она ему и говорит:

— Что ты, Иванушко, плачешь?

— Да как же мне, милая кобыла, не плакать? Царь дал такой наказ, чтоб достать ему прекрасную царевну, которую он три года силой доставал — достать не мог. Да я ее и не знаю, где ж она, кто ее знает. Ой-ой-ой!

— Полно, Иван Меньшой — Разумом Большой, не печалься. Это и не служба вовсе, а службица. А служба вся впереди. Садись на меня и поедем. Конечно, дорога не так знакома, ну, найдем.

Вот поехали. Ехали близко ли, далеко, низко ли, высоко, Иван, конечно, не знает, кобыла сама несет. И вдруг приезжают в это царство. Вот кобыла подъезжает к саду тому-ко, где любимый сад был этой царевны. Кобыла и говорит:

— Вот, слушай, Иван, теперь я как заеду, — обернусь такой красивой яблоней, она не утерпит, придет эту яблоню смотреть; а ты повались под яблоней. Как она придет, ты уцепись ей за косы и крепко держись. Она будет сильно рваться, а там мы уж уедем из этого государства.

И вот когда она обернулась, сделалось все, и он сел под дерево. Сидит. Вдруг приходит эта царевна, конечно, она красивая была.

— Ох, до чего красивая яблоня! Такой я еще и не видала.

Вдруг Иван Меньшой — Разумом Большой как скочит, и уцепил ее за косы, она стала рваться; он крепко держит.

— Ох, милая кобылушка, где ты?

И сейчас он очутился уж на лошади, и мчатся. Вдруг примчались в то государство. Когда он привез ее к царю, и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, коли вы желали ее в жены, вот я и достал вам ее.

— Ну, молодец. И вот я тебе даю город с подгородками.

Когда узнали конюхы, что он достал не только прекрасную царевну, а и город с пригородками, они еще больше заноситься стали, но уж сделать ничего не могли больше. Теперь вот, когда он привез эту царевну, то приходит царь и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, я давно желал тебя в жены. Теперь уж я тебе предлагаю, чтоб ты вышла за меня замуж.

— Да, правда, я не отрицаю. Раз пришла, то надо мне и выйти за тебя замуж. Но дело в том, что у меня нет подвенечного платья. До тех пор я за тебя замуж не пойду, пока ты не достанешь мне подвенечного платья.

— Ну, где же твое подвенечное платье, кто его может достать?

Царевна говорит:

— Достать? Да кто достал меня, тот платье должен достать.

— А где ж твое подвенечное платье?

— А вот как я пропала, потерялась, то батюшко возьмет мое подвенечное платье, отнесет в собор, отпоет и зареет в землю неизвестно куда.

Царь, ни слова ей не говоря, сейчас призывает Ивана Меньшого — Разумом Большого:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, коль достал мне жену, достань ейко подвенечное платье.

— Да что вы, ваше величество, где ейное подвенечное платье? Я и не знаю, и не видел; где мне достать?

— Ну, молчи, достань, где знаешь, а то голову с плеч долой!

Вот, конечно, Иван Меньшой — Разумом Большой ничего больше ему не сказал и пошел к кобыле, плачет.

— Что ты плачешь, Иванушко?

— Да вот царь велел достать подвенечное платье, а где его захоронят — ничего не знаю, не сказал,

— Брось плакать, садись на меня, надо скорее ехать, а то, пожалуй, и впрямь захоронят.

И они приезжают в скорое время в это государство, кобыла и говорит:

— Вот слушай, Иван Меньшой — Разумом Большой: пойдешь ты по городу, увидишь нищих, и купи у них корзину или попроси. Так лучше у нищих купи, чем просить. Потом купи у них кафтан. Ну, если не будут продавать, то обменяй свой и иди, проси под окнами куски. И напросишь кусков десятка полтора, иди к собору, а там уж священники и архиереи отпевают ейное платье, оно на алтаре лежит. Становись за дворью, а я в это время забегаю золотым конем вокруг церкви. И из церкви, увидают когда меня монахи там, попы, дьячки, дьякона и все последние выйдут меня поймать, ты забирай это платье, ложи его под куски. Достанешь — и выйдешь из собору, и скажи: «Дайте, я ее на куски подманю». Только пусть близко к тебе никто не подходит. А я подбегу к тебе, вот и скажут, что скоро поймаешь, отдай нам коня. А потом я к тебе совсем близко подойду, скочи на меня, так и уедем, никто и не узнает куда.

Вот они поговорили и разошлись. Он пошел по городу. Приходит к одним нищим и говорит:

— Ребятушки, продайте мне корзинку.

— А на что тебе, молодец?

— Да нужно, продайте.

— А что, давай.

Вот он заплатил рубль им или там полтинник и говорит:

— Продайте мне кафтан с себя.

— А зачем тебе, у тебя и так хорош.

— Продайте да продайте, — говорит.

— Зачем продавать? Давай менять.

— Давай.

Вот он подал кафтан, взял корзиночку и пошел по городу. Напросил кусков пятнадцать или двадцать и приходит к собору. Вдруг забежал золотой конь вокруг собора. Когда увидал народ в соборе и загляделись, и давай бежать и бежать, все убежали, даже и архиереи, — все убежали имать, никого не осталось. Он в это время заходит в собор.

Заходит он в собор, конечно, берет, стало, это платье и закладывает его кусочками. Закладывает кусочками и пошел из собора.

— Дайте, я его на куски приманю.

Вот заманивает его ближе и ближе, совсем близко подошел. Как вскочит на него — и след простыл, нигде не стало. Приходят, конечно, священники и весь народ в собор; платье взять-повзять — нигде не стало.

— Ну, кто украл царевну, тот и платье украл.

На том и положились.

А наш Иван катит в свое царство, хоть бы что. Приезжает к царю и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я тебе и платье достал.

— Ну, Иван, молодец, я тебе даю еще один город, и пусть ты владеешь этими городами.

Теперь приходит царь к царевне и говорит:

— Ну, вот, прекрасная царевна, теперь уж тебе делать нечего, придется идти за меня замуж, я тебе достал подвенечное платье.

— Достал-то ты достал, но дело в том, что я за тебя замуж не пойду до тех пор, пока ты не достанешь мне подвенечного перстня и кареты.

— А где же твой перстень и карета? Я ведь не знаю. Скажи мне, пожалуйста, прекрасная царевна.

— Мой перстень в ящику, ящик в кареге, карета в корабле, корабль в море — на дне.

— Ну, на дне, так кто ж его достанет оттуда?

— Да кто достал платье — достанет и карету оттуда.

Сейчас он опять же призывает Ивана Меньшого — Разумом Большого.

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, сослужи мне еще одну службу, а там уж я тебе даю еще один город, и ты будешь прямо князем, этим княжеством владеть. Сослужи мне еще такую вот службу: вот достань подве-

вечный перстень и карету. Перстень в ящику, ящик в карете, карета в корабле, корабль в море — на дне.

— Да что ты, ваше величество, ведь я не кит-рыба, как же я могу в море достать.

— Ну, не разговаривай, а то голова с плеч!

И Иван пошел к своей кобыле, заплакал. Даже свету белого не видит и пути-дороги перед собой не слышит. Пришел к кобыле, пал в ноги и плачет, даже слова вымолвить не может. Кобыла и говорит:

— Что ты, Иван Меньшой — Разумом Большой, так плачешь? Какую тебе царь службу дал, расскажи мне.

— Ох, ты, милая моя кобыла, где нам такую службу исполнить, коли он такую службу дал. Ведь мы не рыба, не кит, не можем же в море сходить и из моря притти. Ведит достать подвенечный перстень и карету. Перстень в ящику, ящик в карете, карета в корабле, корабль в море — на дне. Тут и задумашься — где ж его из моря достать?

— Ну, вот, Иван, я тебе сказала, — не служба, а службица; служба вся впереди. Вот и службица. Ну, поди теперь к царю, я скажу тебе, что достать. Дорога нам не дальняя, но печальная. Тебе-то не дальняя, а мне-то дальняя и печальная. Попроси у него вина, десертов ящик, гусли, орехов и карты, и это все собери и приходи ко мне, потом и поедем.

И так он, конечно, все это собрал, и приходит к ней. Она ему и говорит:

— Ну, вот, коли ты все это собрал, так садись на меня, да давай поедем в те заповедные луга, где ты меня поймал.

Вот она привезла его на эту заколину, посадила и сама говорит:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, сиди здесь три дня, а я пойду в море, запрягусь в эту карету и вернусь через три дня. Ну, только ты смотри, не спи. В карты поигрывай, по рюмочке попивай, орешки пощелкивай, в гусельки поигрывай, но смотри — не спи. Если заснешь, то не бывать ни тебе, ни мне в живых. Если достигнут нас мои дети — кони, то разорвут тебя и меня. А если успеешь в карету пасть и взять вожжи, то тогда будешь счастливый.

И так с теми словами она бросилась в море и ушла. А Иван остался сидеть на заколине. И вот Иван сидит сутки, орешки пощелкивает, по рюмочке выпивает, в гусельцы поигрывает.

На вторые сутки его стало клонить ко сну. Его уж ничто не развлекает: ни карты, ни вино, ни гусли, ни орешки. И на третьи сутки совершенно заснул, и так крепко, что и сам себя не помнит. Спал, спал, глаза змахнул, а уж кобылица с каретой перед заколѣной остановилась, он только успел скочить в карету, схватил вожжи, — слышит жеребята загрохотали:

— Ну, счастье, Иван Меньшой — Разумом Большой, что успел во-время скочить в карету и схватить за вожжи, а то бы не бывать тебе живому, разорвали бы на мелкие части!

А Иван поехал и скрылся в царском дворце. Когда он приехал и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я тебе достал подвенечный перстень и карету подвенечную, еще ли тебе мало?

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, молодец. Я назначаю тебя наследником над этими городами, и ты будешь князем.

А сам приходит к царевне и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, я тебя всяко тешил, и достал, как ты желала, подвенечный перстень и карету. Теперь осталось нам только с тобой повенчаться.

— Повенчаться-то недолго, и я повенчаться всегда согласна, только вот какое дело. Вот у меня батько никогда не бывает старый, а ты старый. Когда батько мой бывает старый, дак он молодится, и делает это так: он наливает три котла, в один — воду студеную, в другой — кипяченую воду, в третий — молоко кипяченое и купается. Сначала в кипяченом молоке, потом в кипяченой воде, а уж потом в студеной воде, и выходит такой молодой и красивый, что делается в три раза лучше прежнего.

Вот он, конечно, думает:

«Мне-ка выкупаться ништо, а сперва я сделаю опыт на Иване».

И призывает Ивана Меньшого — Разумом Большого. Когда призвал, и говорит:

— Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, сослужи ты мне еще службу: выкупайся в трех котлах — в кипящем молоке, в кипящей воде, и потом в холодной воде — и будешь молодым.

— Я, ваше величество, и так нестарый.

— Ну, будешь красивым.

— Так вы что думаете, ваше величество, я вам мало служил, видно, что вы еще выдумали меня в молоке сожгаты?

— Ну, не разговаривай, а то — голова с плеч!

Иван ничего больше не сказал, пошел, заплакал. Пришел к своей кобыле, пал к ногам и плачет. Ничего сказать не может, только проговорил:

— Ну, прости, моя кобылка дорогая, мне в живых не бывать, — и больше ничего сказать не может.

Кобылка начинает его спрашивать:

— Ну, что ты, Иванушко, заплакал, видно, царь тебе еще какую службу дал?

— Да как мне не плакать, как царь теперь задумал меня в молоке живого сварить, в кипящей воде обожгаты, теперь уж мне живому не быть и тебя больше не видаты!

Тогда и говорит ему кобыла:

— Пет, Иван, еще это не беда, лишь бы больше не была. Теперь последняя тебе беда. Поди на двор, да и раздевайся. Там соберутся все зрители смотреть, и царь и царевна, и конюхы, и прочая публика. Когда ты разденешься, рубашку скинешь со себя, еще в подштанниках, скажи: «Ну, приведите мне кобылу в последний раз ее повидаты, уж все равно мне больше ее не видаты». Когда меня приведут, ты приготовься, и как только я кругом котлов обойду и наклоню голову над котлом, где молоко кипит, — ты сразу и ныряй в этот котел, а в это время я уж схожу к другому и третьему котлу, ты так из котла в котел и скачи. И выйдешь из последнего котла таким красавцем, что все завидовать будут, и даже сама царевна будет завидовать твоей красоте. А тогда поневоле пойдет царь купаться.

И как Иван приходит на двор и начинает раздеваться, тут собрались все смотреть. Царь и царевна и вся царская свита, до последнего конюха. Тогда он раздел рубашку и говорит:

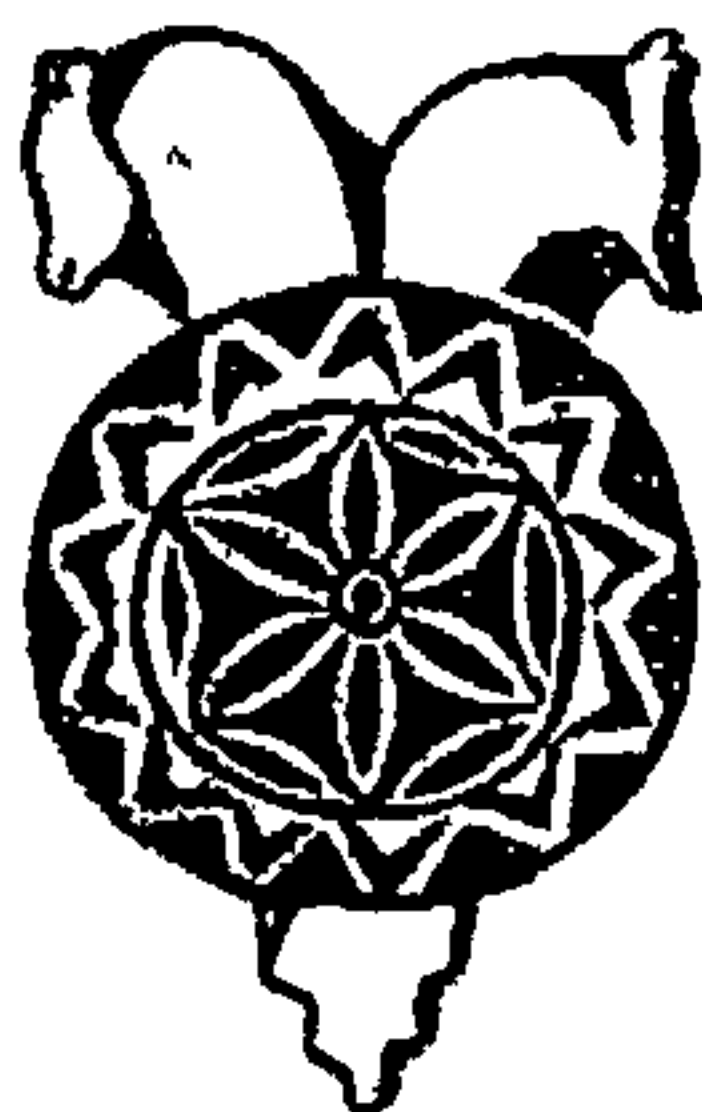
— Но, ваше величество, дайте мне последний раз посмотреть на мою кобылу. Как я на ней ездил, добывал тебе все, так желаю в последний раз взглянуть и уж потом купнусь.

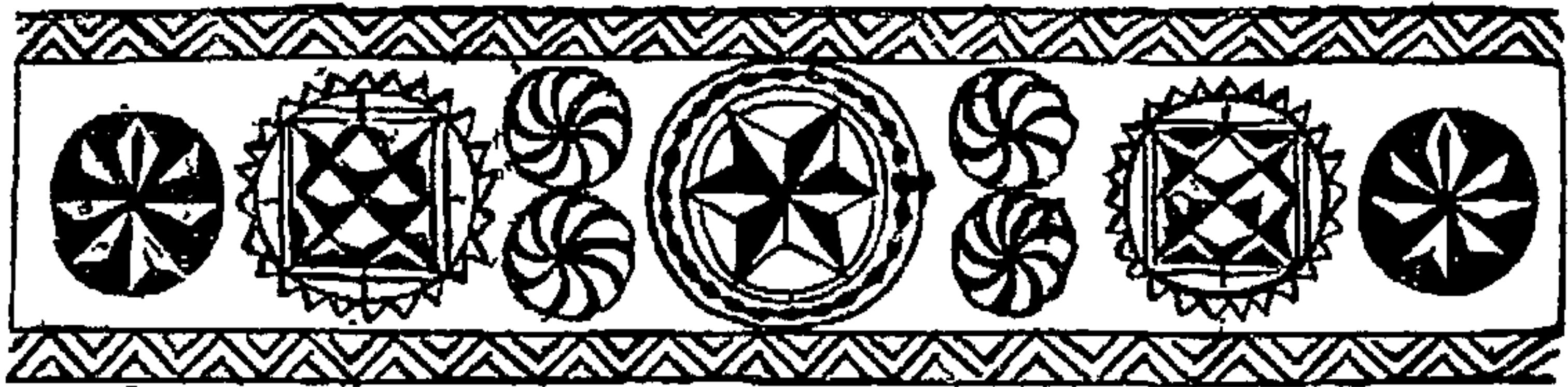
— Но, ладно, приведите, слуги, ему кобылу.

Когда привели кобылу, то она сейчас обошла кругом котлов, и как только опустила голову в первый котел, он сейчас и нырнул в молоко. Кобыла тем временем подошла

ко второму котлу. И Иван из молока — прямо во второй котел, где кипящая вода, нырнул, а оттуда — в третий котел. И вышел таким красавцем, что хоть и раньше красивый был, а теперь в три раза вышел краше. Все удивились, а королю стало завидно. Он начинает раздеваться (*но как-то ты вынырнешь из котла, у Ивана-то крестный хсроиши, а у тебя-то той кобылы нет*). И скочил в первый котел. Прошло уж два часа, и, значит, видят, что уж он на куски там раскипел. Царевна подходит тогда к Ивану, берет его за белые руки и сказала: — Ну, Иван Меньшой — Разумом Большой, коли ты меня достал, тебе мной и владеть. Идем к венцу и правь потом престолом.

И так они пошли к венцу. Повенчались, конечно, Иван Меньшой — Разумом Большой получил престол. Этих конюхов, которые на него доносили все, он сказал, иных рассчитал и нанял себе других. С тех пор живет, поживает и беды никакой не знает. И я там у него был, пивовино пил, по усам текло, конечно, в рот не попало. Дали мне там синь кафтан, я иду и хвалюсь. Вот у меня и синь кафтан, вот у меня и синь кафтан, а птичка на кусту сидит и говорит: «Синь кафтан». А я думаю: «Скинь вафтан». Скинул, и так без кафтана и пришел. Тут и сказка вся, больше врать нельзя.

— ЧОРТОВ ЗАВОД

Вот был-жил купец, ну, он был, конечно, богатый, и ему все было охота на одной реке построить завод, а детей у него не было никого. И чтобы этот завод работал водой, а не как-нибудь. И вот однажды он говорит жене:

— Ну, жена, ты оставайся дома, смотри за торговлей, а я хоть год прохожу, а найду мастера для этого завода.

И вот так он распростился и ушел. Прошло месяц, и два, и три, а она осталась в положении; он, конечно, не знал.

И вдруг встречается ему навстречу в хорошем обряде человек высокого роста:

— Здравствуй, товарищ купец.

— Здравствуй, здравствуй, добрый молодец.

— Куда отправился?

— А куда? Не нужно было — не пошел бы; да вот уж четвертый месяц иду, да никак не могу найти, что нужно. Вот нужно работать завод на одной реке, а мастера не могу сыскать.

Заговорил человек высокого роста:

— Найми меня, купец, мастером, я те сработаю, только не раньше, чем через три года; это не шутка — завод на реке. И я с тебя недорого возьму.

— Ну, так скажи, сколько ты с меня возьмешь за завод, за работу?

— А сколько с тебя взять? Да я вот с тебя немного возьму: вот дай мне незнаемое дома, вот только и возьму. А я тебе сработаю завод; только срок три года.

Купец подумал, подумал: «Что у меня незнаемое дома? Жена у меня осталась, детей сроду не бывало, скот я знаю, торговлю знаю, а только четыре месяца дома не бывал, что там такое? — я не знаю. Ничего нет, а если он без денег сработает, так это, пожалуй, дешево».

Подумал, подумал и говорит:

— Ну, давай, работай завод сроком на три года.

И вот стали они писать договор.

Вот они сделали договор, купец подписался, мастер подписался и говорит:

— Ну, иди теперь домой, а я к тебе через месяц приду.

И купец ушел. Вот приходит он домой, жена выходит, встречает и несет на руках мальчика и девушку. Он сразу и подумал: «Эх, я какой, думал — дешево, а теперь жалко. Ну, ничего уж не сделаешь».

И ничего он, конечно, не сказал. Не прошло много времени, как приходит мастер. Этот мастер был сам чорт. И вот он работает целый год. Уж ребята стали большие, бегают. И так растут быстро, что не по дням, а по часам.

На втором году уж парень забежал на улице и стал играть с ребятами. И его звали Ванюшей. И он сделал такой самострельчик шутбóвой и все ходил стрелять. И раз запустил бабушке в окно стрелочку и разбил окно старушке.

Эта старушка выбежала и закричала:

— Эх, ты, выкормок отцов, посулёнок ты мастера! Отец тебя мастеру посулил, который завод работает, скоро тебя мастер увезет отсюда с сестрой; не будешь ты у меня окна бить!

А эта старушка знала колдовать.

Ну, вот он приходит домой, конечно, заплакал и говорит отцу, матери:

— Ну, как ты меня, отец, посулил мастеру, и он нас отсюда увезет со сестрой.

— Брось ты, Ванюша, — говорит, — что там тебе старуха наговорила, это потому что ты разбил окно у нее.

А мать ничего не знает; а сестра была совсем маленькая, звали ее Марья. Так убедил парнишка, парень опять по-старому стал играть.

Вот парень забыл про все про это и как-то раз опять стрéлил старухе в окно.

Опять старуха ему и говорит:

— Такой ты сякой, отцовский посулёнок, отец посулил тебя мастеру, — скоро уйдешь ты отсюда, не будешь у меня окна бить!

Он опять пошел со слезами к отцу.

— Слушай, отец, скажи мне, ты посулил меня мастеру, уж скажи мне, бабушка не зря говорит.

— Да брось ты, Ванюша, опять тебе бабушка наговорила.

— Ну, коли так, так дай мне денег, надо пойти бабушке заплатить.

А сам думает: «Не говорит он мне, а надо пойти к бабушке узнать, не даром это все».

Вот отец дал ему денег, он и пошел к бабушке, а мать слышала все это, плачет, а уж что ей делать. И вот он пошел к старухе, а это уж было на третьем году, месяца уж выходить стали, скоро завод готовой.

— Вот, бабушка, прости меня, что я окна разбил, уж по глупости, а я вспомнил, что тебе надо деньги заплатить, и принес. А ты мне скажи, как отец меня мастеру посулил. Хочу я правду узнать, а отец стоит, не сказывает.

— Так, дитяtko, осулил вас отец мастеру обоих со сестрой. Хорошо, что пришел ко мне, так я уж научу, как убежать вам отсюда. Пока еще есть месяц времени, а тогда уж не убежать будет.

Потом она и говорит:

— Вот, Иванушко, я тебе даю плóточку, кремешок и жилеточку и расскажу, как действовать. Вот иди к отцу, к матери, да вели пекчй подорожничков. Вот как напекут подорожничков, вы и уходите. Он станет вас нагонять, ты брось плóточку и скажи: «Станьте, лёсы темные, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы этому злодею не пройти, не проехать». Станет лес дремучий. Вот как опять станет нагонять вас, брось кремешок и скажи, что «станьте, горы темные, от земли до неба, от востока до запада». Вы станете за горами, и он опять будет вас достигать, а в эту пору вы придете к речке. И скинь эту жилеточку со себя, махни по ветру, и образуется лодочка. И вы переедете речку, а там стоит домичек, и там живет старичок. Вот у этого старичка вы и будете жить. А через эту речку он не попадет, не только не попадет, а не смеет он перейти.

Бабушка это все рассказала, и он пошел к отцу. Приходит к отцу и к матери и говорит:

— Ну, отец, коли ты отдал нас мастеру, то пеките подорожнички, надо нам отсюда уходить.

Вот мать плачет, говорит:

— Куда вы пойдете, как вы еще маленькие?

— Что делать, такая судьба.

И отец плачет, говорит:

— Да я не знал, да то, да сё; чорт с ним и с заводом, да и с мастером!

Ну, делать-то нечего. К утру они спекли им подорожничков, ребята встали, поели, попили, взяли по котомочке и отправились. Мастер дорабатывает завод, конечно, и не знает этого дела. Они идут, идут все путем-дорогой, все вперед попадают. Еще малые, где посядут да поотдохнут, а все вперед попадают. А уж мастер узнал это дело, что ушли ребята.

— Ну, ладно, все равно мои будут.

И вот он спешит, дорабатывает; дорабатывает и говорит кушцу:

— Ну, готов завод; где ребята?

— Да, ребята ушли, чтобы тебе наготове, а нам на них и не смотреть.

— Ну, ладно.

И пустился их догонять. Бежит, бежит; вот уж и увидал их и закричал:

— Дождайтесь, дети, вместе пойдём!

Вот Ванюша услышал и бросил плоточку.

— Станьте, лёсы темные, от земли и до неба, от востока до запада, чтобы этому злодею не пройти, не проехать!

Вот он прибежал к этим лесам. Ну, что делать? Лёсы стали. Стал грызть, ломать, и прогрызся, а в эту пору ребята далёко ушли.

И вот опять догони и закричал:

— Эх, ты, Ванюшка, какой, научился колдовать. погоди у меня. А ты, Маша, погоди. Коли остановишься, я тебя возьму, а его убью.

Ванюша ничего не говорит, бросил кремешок и сказал: — Станьте, горы темные, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этому злодею не пройти, не проехать!

Вот, что ему делать? Побежал опять в эти леса, стал бить да ломать дубьё, чтобы горы прогрызть. Вот пока бежал туда да обратно, ребята далёко ушли. И приходят ребята, видят такой бурливый поток, дак только гром

стоит. Ванюша скидывает жилеточку со себя, махнул, и поток сразу стих, образовалась лодочка. Вот они переехали через, он опять махнул, и порог опять зашумел. И видит, что за порогом там стоит, но голосу никакого не слышно. Вот они пошли вперед. Шли, шли, шли и видят, что стоит дом. И зашли они в этот дом, и в доме никого нет — пустой. А на столе еды много, есть, что поесть. И есть не смеют, хотя есть хотят. Потом уж Ванюша заговорил:

— Ну, сестрица, возьмем немного, как уж есть очень хочется, а потом захоронимся где-нибудь. Однако мне бабушка сказала, что живет дедушко один; уж он с нами ничего не сделает.

Они немножко поели да взяли в печь и сгоронились. Спят — не спят, а сидят и думают: «Что нам теперь будет?»

Вдруг слышат — идут. Впереди бегут кобели, а сзади старик. И пришел, пихается в дверь и садится на лавку. И эти кобели взглянули в избу, туда, на печь и узнали, что есть люди, начали лаять. А старик заговорил:

— Цыц, кобели, если есть там кто, так выйдут.

Да, вот старик и заговорил:

— Слушайте, кто есть, выходите, если старые старички — то пусть моимъ братьями, если старые старушки — то пусть мне сёстрами, если молбды молодцы — пусть сыновьями будут, а если молбды девушки — то дочерьми будут. Выходите, а то плохо дело, как кобели достанут!

Ну, что делать? Они и вышли.

— Эх, вы какие малые деточки. Ну, откуда вы?

Они, конечно, все ему обсказали.

— Ну, вот и хорошо: живите у меня с богом, никто вас не найдет здесь, а сейчас садитесь есть.

Они, конечно, с радостью сели за стол и начали есть. Потом дедушко и говорит:

— Вот, Иванушко, живи у меня здесь вѣки. Тебе отсюда не попасть никуда; и ты, дочка, живи как сестра ему. Готовь нам обед или что там по хозяйству, а мы уж с ним будем свое дело делать. А вот живите здесь, пока я жив. Я, Иванушко, тридцать лет хожу, себе могилу копаю, все выкопать не могу, со своимъ кобелями. И вот слушайте, кобели, когда я если умру скоро, то во всем слушайтесь Ивана. Служите и помогайте ему, как и мне служили.

Сейчас вскочил один кобель к дедушку на шею, а другой к Ивану, и говорит:

— Будем во всем помогать и слушаться Ивана-купеческого сына.

И теперь он говорит еще:

— Вот, Иванушко, я завтра опять пойду в лес, а ты походи погуляй хошь с ружьем, хошь как, только не уходи далёко от дому, а то сестре будет скучно. А если солнце на запад придет, и кобели прибежат одни, значит, уж не будет больше меня, я буду мертвый.

И так переспали они ночь, дедушко пошел в восемь часов, а Иванушко пошел прохаживаться, так часов в десять. Сестра осталась, конечно, по дому, так коё-чего прибирать. И вот он так, немного проходил и приходит обратно домой. Стали дожидать дедушка; уж чаек попили — дедушка все нет и нет. Уж солнце на западе, и кобелей нет.

Они соскучились. И вдруг смотрит Иванушко, бежат кобели одни, а дедушка нет. Он и подумал: «Вот и помер, нет у меня больше дедушка».

Вот прибежали кобели и бросились к Ивану на шею. — Ну, ладно, ребята, что же делать, будем жить без дедушка, только помогайте мне во всем.

Так и начали они жить одни, только кобели с ним. Куда Иван, туда и кобели с ним, ни шагу не оставались. Вот он, конечно, походит в лес, берет ружье, и кобели идут за ним, а сестра все остается дома. И так он все каждый день ходил охотиться. Птицы им хватало. Он все дичь носил, и так они жили.

И раз опять ушел в лес. Сестре что вздумалось?

— Сложу я, пойду на речку, стоит ли этот чертенок там?

Собралась и пошла.

Приходит к речке и смотрит, там чертенок за речкой кричит:

— Эх, Маша, перевези меня, мы с тобой будем жить, а брата погубим. Тебе с братом не жить все равно, а мы с тобой будем жить.

— Так как же я тебя перевезу, такая бурливая река, мне тебя не перевезти будет.

— Перевезешь. Возьми у брата там жилеточку, есть в спальней; махни жилеточкой, образуется лодочка, и в этой лодочке ты меня и перевезешь.

И она подумала: «А что мне-ка, с братом жить не будешь. Надо мне кого достать».

Пошла в спальню, достала эту жилеточку и пошла к речке. Приходит к речке, махнет этой жилеточкой. Речка стихла, и образовалась лодочка. Вот перевезла она этого чертенка, жилеточку положила на старое место. А он ей говорит:

— Ну, Маша, мы с тобой будем жить вместе, а брата убьем. Придет он, мы и убьем.

Да, и вот, конечно, на вечер дело пошло. Идет Ванюша с кобелями. Чертенок взглянул в окно.

— Ох, — говорит, — дедовы кобели идут, разорвут меня вместе. Я думал, дед умер, так и кобели вместе, а так они меня разорвут. Оберни меня булавочкой, да сунь в косу, иначе не спастись мне.

Ну, сейчас он обернулся булавкой, сунула она его в косу и притворилась больной.

А эти кобели как прибежали, так бросились в избу, поднялся лай такой, шум, что дух нечистый, готовы эту сестру прямо разорвать. Вот она, конечно, притворилась, заплакала, говорит:

— Братец, уйми кобелей, я незамогла, не могу унять кобелей.

— Цыц, кобели!

Вот он ничего про это не знает, сел за стол, поел, потом повалялся спать. А сестра ушла в спальню спать. А черт ей и говорит:

— Слушай, ты притворись больной. А здесь ходит такой медведь волшебный, он никого не пропускает, всех людей ест. Ты скажи: «Братец, принеси-ко мне от этого медведя шерсти». Он пойдет, тот его и разорвет. Так мы от него и избавимся, и от кобелей его, и от самого.

И вот она утром встает, пришла к брату и говорит:

— Слушай, братец, сходи в лес, я во сне видела, там есть медведь, достань ты от него шерсти, я попарю ее в молоке, так и поправлюсь.

— Ну, ладно, сестра.

Берет кобелей и пошел в лес. Идет, конечно, в лес, приходит в чащу. Смотрит — медведь навстречу. Кобели залаяли, берет ружье и хочет в него стрелить. А медведь говорит:

— На что ты хочешь, Иван-купеческий сын, меня стрелить?

— Да вот, сестру надо вылечить, попарить шерсти в молоке, она и поправится.

— А чем, — говорит, — меня стрелять, так я и сам пойду.

— Ну, идем вместе.

Медведь побежал. Вот они идут на вечеру, уж теперь их четверо стало. Чертенок смотрит в окно:

— Вот беда, медведь еще волшебный идет. Теперь мне не спасенье. Пихай меня скорее в жараток иглой, да не давай им пахать пепел. Скажи: «Братец, я не могу, ради бога уйми».

Вот только они в избу прибежали, поднялся у них шум, они в жаратку, ворочают пепел.

Она закричала:

— Братец, ради бога уйми, печь всю разворочают; я не могу обирать, всю разломил!

— Цыц, кобели! Садись, Миша.

Тот сел. И вот поужинали, конечно, повалились спать. Мишка повалился в ноги, а кобели по бокам. А она ушла в свою комнату. Вот он и говорит:

— Слушай, сядни такое дело надо сделать: в лесу есть соловей, засвистит, так листья сыплются, клюв на аршин железный, а уж как клюнет, так и смерть. Вот если достать от него перо.

И вот он утром встает, она и подходит к нему:

— Слушай, братец, я ничего не могла поправить, а как во сне видела, что есть в лесу соловей. Вот достань от него перо.

— Ну, ладно, сестра, я пойду.

Собирает свою дружину, опять пошел.

И вот вышел в лес и видит — сидит соловей, а собаки во-всю лают. Он вынул ружье и хочет стрелить, а соловей и заговорил:

— На что ты, Иван-купеческий сын, хочешь меня стрелить?

— Да вот, надо поправить сестру, достать ей перо.

— Ну, коли ей надо поправиться, я и сам полечу.

И полетел вслед за ним. И пришли; он как взглянет в окно:

— Ну-ко, еще и соловей летит. Теперь спасай меня, как знаешь, сунь-ко меня булавкой в косу, иначе никак не спасись. Он как дознает, так беда, он еще хуже их всех!

И вот они в избу залетают, шум подняли еще пуще старого, а она там орет:

— Братец, помоги, твои кобели и меня разорвут, да и зверье все!

— Цыц, кобели, лежи, Мишка!

Дал им поесть и сам поел. И повалились спать. А она уже лежит там, не шевелится. Дал ей перо.

— На, сестрица, попарься и поправляйся.

И вот пошел он когда спать, чорт и говорит:

— Ну, вот что, нам уж с ним ничего не сделать, а только одно еще. Пусть он сходит в тот завод, который у отца сработан, и принесет оттуда опилку. А у меня такой сработан завод, что кто зайдет туда, оттуда не выйдет. Они все туда зайдут, и не выйдут больше.

И вот она утром встает и говорит:

— Вот что, брат, сослужи мне-ка еще службу, а уж если и это не выйдет, тогда все равно помирать. Сходи-ко в этот завод, который у батюшка работал мастер, принеси мне-ка оттуда опилку.

— Ну, ладно.

Поел и пошел. Немного отошел, ему и говорят соловей да медведь:

— Слушай-ко, Ванюша, тебе надо остаться здесь, а мы-то уж пойдем, да и сходим. Пусть люди работают, очистить надо этот завод. Мы-то пойдем, да и сходим. Конечно, тебе уж хорошего не будет. Он уж тебе скажет: «Теперь ты попал, я тебя съем», ты ему скажи: «Уж дай-ко мне в банне вымыться, давно в банне не бывал, а там и ешьте, уж все равно помирать». Они тебе дадут, а ты топи такими мозглыми дровами, промедляй время, чтоб мы успели тебе на выручку. Мы уж обратно придем к тебе не землей, а подземельем, прямо к тебе в баню, а уж когда мы придем кто-нибудь к тебе, ты тогда скажи: «Нá, поди, ешь».

Вот они ушли, конечно, и он пришел обратно, а он сидит с сестрой:

— Ну, вот, Ванюша, уж долго я тебя искал; теперь ты попался, я тебя съем.

Он и стал молиться:

— Слушайте, дайте мне-ка баню истопить, уж я ходил-ходил, долго в банне не бывал; дай попарю косье, а уж там ешьте.

Сестра и говорит:

— Ну, дай ему, пусть истопит баню.

И вот он, конечно, вышел эту баню топить, нарубил

худых дровишек, топит, а дрова никак не горят. Тот прибегает:

— Ну, что, готово?

— Да что ты, дрова никак не горят, не могу даже и баню истопить.

— Ну, скорей, скорей!

Ушел. Вот маленько вытопил тамотки, опять приходит:

— Ну, скоро ли?

— Да вот погоди, только мыться начинаю, чад, да и вода холодная.

— Ну, скорее, скорее, в третий раз приду, так будь готов!

«Вот, — думает, — если не успеют теперь, беда мне будет».

Вот смотрит, уже целится соловей из-под полка́ прямо, и Мишка целится, и кобели там.

— Был ли?

— Был, был; скоро опять придет.

А он на полкѣ там моется. Вдруг прибегает в третий раз.

— Ну, еще скоро ли?

— Да уж готово, все равно теперь.

Вот как он голову только вытянул, соловей как даст ему клювом, Мишка как смял его, а кобели всего на куски рѣзорвали. Вышли они из бани и сожгли всю баню. Вот она услышала, идет — плачет, ничего не говорит, только плачет. Начала рыться в пепле. Рылась, рылась, нашла зуб от чорта и завязала в узелок. Сама ничего не говорит, только плачет. И он ей ничего не говорит. Уж знает, почему сестра такая — плачет.

И вот, конечно, он начал говорить:

— Ну, что ты, сестра, такая туманная? Тебе здесь жить скучно — пойдем в какое-нибудь царство, там жить будем, там веселее тебе будет.

Она согласилась.

— Пойдем, — сказала.

И вот они пошли попадать. Соловей, медведь, а также кобели пошли вслед за нимá. И вот идут, идут и идут, не знают и сами, куда идут. Нигде не встречают ни села какого, ни города, ничего не видать. И вот увидели — стоит домишек небольшой.

— Давай, зайдем.

Приходят, конечно, к этому дому. Вот когда пришли к этому дому, и смотрят, все человечье косье кругом

наружи, ничего целого нет: руки да головы, да ноги и еще коё-чего нарыто.

— Ну, ладно, ладно, ребята, пойдем в избу, все равно.

Медведь идет вперед, за ним соловей летит, и кобели бегут. Заходят в избу и видят — сидит девушка, плачет. Он подошел к ней и говорит:

— Что ты, красавица, плачешь, чья ты есть и какого государства, и чего ты сюда приехала?

— Как же мне-ка, добрый молодец, не плакать? Меня отравили змёю на съедение. У меня был какой-то спаситель, да скрылся.

— Не плачь, прекрасная царевна, мы убьем этого змёя, и нечего тебе плакать.

Она, конечно, обрадела и не стала плакать, а он говорит сестре:

— Вот сиди с ней, утешай, чтобы не плакала, а мы пойдем к озеру.

Берет свою дружину. Вот, конечно, стал он к озёрку, сел и смотрит: стала вода выставать. Выстала шесть раз, а на седьмой раз вылез шестиглавый змей.

— У, какой царь, дал царевну, да еще какого-то зверья, да молодец тут. Ну, хорошо, теперь пообедаю!

Заговорил ему Иван-купеческий сын:

— Да, пообедают кто-нибудь, только не ты.

Змей озлился.

— Ну-ка, Миша да соловей, справьтесь с ним!

Соловей бросился, клюнул его — одна голова долой. Мишка пошел, да и кобели не отставают. Рёзорвали его на куски, — которые съели, которые к чорту пустили, развеяли и прикончили совсем. Он к нему и не прикасался. Царевна увидала — дело хорóшо, спасёна. Вот он пришел к ней.

— Вот, прекрасная царевна, ты теперь освобождена.

— Вижу, что освобождена. Ты скажись, кто ты есть?

— Я есть Иван-купеческий сын.

— Ну, вот, будь ты теперь моим мужем, — и дает ему именное кольцо свое. — Приходи ко мне на пир, а уж там я тебя узнаю по этому зверью и по кольцу своему.

— Ладно. А я еще останусь здесь на сутки, обожду, а там посмотрю, что будет.

А этот, который поехал спасать, подъехал к ней и говорит:

— Ну, если ты теперь не скажешь, что я змея убил, тебе худо будет.

— Ладно, уж как мы с тобой поехали, так скажу, а его я не знаю.

И так они поехали в царство. И Иван обождал сутки, на вторые сутки приходит в царство, к бабушке к одной, и попросился на квартиру. Когда они пришли, им и поесть нечего. Он и говорит:

— А что, ребята, как бы кто сбегал, у нас там осталась скатерётка-хлебосолка, ее бы принести, а то и поесть нечего.

Вот говорит соловей:

— Я бы полетел, скоро слетал, да нести мне неудобно, негде держать.

Мишка и говорит:

— Я пойду, пока вы тут, и принесу.

И поцёр. Прибежал, да не только скатерётку-хлебосолку принес, и весь стол прицёр.

— Жалко, — говорит, — там оставлять, чего там.

И вот они расселись кругом этого стола, стали есть. Иван и говорит:

— Бабушка, садись с нами, пообедай, у тебя еще такой пищи не было.

Бабушка тоже села с нимá. Пообедали все.

— Вот сегодня, — говорит, — переспим, а завтра надо идти к царю на бал.

Переспали ночь, он и говорит:

— Ну, ребята, теперь я пойду.

Мишка и говорит:

— Слушай, возьми меня с собой.

— Ничего, я один пойду, а случаем чего, так и все прибежите.

— Ну, смотри, как бы не было худо.

— Ничего.

И пошел. А там у этого была поставлена стража. Вот он идет себе, только к страже подходит, его кряду же узнали, захватили, убили и за город бросили. Соловей догадался:

— Знаете что, у нас хозяина живого нет.

Сейчас они побежали в город; бегали, бегали, народ перепугался, ну, найти не могут. Вот выбежали за город, а он и лежит. Соловей и говорит:

— Вот собирайте куски, а я сейчас слетаю за живой водой и за мертвой.

Пока они тут собирали, заложили в кучу, а уж соловей обратно прилетел. Собрали они куски, сырсунули, Иван встал.

— Да, долго я спал!

— Ну, Иван-купеческий сын, вот учись теперь, как один ходить.

— Да, теперь один я больше не пойду.

И говорит:

— Ну, Миша, теперь мы пойдем с тобой двое, а вы пойдите домой. Какой случай, дак ты, соловей, узнаешь.

— Ну, ладно, двое, так не беда.

Они пошли. А те прилетели домой, сели есть, и тут сестра и бабушка с ними. Они не знают, а звери ничего не говорят им. И когда они идут, то все смотрят, идут медведь и человек. Вот пошел медведь лапами размахивать, и так пришли на пир. Медведь залез под стол, да и сидит себе. А этот спаситель-то сидит себе с невестой. Невеста чарами обносит и думает: «Что это так долго не находится Иван-купеческий сын?»

И вот Иван сел за стол, она обносит. Обносит, пришла очередь и до него. Он выпивает эту чарочку, спускает ей на поднос кольцо. Она берет это кольцо в руки и говорит:

— Ну, батюшко, дозвожь мне теперь слово сказать.

— Ну, дочка, говори, что?

— А вот, — говорит, — батюшко, что я тебе скажу. Не тот мой муж, который рядом сидит, а тот, который кольцо подал. Он змея убил, и я ему дала кольцо. У него есть сестра и дружина — зверье.

— А может, его и нет здесь, какой он спаситель тебе?

Это заговорил тот, который сидел с ней рядом. Вдруг Иван встает на ноги.

— Ошибаешься, я здесь, хотя ты меня и убил, но я ожил и пришел сюда.

Вылезает медведь.

— А вот и медведь здесь, а остальные, наверно, у него дома, — это царевна.

— Ну, Миша, бежи, зови всех.

Вот он сейчас сбегал, и все пришли на пир. А гости смотрят на них, как на чудо. Потом сказал царь:

— Ну, Иван-купеческий сын, коли ты спас мою дочь, садись на его место, а с ним что хошь делай, воля твоя.

И он сказал:

— Ну-ка, Миша, бери его.

Мишка схватил, соловей подлетел, куда дунет его носом, так и конец. Мишка схватил его лапой — только мокро. И сами выстали обратно на пир. Вот пришли, конечно, на пир, пир продолжался три дня.

Иван-купеческий сын женился на царской дочери и получил пол-царства.

Вот он живет с ней год. И это зверье с ним, как прежде, и сестра с ним вместе живет. И в одно прекрасное время повалился он спать с женой, и заснули они крепко, а комната была пóлая. И вот эта сестра, что ей в ум взбрелось? Она берет этот чортов зуб и спускает ему сонному в рот, и он умер. Умер, тогда царь — что делать? Продержали сутки его, двоим, с мертвым делать нечего. Он спросил:

— Как по вашему обряду хоронят покойников?

Она ответила:

— А вот у нас как хоронят. Делают сперва гроб, а потом полагают в гроб и набивают кругом его железные обручи. А потом отвезут, да в море бросят.

Ну, конечно, это так и сделали. Отвезли, да в море и бросили. Ну, зверье и беспокоится:

— Где же у нас хозяин? Нет его.

И вот соловей и говорит:

— Вы бегайте по земле, а я полечу по морю.

И все отправились по разным сторонам. И вот те бегали, бегали, нигде найти не могут. А соловей прилетел и говорит:

— Я нашел гроб, на одном острове прибило, пойдете скорее.

И отправились они, конечно, вглубь, по морю, и в скорое время приплыли к этому острову. И сейчас же этот гроб взяли, оборвали все, вскрыли его, смотрят, он лежит. Вот соловей смотрел, смотрел, да и Мишка, да и кобели.

— Ну, ребята, знаете что? Нам придется кому-нибудь одному помереть из артели. Тут это сделала все сестра по насердке. Она спустила ему зуб чортов, и кому его достать, тот и умрет. А кому умереть — давайте кином жребий из четверых.

- И выпала очередь Мишке тянуть изо рта зуб.
- Вот беда-то, как я теперь лапу в рот пропихаю?
- Мишка давай по острову бегать. Бегал, бегал, поймал зайца и принес его ко гробу и говорит:
- Ну-ко, зайнька, у тебя лапка узенька, кривая, достань у него этот зуб изо рта, тогда я тебя отпущу.
- Вот заяц — что делать? Надо уж делать. Дернул, достал зуб, а Мишка отпустил его, он и убежал. Хозяин и встал.
- Фу-фу, как долго спал!
- Да, долго, это уж сестра твоя. Спустила тебе зуб, ты и помер. Спустили тебя в гроб, да в море, мы и нашли тебя.
- Ну, спасибо, ребята. Другожды сестра этого уж не сделает.
- Ну, ладно. Тогда он и говорит:
- Ну, ребята, теперь попадайте, а ты, соловей, меня неси. Сел на соловья и полетел, как на ероплане.
- Жена поплакала — делать было нечего. Сидит с отцом раз и смотрит в окно.
- Папа, смотри, да ведь это муж мой летит на соловье, больше никому.
- Да как же он может, ведь мы его сбавили.
- Да так уж, у него дружина такая, доставила его, да и все.
- Не знай, дочка, у тя в глазах мерещится, что-то плохо верится. А ведь верно, верно, — он летит.
- Прилетает он на двор, а в избу не заходит. Выходит дарь, выходит царевна.
- Ну, почему ты, Иван-купеческий сын, не идешь в избу?
- А вот до тех пор не пойду: кликните мне сестру сюда на разговор на один, я у нее кое-что спрошу, а потом зайду.
- Вот ясно, что уж раз требуют сестру — сестра выходит.
- Ну, что тебе, братец, надо?
- А, сестра, отомстила ты мне за чорта, спустила зуб, ну, я тебя больше не прощу. Ну-ко, соловей, расправься с ней!
- Соловей как дернул носом, она и померла. Вот приказал он сделать гроб, и похоронили ее в землю, как полагаются, а не то, что она сказала. Вдруг прибегает все его войско.

Он приходит в дом, завел все свое зверье, напоил, накормил.

Царь собрал пир; он, конечно, все обсказал, как он вышел из дому, как путешествовал и как сестра его загубила второй раз. Тогда он сказал соловью и Мишке:

— Ну, ребята, если желаете жить со мной, то живите, а если не хотите, то идите, а в случае чего, если понадобится, то я вас повежю.

— Хорошо, тогда мы пойдём.

— А вы, кобели, оставайтесь, тако уж благословенье дедушка, живите до моей смерти, а там уж видно будет.

Потом он стал жить да поживать со своей царевной, впоследствии получил престол и стал престолом править до глубокой старости.

ИВАН СОСНОВИЧ

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил-был крестьянин. Жил он не богато, не бедно, а так — средне. И жили они двое со старухой. И вот все им было жить хорошо, только не было никого детей у них. В одно прекрасное время старуха и говорит:

— Слушай, старичок, у нас нет детей и не будет, а я вот слышала в одном месте, как можно достать детей.

— Ну-ко, говори, бабушка, как можно достать детей, как мы уж стали стары.

— А вот как: сходи в лес, да выруби кусок сóсны и сделай из сóсны парня, не живого, конечно, а из сóсны, и вот принеси его мне, а я полóжу в зыбку и буду качать три года, и родится у нас парень. Вот поверь мне, а я слышала, испытаем.

Вот старик послушал ее, пошел в лес и сделал, знаешь, из сóсны парня. Принес ей.

— Ну, старуха, на, не лень, дак качай три года.

— Уж я постараюсь, буду.

Старик, конечно, работает в поле, а она качает, сготовит обед и опять качает.

Так качает, качает, и вот проходит три года. Дело сделалось к весне: старику надо сеять да пахать — делать свое дело. Вот раз старик уехал в поле пахать, а уж исполнилось три года. Она качала, качала, вдруг выходит сын и говорит:

— Здравствуйте, маменька, вот я родился.

Та и обрадела: прямо стал на́ ноги, вышел из зыбки и заговорил.

— Родился-то ты и хорошо и заговорил, ну, не знаю, как тебя звать-стать.

— Ну, зови меня Иваном Сосновичем.)

А она приготовила обед.

— Вот обед-то дедушку и готовый бы, да ты еще не можешь снести, как ты еще малый; надо мне самой понести дедушку обед.

— Ну, мама, собирай, я понесу; найду, где он в поле работает, пойду по полям, найду.

Она собрала ему все в корзинку.

— Ну, неси, если можешь.

Указала ему полосу, куда нести. Иван Соснович и пошел. И вот идет, идет, идет и увидал старичка, который работает.

Он его узнал, конечно.

— Здравствуй, дедушко, мой отец ты будешь.

— Я тебя не знаю, сынок, ты скажи, кто ты есть.

Он и говорит:

— Вот что, дедушко, ведь я есть Иван Соснович, мать моя качала меня три года, вот я и вырос. И принес тебе обед.

— Ну, и хорошо, коли ты такой малый, и принес мне обед. Ну, садись вместе со мною обедать.

— Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу.

— Что ты, что ты, сынок, ты еще малый, не можешь.

— Нет, я попашу.

— Ну, попробуй.

И вот старик думает: «Ну, раз просишь, так что же делать, попробуй».

Вот берет соху и запрягает кобылу, а старик ест. Взял соху и так упер ее в землю, что кобыла тянуть не может.

— Нет, слушай, Иван Соснович, тебе не пахать на моей кобыле: ты очень упираешь соху в землю, и она не может снести твою силу, — ты очень сильный. Отпусти ее, пусть она немножко травы пощиплет, и садись со мной обедать. А я после обеда немного отдохну, потом ты сходишь и приведешь ее.

Вот, конечно, он отпустил кобылу траву щипать, а сам сел с ним.

Дедушко пообедал и повалился спать. Потом дедушко встал со сна и говорит:

— Ну-ко, Иван Соснович, сходи, приведи кобылу, и пойдешь домой, а я после приду.

Вот, значит, он пошел за кобылой. Приходит, а уж волк-медный лоб съел кобылу у них и бросился на него. — Съем, мол, тебя.

И допустил его близко Иван Соснович, схватил его за ноги и бросил наземь, да так, что осталось только мокро от него, только земля задрожала вся. И пошел к старику.

Пришел к дедушку и говорит:

— Ну, отец, волк-медный лоб нашу кобылу съел.

— Ой, Иван Соснович, как же он тебя не съел?

— Нет, он меня не съел, а я его убил, больше уж он ни у кого кобыл есть не будет.

— Ну, пойдём тогда домой.

И пошли. Старик думат: «Нет, это мне тоже не кормилец будет, уж раз волка убил, так порядочный богатырь».

Приходит к своей старухе. Старуха и спрашивает:

— Ну, так что прочь, старичок, пришли со сыном?

Старик начал рассказывать про сына и про волка:

— Вот принес мне сын обед, и я сел есть. Сел есть, он и говорит: «Дай мне-ка, я буду пахать». И я не мог отказать. Взял он соху, запряг кобылу и так ее запустил в землю, что еле видно, и кобыла не может идти. Я и сказал: «Отпусти ее, пусть траву щиплет». И вот мы ее отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: «Ну-ко, Иван Соснович, поди сходи, приведи кобылу». А в это время он пришел за кобылой, а уж волк-медный лоб у нас кобылу съел. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударит этого волка о землю, так вся земля задрожала. Убил этого волка, — вот мы поэтому и пришли домой. И слушай, бабушка, — потом он ей и говорит, — опять же он нам не кормилец, думали кормилец, а нет, наверно, он у нас жить не будет.

Иван Соснович это все слышит, что они говорят, хотя стоит не близко.

И вот они переснала ночь. На другой день Иван Соснович и говорит:

— Отец, поди-ко в кузницу, да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало.

— Какой тебе, Иван Соснович, надо топор?

— Да в пятьдесят пудов.

Старик пошел, конечно, в кузницу, и заказал кузнецам топор в пятьдесят пудов.

Кузнецы сказали:

— Мы, конечно, скуем, только пусть сам за ним придет, мы не можем его принести для твоего сына.

И начали они ковать.

Он приходит к сыну.

— Вот, сынок, сходи сам за топором, они уж куют, но никто принести его не может.

Иван Соснович сам пошел в кузницу. Приходит в кузницу. Кузнецы и говорят:

— Ну, бери топор, вот он лежит, мы его нести не можем.

Иван Соснович берет топор одной рукой и пошел домой. Пришел он домой, к матери, к отцу, и говорит:

— Ну, теперь пообедаем, а потом я пойду дров рубить.

Пообедали. Иван Соснович пошел дров рубить. Рубил он целый день.

Приходит вечером домой и говорит:

— Ну, отец, мало же сегодня я нарубил, только пятьдесят сажень, топор легкой. Поди завтра, закажи в кузнице топор в сто пудов, а я пойду еще завтра дров рубить.

И старик пошел кряду же в кузницу и заказал топор в сто пудов. И вот кузнецы, конечно, начали ковать. Приходит Иван Соснович на другой день, берет топор, пообедал и пошел в лес. Пошел в лес, порубил до вечера, пришел домой и говорит:

— Ну, отец, нарубил-то я мало: только сто сажень, топор легкой. Поди, закажи завтра в кузнице топор в полтора-ста пудов.

Старик кряду же пошел, заказал топор в полтора-ста пудов, и чтобы к утру был готов. Кузнецы не смеют отказаться, и к утру опять сковали. Утром стает со сна, пообедал, пошел в кузницу, а из кузницы прямо в лес. Приходит в лес и рубит он целый день. Вечером приходит и говорит:

— Ну, отец, сегодня я порядочно порубил: полтора-ста сажень да топор легкой, ну, уж теперь хватит вам на целый век. Больше я тебя да кузнецей затруднять не буду.

И взял эти три топора и стащил в кузницу.

— Ну, сделайте теперь, что хотите, с топорами.

И сам пришел опять обратно домой и говорит на следующий день отцу:

— Ну, отец, сходи еще в кузницу, пусть скуют кузнецы мне-ка палицу в триста пудов, такую, чтобы эта палица не гнулась и о камень не ломалась и чтобы через сутки была готова.

И старик пошел заказывать. Сам боится.

— Хошь бы ты, однако, ушел, уж мне не кормилец.

И вот кузнецы, значит, и куют эту палицу. Куют и куют, и куют; сутками сготовили, как попало, — тоже боятся, какá будет.

Приходит он в кузницу на второй день. Приходит в кузницу, и говорят кузнецы:

— Ну, вот, Иван Соснович, вот тебе палица, бери, а уж мы ее поднять не можем.

Вот когда он взял эту в руки палицу, нагнув только, она вся в дугу согнулась, и сказал:

— Если вы мне хорошо не сделаете, то вам плохо будет, я приду завтра к вам.

Так им пригрозил, что кузнецы сразу взялись за работу.

Вот он пережил опять сутки, приходит в кузницу, взял палицу в руки, не гнется, бросил о камень — сломалась.

— Ну, ребята, сделайте так, чтобы она и о камень не сломалась, а тогда я вам заплачу.

Вот уж на третий день приходит, берет эту палицу — не гнется. Поднял кверху, бросил — чуть погнулась.

— Ну, ладно, ребята, уж больше я вас тревожить не буду.

Заплатил кузнецам уж какой уплаты они от роду не видали и пришел домой. И вот он, значит, когда пришел домой, и говорит:

— Ну, отец, мать, пеките мне теперь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несет, так что вы меня больше не увидите.

— Ну, что же делать, поди, сынок.

На второй же день это все было готово. Распростился с отцом, матерью, насыпал им денег.

— Вот, — говорит, — вам на старость, а дрова у вас есть, живите наздоровье.

И так в путь-дорогу.

И пошел. Идет и идет со своей палицей. Вдруг пришел он к двум дубам, и стоит между дубами старик. Стоит и в руки тот и другой дуб берет, и поколачивает дуб о дуб.

Он увидел и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Дубиня.

— Здравствуй, здравствуй, добрый человек. Нет, не есть я богатырь Дубиня. Вот Иван Соснович волка-медного лоба убил, вся земля дрожала, вот это богатырь!

— Ну, так вот я и есть Иван Соснович.

— Возьми меня, брат, с собой.

— А куда?

— Куда голова несет.

— Ну, пойдём.

И вот их стало двое. И идут себе, пришли они к двум горам. Стоит человек между горами и изредка поколачивает, гору о гору поднимает.

Вот он и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Горыня.

— Здравствуй, здравствуй. Не есть я богатырь Горыня, вот есть богатырь Иван Соснович, — волка-медного лоба убил, так вся земля дрожала, вот богатырь!

— Так я и есть Иван Соснович.

— Куда пошел? Возьми меня с собой.

— Пойдём.

Вот пошли дальше.

Шли-шли, приходят они к реке. Стоит богатырь, на усах людей перевозит.

Иван Соснович и заговорил:

— Здравствуй, богатырь Усыня.

— Здравствуйте. Нет, не есть я богатырь Усыня. Вот есть Иван Соснович, — волка-медного лоба убил, вот богатырь!

— Так я и есть Иван Соснович.

— Возьмите меня с собой.

— Ну, пойдём. А нам нужно понасть через реку.

— Ну, становитесь на ус по одному человеку, я вас перевезу.

И так всех перетащил через реку. А потом растянул свой ус.

— Вы меня перетащите, и больше здесь перевозу не будет.

Так и сделали. И пошли они по дороге вчетвером. И шли, шли, шли они, конечно, так не близко место. Вдруг увидели, стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли они в этот дом.

Зашли в этот дом, в доме никого нет. Смотрят

столова, кухня, где готовят кушанья. Иван Соснович²³ и говорит:

— Вот что, ребята. Во дворе есть волю, надо зарезать пять волов и сжарить. Ну, кто сѣдни будет за повара? Останься ты, Дубиня, приготовь нам обед, а мы потом придем.

Вот Дубиня сходил на двор, зарезал волов и варит. Сварил, покушал немного, а сам все в окно поглядывает, что как долго товарищей не видать. Все как будто чего-то боится.

Однажды взглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с ноготь, борода с локоть, и сам сорок возов за собой сена тащит. Сейчас пригащил, открывает двор, начал воды качать, волов выпускать и считать. Считал, считал, пяти волов по счету нехватает.

— Э, — говорит, — кто тут у меня есть? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется.

И побежал в избушку. Прибежал в кухню, смотрит — сидит Дубиня.

Взял его за волосы, бил, бил, возил, возил, до того возил, что Дубиня ни с места. Выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай этот угол не гниет».

И убежал.

Этот Дубиня лежал, лежал и опомнился. Опомнился и начинает под углом шевелиться. Вертелся, вертелся, да и вышел. Пошел в кухню, смотрит — огонь погас под котлом. Зажег огонь, сам повалился на кровать. Вот приходят братья:

— Ну, что, Дубиня, обед готов?

— Готов.

— Так вставай есть.

— Не хочу, угорел.

— Ну, не хочу, так не надо.

Вот сели они есть, суп выхлебали, мясо съели, им показалось мало.

Иван Соснович²⁴ и говорит:

— Ну, вот, Горыня, ты теперь оставайся, а Дубиня пойдет с нами. Готовь обед и зарежь сѣдни волов семь, чтоб нам хватило пообедать.

И ушли. Вот, конечно, это Горыня приходит на двор, берет семь волов, зарезал, вымыл, поставил мясо и варит также. Варит; уже покипело часа три-четыре, мясо стало

поспевать. Вынял кусок, поел в ожиданьи, а сам всё смотрит в окно: «Скоро ли придут товарищи, уже совсем все готово».

Однажды взглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. Прибежал во двор, начал опять воды качать и быков считать. Считал, считал, семи нехватает. Нехватает семи, он и побежал. «Кто такой у меня здесь поселился, не поит, не кормит, чужим интересом пользуется».

Прибежал в избу, и давай возить Горыню. Бил, бил, смял; выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай и другой не гниет».

А сам под тем углом не смотрит. Этот Горыня опять таким же путем вертелся там под углом, вертелся и вышел. Побежал, скорее огня подложил и свалился на кровать. Вот идут товарищи:

— Вставай, Горыня, давай обедать!

— Не хочу, голова болит, угорел.

А этот Дубиня отвечает:

— Угарна же здесь изба есть.

Ну, сам не говорит, что то же с ним было, молчит. Теперь они поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит:

— Ну, вот что, Усыня, ты сѣдни останься, зарежь десять волов, чтобы нам поесть честь-честью, а мы пойдем.

И вот собрались все трое, ушли. Усыня сейчас идет на двор, зарезал десять быков, поставил варить. Вынял кусок, поел — хороша.

«А долго братьев нет», — все поглядывают в окно.

И смотрит из окна — бежит старик; сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. «Что такое?»

Забежал во двор, начал быков считать, опять нехватает, теперь десяти уже. «Что такое у меня творится; каждый день заведось, что быки теряются. Не поит, не кормит, а чужим интересом пользуется».

Забежал в избу, хватил Усыню за усы и давай его таскать.

Усыня ничего не может с ним сделать. Бил, бил, таскал, таскал, выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай и третий угол не гниет».

Усыня подумал: «Ну, наверно, такая же честь и братьям была, оттого, наверно, им и угар был».

И начал также под углом шевелиться. Вышел, пришел в избу, видит — все потухло. Он зажег огонь, растопил и свалился на кровать: не может больше. Вдруг слышит, что идут братья.

Вот спрашивает опять Иван Соснович:

— Ну, суп готов?

— Готов.

— Так вставай есть.

— Не могу, угорел очень, голова болит.

Ну, сели они есть. Поели. Иван Соснович и говорит:

— Ну, так вы все пойдите, а я останусь, — что у вас за угар?

Вот они все собрались, пошли и говорят:

— Ну, да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Соснович, какая нам была.

А Иван Соснович пошел на двор. Пошел на двор и зарезал двенадцать волов. Притащил, намыл, заставил и ходит по комнатам, песни поет. Посмотрел, мясо готово. Вытащил кусок, поел и опять поет. «Что-то долго братьев нету. Что у них был за угар? Никакого угару нет».

И видит в окно — бежит старик, сам с коготь, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Забежал во двор, начал воды качать, быков поить. А он выходит, попевает песню. Старик считал, считал, нехватает двенадцати. «Что такое? Кто у меня поселился? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется».

Побежал в избу и давай возиться с Иваном Сосновичем.

Возились, возились, ничего с Иваном Сосновичем сделать не может. Иван Соснович ему всю бороду оборвал, осталась только что одна голова. Захватил в обе руки голову эту, взял молоток, гвозди и прибил к стенке, только голова вертится.

Вдруг слышит, идут братья. А голову он затащил, прибил в другую избу, только дверь немного полая. Приходят.

— Ну, садитесь, ребята, обед готов.

Они думают: «Что такое?»

Сам садится с нимá есть, а дверь-то полая. Вот они в щелку и видят — голова вертится.

— Смотрите, братья, угар-то наш!

Иван Соснович услышал:

— Ну, что, ребята?

— Да мы говорим — вон старик, угар-то наш.

— Да вы что мне раньше не сказали?

— А мы потому не сказали, что кто из нас сильней будет. Теперь видим, что ты всех сильнее.

А этот старик вертелся, вертелся, да со стены и сорвался и покатился по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за палицу да за ним, а он катился, катился, да в яму. Они и не застали; укатился он в подземелье; им делать уж нечего.

Вот Иван Соснович теперь и говорит:

— Знаете что, братья, этот старик, он оправится да на нас пойдет войной. Теперь нам нужно кому-нибудь спуститься да убить его там.

Ну, а яма была непомерной глубины. Иван Соснович и говорит:

— Ну, теперь пойдём на двор, наделаем ремней, надь нам его убить, а то он на нас войной пойдет, не сделаться тогда нам будет.

Они пошли во двор, зарезали всех волов, которые оставши были.

Ремней нарезали и пришли к яме.

— Ну, кто пойдет?

Все отказались. Иван Соснович:

— Ну, пойду я. Только когда приду обратно, вы меня дожидайте.

— Ладно.

Вот его и спустили в яму. Когда спустили его, там оккурат хватило этих ремней до земли до самой. Он и пошел со своей палицей.

Вот шел, шел, шел, стоит домик. Он и заходит в этот домик. Заходит в этот домик и смотрит: сидит девушка красивая и шьет. Как стёг стегнёт, так солдат выскочит, как другой раз стегнёт, так другой выскочит. Он начал у нее спрашивать:

— Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

— А я, сгоняю силу на Ивана Сосновича, так что Иван Соснович всю бороду у моего батюшка вытащил, еле он от него прибежал. Так что нужно силу сгонять, а потом на него воевать пойдет.

— А брось-ко, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж возьму, как обратно пойду.

Она и бросила: рада, что он сказал. Он отдохнул, поел у ней и пошел дальше. Идет, идет и идет, так же приходит в домик.

Заходит в домик, так же сидит девушка, шьет, — еще красивее той. Как стёг стегнёт, два солдата выскочат, еще стёг стегнёт — два выскочат.

— Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

— А сгоняю силу на Ивана Сосновича, так что он у моего батюшка всю бороду вытащил, еле домой он прибежал. Так что надо силу сгонять, а потом пойдет воевать на него.

— А он сейчас где?

— А он еще далёко. Там есть третья девушка, он у нее.

— Брось, девушка, швейку в печку, я тебя замуж возьму, как домой пойду.

Вот она и бросила швейку. Он у нее отдохнул и дальше пошел. Вот он дальше пошел, приходит он уж к третьей девушке. Так же в избе сидит и шьет. Как стёг стегнёт, так три солдата выскочат, как другой стегнёт, так опять три.

— Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

— А сгоняю силу на Ивана Сосновича.

Он и говорит:

— Слушай, девица, брось-ко швейку в печку, а я тебя замуж возьму.

Она его послушала, сама накрыла стол и стала его кормить. Ну, эта была всех красивее.

Он и стал говорить:

— Ведь я иду его убивать, этого вашего дедушка.

— Ой, Иван Соснович, тебе его не убить, хотя он и кругом утереблённой; ты у него всю бороду выдрал. Он лежит сейчас в бани раненой, а мы в это время силу приготавливаем, он нас заставил. Но сейчас тебе его не убить.

— А как?

— Иначе тебе его не убить, как если я тебя не научу.

— Ну, так говори, прекрасная девица, научи. Если я не убью его, то и мне не выйти отсюда и не вывести вас.

— И вот как он сейчас лежит в бани, тут на берегу. Правда, ты сейчас к нему не ходи, а иди прямо к нему в сад. И в саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатке есть шкапик. Открой дверь, и там стоят две бутылочки на правой руке и две на левой. На правой руке стоят

две бутылочки с живой водой, а на левой руке две бутылочки с мертвой. И вот возьми мертвую воду, переставь, где жива стояла, а живую — где мертвая стояла. И живой воды попей немного; много не пей. Когда попьешь, тогда выйди к бани, он лежит на полку, он не такой теперь, как ты видел, он такой большой старик лежит на полку, что ты устроишься. И чем ты его будешь бить? Есть ли у тебя что за собой?

— У меня есть палица в триста пудов.

— Ну, вот и бей его, хотя с первого разу ты его и не разбудишь. И вот со второго и третьего разу он встанет и скажет: «А, Иван Соснович, ты здесь, пришел. Я здесь с тобой разделаюсь». Засвищет на подмогу себе двуглавого змея. И змей выскочит и побежит к этой избушке. Ему нужно будет попить живой воды для укрепления силы, а попьет мертвой — и околет. Вот к чему я велела тебе их поменять. А тогда уж делай с ним, что хочешь. Он будет свистать войско, а у нас уж войска не будет, и тогда ты можешь его легко убить. А теперь ты поди.

Вот Иван Соснович, конечно, это все выслушал и пошел. Пошел кряду в сад. И зашел в комнату. Видит шкаф; открывает, смотрит — на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он живую воду переложил, где мертвая была, а мертвую переложил, где живая была. Напился живой воды и пошел прочь. Спустился в баню, открыл дверь, смотрит — старик лежит и такой большенской, что прямо страшно, и подошел к нему. Подошел к нему и сейчас ударил его палицей. Старик сбоку набок повернулся, ничего ему не сказал. Он ударил его второй раз, еще крепче. Старик еще повернулся и ничего не сказал. Вот уж он так ударил третий раз сильно, что сразмаху выскочил потолок.

Старик скочил.

— А, Иван Соснович, ты ко мне пришел? Ну, теперь ты мой. Пойдем-ко на волю, — и начал свистать.

Засвистал, змей поднялся, бросился в эту комнату, попил мертвой воды, вместо живой, и околет. Нет никого, ни войска, ни змея.

Старик и заговорил:

— Ну, черти, обманули. Ну, да ладно, я еще тебе живой в руки не сдамся, сначала повожусь, а потом ты меня убьешь.

Вот, конечно, хотел старик возиться, но Иван Соснович ударил палицей по голове, старик и упал на землю. Ударил второй раз и размогзил его всего, осталось от него мокро. Ну, потом пошел к девице.

— Ну, вот, девица, я теперь убил этого старика.

— Ну, убил, Иван Соснович, теперь пойдём, я согласна с тобой идти.

И вот они собрались, она ему дает перстенец и говорит: — Ну, Иван Соснович, этот перстенец храни, пока мы не придем в царство.

Она была царская дочь. И она и говорит:

— Ну, а других, как же, возьмешь, что ли?

— Как же, надо взять. Нас есть еще там три брата, они дожидают нас.

Вот он приходит к другой и говорит:

— Ну, прекрасная королева, пойдём.

Та оделась, и пошли. И тая ему ничего не дает. И так к третьей пришли.

Приходят к третьей, он тоже сказал:

— Ну, одевайся, девица, я всех вас выведу, коли вы сослужили мне службу, представлю всех я вас на Русь.

Когда они пошли, девицы и говорят:

— Я — царская дочь; я — королевская; я — княжеская.

Он и говорит:

— Ну, я отдаю вас за братьев, а эту за себя возьму, а одному не достанется.

И вот они приходят к этой яме, где был ремень. Вот и начинает его трясти, и говорит:

— Ну, давайте, поочередно ставайте, а в последних я. Вас они вы́здынут.

И вот они начали здымать. Первую княжеску дочь. Они и говорят:

— Ах, какая девушка хоро́ша.

Вторую вы́здынули:

— Хорошо, коли бы третью достать.

Он и говорит:

— Ну, царевна, давай, теперь ты подымайся.

Она и говорит:

— Слушай, Иван Соснович, ты сначала вы́стань сам, а потом подынешь меня, а то они тебя оставят в яме.

— Ну, что ты, разве они меня оставят?

— Ну, смотри, спомнишь меня. Их трое и нас трое, а ты

смотри, сам останешься. Слушай ты меня, вы́станешь, а то пропадут все твои труды: ты убил змея, я тебе не достанусь, останешься ты в яме наве́ки.

— Нет, они меня вы́здынут.

— Ну, смотри.

И так он все-таки положил ее.

— Ну, ставай, прекрасная царевна, подымайся.

И когда они вытащили третью, и говорят:

— Ну, вот, нам теперь всем по одной, есть ли у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, его и не потянем, — спрашивают у девиц.

Те говорят:

— Мы не знаем.

А Усыня и говорит:

— Нет, тянуть его все-таки надо.

Спустили ремень и стали тянуть. А Дубиня и говорит:

— Нет, я буду неженат.

Взял ремень, срезал, он и полетел обратно туда. Когда он полетел в яму, то царевна, конечно, им ничего не сказала, а сама подумала: «Говорила я ему, а теперь все его труды пропали».

И так взяли они этих трех красавиц и пошли в город. А про этих красавиц знал Кощей Бессмертный. И как узнал, что они пришли до царства, налетел на царство, отобрал этих красавиц, молодцов двоих убил, а третьего ранил. И сам с красавицами улетел. А это царство все окаменело.

Пока этих оставим, теперь ⁴⁵ за Ивана Сосновича возьмемся.

Ну, вот, когда этот Иван Соснович ⁴⁶ пал на землю, пролежал пол-суток без памяти, потом очнулся. «Ну, где я, чорт возьми? Не послушал прекрасной царевны, вот опять в яме. Вот они что со мной сделали, братья. Ну, ладно».

И пошел обратно в подземелье. Потом приходит он к этой избушке. Ну, что, нет никого, посидел, поел и дальше идет.

Пришел уже в третью, ему захотелось спать. Поспал, поел, пошел на эту площадь, где убил старика. Потом пошел в сад. Глядит, около этого домика свалился змей, лежит. Ну, что, нет никого. Дальше пошел в чисто поле.

Приходит в поле, смотрит — стоит большая сósна, и видит — стадо волов ходит само собой, без пастуха. Большое стадо.

Вот он пришел к этой большой сósны и сел, и слышит на сósны кричат орловые дети:

— Ох, спаси нас, молодец!

— Как я вас спасу, чего вам нужно?

— Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго нет, а мы голодные, подняться не можем.

— Так вы что, есть хотите?

— Да, есть.

Он схватил вола, притащил, рóзорвал на мелкие части и дал им.

— Ну, спасибо, Иван Соснович, а мать прилетит, она уж тебе отомстит, сделает, что тебе нужно. Только ухоронись, когда прилетит, чтобы она тебя самого не егловула, она ведь большая.

Вот он стоит. Стоял, стоял, стоял, видит — летит какая-то сильная гора. Это птица.

Дети и закричали:

— Смотри, Иван Соснович, ^и это мать летит. Ухоронись за дерево, чтобы она тебя не видала.

И вот он ухитился за дуб, она и прилетает. Вот они начали плакать, говорить:

— Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Вот кабы не добрый человек, мы бы и умерли. Да как он спас, накормил нас, мы и живые.

— Ну, а где этот человек, кто он есть?

— А этот человек Иван Соснович, ^и остался здесь в подземелье.

Вот она и начинает ему говорить:

— Здорово, Иван Соснович. ^и Ну, так что тебе надь за то, что ты моих детей покормил?

— Да мне ничего такого не надь, сослужи мне-ка службу, если можешь.

— Ну, какú тебе, Иван Соснович, ^и надо службу сослужить?

— Вот вынеси меня на Русь отсюда, больше мне ничего и не надо.

— Да на Русь, Иван Соснович, ^и лететь далёко, надо большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Соснович, ^и не легкой, тебя тащить, так надо большой запас иметь.

— Ну, я уж не знаю, какой надь запас, скажи.

— Прежде всего нужно убить сорок волов мне-ка на дорогу. И как полетим, ты мне кидай по пол-вола в рот. И потом нужно сорок ведер воды. Как пол-вола бросишь, съем, и так ведро воды. А теперь, ты убил нашего старика здесь?

— Убил.

— Вот, сходи в егонный домик и принеси живой воды, мне даешь немного и себе возьми с собой. Это все собери, притащи, а уж я буду готова, сослужу тебе службу, как ты спас моих детей.

Он пошел в это стадо, зарезал сорок голов, притащил мясо и пошел в сад. Взял живой воды пузырек с собой и приходи к ней обратно. Она спустилась с этой лесины с большой, и он все привязал ей к крыльям.

Сел он, они и полетели. Вот летят, летят, она оглянется, — он ей пол-вола да ведро воды. Летят, летят, а нужно было пролететь через три моря. И вот он так летел, все кидал. Второе море перелетели, вот уж на третье вылетели, у него уж волов стало мало, всего десяток, а лететь надо целое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачиваться и садиться стала к нему. Вот стал берег виднеться, а у него уж осталось только пол-вола, она и говорит:

— Ну, я есть хочу, а то я тебя брошу.

Он дал ей последнего пол-вола и немножко живой воды. Она и приободрилась. Ну, подлетел он немного, и говорит орлица:

— Есть хочу.

А ему бросить больше нечего.

Она и говорит:

— Ну, Иван Соснович, вырежь хоть икры из ног, да бросай мне, а то нам не долететь.

Он, ничо не говоря, икру вырезал, да потом и другую, бросил ей.

Так они добрались до берега. Когда перебрались через, стала она на землю, а он стать на ноги не может и говорит:

— Ну, куда я теперь пойду, как стать на ноги не могу, слушай, орлица.

Тогда она и говорит:

— Ну, ладно, Иван Соснович, коли ты не пожалел уж икр своих, я тебе их обратно вытошню.

Вот она и выкашлянула.

— Ну, а теперь ты их ставь обратно, да смажь живой водой, будешь здоров.

Он вставил, смазал и встал.

— Ну, а теперь остальную воду дай мне напиться, а то я не долечу. Ведь мне тебя вадо было тащить да твою палицу триста пудов. Тебе вода больше не понадобится, хотя ты еще много горя примешь дорогой.

И так распростился Иван Соснович с птицей, она выпила воду и полетела вперед.

И вот он идет, идет и идет, смотрит — лежит рать убитая.

Идет он по этой рати и увидал Горыню убитого. Посмотрел он на него и пошел дальше. Дальше пошел, идет, смотрит — вторая рать лежит убитая. И вот подошел, и видит: лежит Дубиня и тоже убитой.

И он идет дальше. И видит: невдалеке виднеется палище какое-то, и тоже лежит рать убитая. Ну, все оно было спалено. Пришел к третьей рати, видит — сидит Усыня на кусту, ноги и руки отрублены и весь израненной, но только живой.

Вот он к нему и подошел. Увидал его, и стал спрашивать:

— Ну, здравствуй, богатырь Усыня.

— Здравствуй, здравствуй, Иван Соснович, как ты сюда попал?

— Да как попал! А где же твои братья?

— Братья мои все убитые, и я в таком же положении.

— Ну, так где эти красные девицы, которых я достал из подземелья. Скажи, почему вы меня оставили в подземелье, бросили, обратно не вытянули?

— Да слушай, Иван Соснович, я тут не виноват, я-то просил братьев, что давай вытянем, а Дубиня как раз резал ремни, боялся, что ему не достанется невеста. И, конечно, нам никому-то не досталось.

— А где они теперь есть?

— А их унес Кошей Бессмертный, а царство все окаменело. Он убил наши все три рати, прижгал, забрал этих девушек и улетел, и не знаю, где он есть.

— Ну, Усыня, я бы тебе уж не помнил бы зла, ну, а как у меня нет тех средств, чтобы тебя поправить, уж извини, я тебя убью, чтобы тебе не мучиться.

Теперь Иван Соснович пошел опять вперед. Вдруг видит — идут два человека с копорулями. Он подошел к ним и спрашивает:

— Куда отправились, молодцы?

— Пошли узнавать к высоким горам, где Кощея Бессмертного смерть, иначе нам не убить его, пошли разыскивать, так что он погубил наше все царство.

— Ну, так возьмите меня в товарищи. Я вам помогу, он мне нужен.

Ну, они пошли дальше. Вот встречаются им — идут два человека с лопатами, тоже по этому делу. Собирается компания цѣла.

— Вы куда? — он спрашивает.

— Мы идем к высоким горам узнать, где Кощея Бессмертного смерть. Надо стать-доставать.

— Возьмите нас.

— Пойдемте.

Идут дальше. Теперь идут, смотрят, идут два бурщика, и третий человек несет сумочку — взрывчато вещество. И он спрашивает их:

— Куда отправились, молодцы?

— К таким-то, таким горам, надо во что бы ни стало убить Кощея Бессмертного.

— Ну, давайте вместе.

И пошли. Вот они приходят к такой высокой горе, что прямо голову заломить. Этот последний, который был с сумочкой, и говорит:

— Вот, ребята, эту всю гору надо разобрать, а там ящичек, в нем смерть Кощея Бессмертного. И этот ящичек надо еще разбить, а там яичко, его надо раздавить. Ну, у нас силы наверно ни у кого нехватит.

— Так вот, вы, молодцы, рвите, разрывайте гору, а уж этот ящичек я разобью, и вам буду тоже и сейчас помогать.

Все принялись дружно за работу. Вот эти бурщики принялись за свою работу: бурить; срывающий — отрывал; копорульщики своими копорулями работали; лопатники лопатами сгребали, а Иван Соснович большие камни руками отрывал. И в три дня они эту всю гору разобрали. И вот добрались до той подошвы, где лежал этот ящичек. Ну, ящичек не мог стоять на одном месте: так и вертелся с боку набок, когда освободился из-под горы. Тогда и говорит бурщик:

— Ну, ребята, кто из нас может теперь этот ящичек раздавить, не теряйте времени. Если налетит Кощей Бессмертный, узнал ведь, то, как схватит этот ящичек, нам его и не убить будет, он ведь силен.

Иван Соснович вытаскивает свою палицу и так размахнул, что ящичек лопнул, и гром пошел по всем лесам. И осталось на этом месте одно мокро. Теперь говорит взрывщик:

— Ну, теперь пойдём к Кощей Бессмертному, хотя его нету, он где-то летает. А мы пойдём к нему и возьмём этих девиц, которых он забрал. Хотя это твоё дело, Иван Соснович, ты всё это сделал, ты будешь у нас за старшего, хотя и мы помогли отчасти.

Так они пошли. Он шёл наперед. Вот и приходят они к Кощей Бессмертному в жилище. Иван Соснович пошел разыскивать этих девиц, а они остались смотреть помещенья. И чего-чего они только там не видали! Долго Иван Соснович ходил по темному замку, ничего он не видит. Наконец, видит дверь, зашел туда, а там еще хрустальная дверь, и там сидят эти три девушки. А у них играют гусли-самогудки. Когда он пришел только, сразу они его узнали:

— Ох, Иван Соснович, как ты пришел, ведь Кощей Бессмертный тебя убьет.

— Нет, не печалуйтесь, красные девицы. Его нет, и я вас пришел спасти последний раз. И пришел я оттуда, где меня оставили братья, и видел я их убитых всех.

— Ну, а теперь, Иван Соснович, забирай гусли-самогудки, потому что весь наш город окаменелой. И когда придем туда, заиграй в гусли-самогудки, и весь народ оживет. У нас будет житье, и я выйду за тебя. А с остальными красавицами, воля твоя, хошь за кого хошь отдавай, хошь отпускай.

И вот он берет гусли-самогудки и пошел оттуда. И видит — братья роются в золоте и нагребают себе денег. Он и говорит:

— Ну, берите себе, только сколько вам надо, а мне не надо, я и так буду не бедный.

Вышли они все вместе оттуда, из Кошеева жилища, и подходят к городу, который был окаменелой. Заиграл Иван Соснович в гусли, и весь народ очнулся; все было

по-старому, и они сразу зашли в царский дворец с этими девицами, где сидел царь на своем троне.

Когда она пришла в царство свое, подошла к отцу, и говорит:

— Ну, отец, смотри на моего спасителя, он меня первый раз достал из подземелья, ну, его братья там оставили, а уж теперь он достал от Кощея Бессмертного.

Тогда сказал этот царь:

— Ну, ладно, дочь, коли так, достал он тебя второй раз, то он порядочно истерпел.

Сейчас пошел у них пир, игратья свадьба. Тогда Иван Соснович все это обсказал, что с ним случилось, как он родился, с конца и до конца. После этого царь поставил его наследником, а после смерти своей оставил ему престол.

И стали жить да быть до глубокой старости со своей царевной.

ПРО ЧАПАЯ

Вот не́ в котором царстве, не́ в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил-был крестьянин, звали его Иваном.

У него было трое детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего Петром, а младшего Василием. Василий Иванович, по прозванию Чапаев.

Жили они бедно́ очень, так что своих ловушек не имелось, и также не было своих посуды, на которых нужно было выезжать на лов.

И вот крестьянин этот пожил немного и помер. Осталась вдовка одна с детьми.

Когда выросли дети, в это время случилась война. Старших сыновей забрали на войну, остался один только младший Василий, и этому тоже приходила очередь итти на войну, потому что всех брали поголовно, кто только был трудоспособен к военному действию, не считались ни со старым и ни с малым.

И вот когда очередь дошла до младшего сына, конечно, ему пришлось итти тоже на войну. Распростился он с матерью и отправился на призыв. Идет он себе по деревне, а надо было ему проходить мимо тетки.

Жила тут же недалеко его тетка, материна сестра, он и думает себе. «Давай, — думает, — зайду к тетушке, прощусь, может, и не вернусь с войны».

И зашел.

— Здравствуй, тѣта.

— Здравствуй, здравствуй, племянник, куда пошел?

— Да, вот, тетушка, на войну надо итти, старшие братья уж воюют, ну, и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцо, и это кольцо у меня еще от мужа: принес с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, и никакой тебя меч не сечет. Ну, кольцо будет действовать только на суше, а уж на воде такой силы у него не будет; так что остерегайся воды.

И так он пошел дальше.

Вот приходит он на призыв, и стали их обучать военному действию.

Когда он выучился к военному действию, то начал участвовать в боях. И так он выучился быстро, и так был силен, что уж его произвели в офицеры. И никакая пуля его не берет.

Вот он прослужил на войне три года, и эта война уничтожилась.

Приезжает Василий Чапаев домой, а у него только одна мать, братьев убили на войне.

Пришлось ему жениться. Мать, конечно, не препятствовала. Взял он из своей деревни тоже у одного крестьянина дочь. Сыграли свадьбу, и стал Василий Иванович жить со своей женой.

Вот прожили там год или два, родилось у них двое детей.

Да, прошло немного времени, и прослышал Василий Иванович, что перешла власть Колчаку и Деникину, настала власть белая.

Стали притеснять вольную большевицкую власть и гнать ее от силы орудия. Тут Василию Ивановичу стало очень обидно, что погинет весь трудовой народ, перейдет власть белая. Подумал Василий и размыслил сам: «Нет, лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погинуть своей родине. А пуля меня все равно не возьмет».

Да, и говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая, я еще пойду на войну спасти трудовой народ, защищать власть советскую.

Говорит ему мать со слезами:

— Эх, ты, сын мой, была ты у меня последняя опора при старости. Было у меня три сына, вернулся ты только один, да опять хочешь итти. Все покладали там головы, и тебе покласть придется, коль уж походишь второй раз.

— Ну, мать, все равно пойду, не оставь ты моих малых деточек, если я умру на войне.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего вороного коня и поехал в Красную армию.

Приезжает он в войска советские, к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские, я хочу служить в Красной армии, хочу помочь своей родине. Прогоню Колчака и Деникина, чтобы освободить трудовой народ.

Командиры и говорят:

— Здорово, молодец! А кто ты есть такой? Много бывает всяких, натреплют языком, а там глядишь — и поминай, как звали.

— Нет, командиры, я хочу доказать на деле, а языком трепать я не охоч. А есть я вот из такой-то деревни, по имени Василий Иванович, по прозвищу Чапаев.

— Молодец, Василий Иванович. Ну, возьмем тебя в Красную армию, только помоги нам.

И вот наступил бой кровавый.

Тогда скочил Чапай на коня и пустился на неприятеля. И начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцев.

И так он сильно их бил, и мечом рубил, и кошью колол, приходилось и из нагана бить. Не переставал он бить их на минуточки.

И не прошло даже шесть часов, как все поле было усеяно войсками.

И этот Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском.

Тогда вся Красная армия поверила, и командиры все на деле видели.

Вот солдаты и говорят:

— Мы с Чапаем пойдём, куда хощь в бой, и никогда с ним не погинем.

Не прошла и неделя, как Колчак собрал опять войска, даже в два раза больше прежнего. И пошел опять на Красную армию.

Вот пошел опять Чапай на второй бой. Скочил на своего коня и в самую середину заехал вражеска войска, где стоял сам Колчак на передней линии.

И начал так жестоко бить, как и в первый раз. И мечом

рубил, и кошьем колочил, и носился как вихорь. И бил он их целые сутки.

И его войска, конечно, тоже помогали. Все поле засеяли телами, но своих войскóв потери было мало.

Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли; сам Колчак еле-еле успел скрыться.

Вот после боя отдохнули, конечно, поели, попили, и пошел Чапай к Фрунзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой, вот даю тебе армию, иди теперь командиром на другой фронт. Уж Колчак опять войска набирает.

Пошел Чапай со своим войском к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни; а где белые находятся — не знает.

Ну, надо во что ни стало узнать, где стоит штаб Колчака. Вот и говорит Чапай своим войскам:

— А что, ребята, кто пойдет со мной на вылазку, узнаем, где генерал Колчак стоит, а потом и все войско поведем за собой.

И вот, конечно, вызвалось идти с ним много, ну, он отобрал так человек пятьдесят или сто, и поехали. А уж дело к вечеру было. И встречает он по дороге одну женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Да вот иду, командир, проведать мужа своего в Красную армию, да сбилась с пути, голодна, иду уж вторые сутки, не знаю, куда и попадаю.

— Ну, иди, тетка, мы тебя накормим.

И приказал Чапаев взять ее с собой и накормить. Вот и идет она с ними. А эта женщина, она была полячка, обманула Чапая, она была послана от Колчака шпионкой.

Ну, он этого ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни, как раз деревня на берегу реки Белой стояла.

А уж там им мужики и рассказали, где те колчаковичи стоят, тут недалеко за лесом, так верст с десяток будет.

Василий Иванович и говорит своим войскам:

— Так вот что, ребята, ночуем здесь, уж ночь нас застала, а наутро пойдем за своими войсками.

Расположил Чапай свои войска и посты, а сами стали на отдых, отдохнуть надь перед боем.

Все заснули, и Василий Иванович спит, остался только один караул стоять. А эта полячка не спит, дожидает.

Дождалась, как Чапай уснул, и скорей к Колчаку прибежала и обсказала, где войско Чапаево стоит, а что главного войска с ним нету.

Колчак, конечно, обрадел и сейчас дает приказ своим генералам поймать Чапая живого или мертвого.

Собрали генералы свои войска и окружили Чапая с трех сторон.

Сняли посты и напали на них в ночную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном.

Когда приступили белые к ихнему штабу, вскочил Чапай со сна, видит себя окруженным и закричал:

— Вставай, ребята, измена!

Вскочили чапаевцы, и за оружие. Ну, что, их, может, сотня и была, а колчаковичей нагнано тьма. Ну, красные в избах, дак держатся, отстреливают, а к себе не пускают.

А уж патронов совсем мало осталось. Вот и дает Чапай такой приказ:

— Бежите, ребята, к реке, с суши не прорваться нам будет, а уж за рекой и войска наши близко, опять на Колчака пойдём!

Кинулись чапаевцы плыть через реку, чтобы прорваться через белых.

Увидал Колчак, что Василий Иванович с войском бросился в реку. Кричит своим генералам:

— Стреляй по реке, а уж если переплывут реку Белую, соберут свои силы, то нам всем живым не быть!

Вот колчаковичи сейчас пулемет повернули и давай палить.

Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку ранило (*на воде уж кольцо не действовало, дак!*). Ну, он все равно не переставал плыть.

Кругом стреляют, много тогда красных положили. А Колчак все кричит:

— Как можь добивай Чапая, чтобы он не перебрался, стреляй по нему по одному!

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову.

Тут Василий Чапаев и преставился. Уж недалеко было от берега. Да, а уж свои войска на помощь шли. Собрали подкрепления и ударили на колчаковичей и денинцев, разбили Колчака на-голову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий свет Иванович, по прозванию Чапаев. И почитают его по всей нашей земле. А семье его и матери дали пособие, не оставили в обидушку.

ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель сокращений

А н. — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929 (указывается номер сюжета).

А з а д о в с к и й — М. Азадовский. Русская сказка, I—II, Academia, 1932 (указывается номер сказки).

А ф а н а с ь е в — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, изд. 2, М., 1873 (указывается номер сказки).

К а р н а у х о в а — Сказки и предания Северного края. Сборник И. В. Карнауховой, Academia, 1934 (указывается номер сказки).

С к а з к и К у п р и я н н и х и — Сказки Куприянхи. Сборник, А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского. Воронежское областное книгоиздательство, 1937 (указывается номер сказки).

Х у д я к о в — И. А. Худяков. Великорусские сказки, I—III, М., 1860—1862 (указывается номер сказки).

Помещенные в книге сказки представляют собою небольшую часть репертуара Коргуева. Они взяты из выпускаемого в Карельском Государственном издательстве первого тома «Сказок Карельского Беломорья», куда включены все тексты, записанные от сказочника.

Сказки печатаются в обычной орфографии. Лишь в исключительных случаях, в качестве примеров, иллюстрирующих наиболее характерные особенности местного произношения, например, оканье, некоторые слова оставлены в подлинном звучании (Ондрей, Олександра и т. п.). Стилистически тексты сказок оставлены неприкосновенными. Лишь в редких случаях, когда в речи исполнителя, несколько замедленной в процессе записи, оказались вставленными слова «да», «ну», «вот» и т. п., не имеющие никакого отношения к тексту, допускалось устранение этих слов.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЖАР-ПТИЦА

Ан. 502. Дополнительно: Карнаухова, № 91.

Основной сюжет сказки не имеет существенных отличий от известных нам русских вариантов.

В сказке нашли очень яркое отражение черты северного быта.

Сказочные чудесные мотивы, например, поимка жар-птицы и др., даются на фоне северной природы и привычных условий труда крестьянина-охотника: трудовой день в лесу, ловля птиц в сляк и т. д.

Все это придает Коргуевскому варианту особый, чисто северный колорит.

ШКИП

Ан. 515. I.

В русской сказочной традиции исключительно редкий сюжет. В отличие от сказки, помещенной в сборнике Худякова (№ 83), Коргуевым введен новый мотив: Шкип добывает невесту дарю при условии первой брачной ночи.

Но самое характерное для Коргуевского варианта — это насыщенность сказки местными, чисто поморскими чертами: например, описание разработки плана и тщательной постройки корабля. Словарь включает морские термины («носовой корг», «якоря катать» и т. д.).

Необычно и по-новому звучит концовка, где герой принципиально отказывается жениться на царской или княжеской дочери, мотивируя это тем, что и мать его вышла за крестьянина и что дело не в богатстве и знатности.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Ан. 402 (+ 400 А + 302). Дополнительно: Карнаухова, № 65; «Сказки Куприянихи», № 25.

Первая половина сказки — сюжет «Царевна Лягушка» — очень традиционна.

Зато совершенно необычно разработана вторая половина — исчезновение Елены Прекрасной и поиски ее Иваном царевичем, его желание поступить к Кашею в работники, превращение в орех, бой с Кашеем, освобождение замученной Кашеем Елены Прекрасной и особенно ее жизнь у орла и награждение богатырской силой.

Вся сказка выдержана в правилах сказочной поэтики: строгая троичность (три брата, три задачи, три года службы царевича, три года службы Елены Прекрасной), традиционный зачин («Не в котором царстве, не в котором государстве»), сказочные формулы («Как рассмеется, то золото повеется, а как расплачется, то жемчуг покатится») и т. д. Наряду с этим в сказке встречаются замечательные реалистические описания, например, эпизод с освобождением Елены от Кощея.

Коргуев вводит в сказку современные моменты. Царь смотрит рукоделье старших невесток и говорит: «Точно из одной фабрики все рукоделье шло». Современные моменты есть и в описании появления Елены на пиру и в эпизоде, когда выбрасывается меч — пробуются сила.

КАК ЕЛЕНА-КОРОЛЕВНА ВЫВЕЛА ЦАРСКОГО СЫНА ОТ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЯ

Ан. 222 * В + 313 С. Дополнительно: «Сказки Куприяныч», № 17; Азадковский, №№ 17, 19, 36; Карнаухова, №№ 1, 102.

Сказочник не вносит особо новых эпизодов в развитие сюжета об «обещанном сыне», но его вариант является наиболее полным собранием мотивов, обычно группирующихся вокруг данного сюжета. Главное отличие сказки заключается в очень положительной трактовке женского образа. В этом отношении особенно показателен последний эпизод, где Елена Прекрасная, напомнив Ивану-царевичу с помощью голубей о своем существовании, держит себя с исключительным чувством собственного достоинства, добиваясь того, чтобы ее муж показал искренность раскаяния.

Местные черты проявляются и в пейзаже (море, лес, озера, болота), и в таких деталях, как посев хлеба на выжженной вырубке. Вся сказка выдержана в принципах сказочной поэтики.

ОНДРЕЙ-СТРЕЛЕЦ

Ан. 465 А. Дополнительно: Карнаухова, №№ 7, 53.

Сюжет очень распространенный. Наша сказка интересна тем, что Коргуев, в пределах много раз до него использованной схемы, заново переосмысляет традиционные положения. В этом отношении большой интерес представляет перенос центра внимания с героя на героиню. Эта черта — акцентирование роли женщины как положительного ведущего героя — очень характерна для Коргуева. Елена Прекрасная не просто волшебница, но и мудрая женщина, человек с сильной волей, кормилица семьи.

Другая характерная особенность данного варианта — стремление Коргуева окрасить традиционные мотивы в типичные для него реалистические и бытовые краски. Так стрелец подстреливает соколицу в седьмой день недели, когда он может охотиться для себя, так как шесть дней работает на царя. Это снижение волшебных мотивов и замена их реально объясняемыми придает этой сказке большую социальную заостренность.

Интересно, как в сказку проникают северные, местные черты. Например, сабля, ударом вдоль воды, создающая мост и ударом поперек воды его разрушающая, очень характерна для Поморья, где понятия поперек и вдоль воды связаны с явлением морских приливов и отливов. Еще более интересный пример видим при сравнении со сказкой, помещенной в сборнике Карнауховой, № 53. Там герой поит команду каждый день. В нашем же варианте герой к этому средству прибегает только во время штиля, когда матросы отдыхают, а Андрей, спив их, незаметно поворачивает руль корабля.

ТРИ БРАТА

Ан. 551.

Одна из самых каноничных сказок в Коргуевском репертуаре. Сохранены все традиционные мотивы и сказочная поэтика.

Вместе с этим наш вариант отличается присущей сказочнику психологической мотивировкой действия. Например, младший даревич выбирает дорогу, где женатому быть, потому что рассчитывает, зная своих братьев, что они могут поехать именно в эту сторону.

Кроме того Коргуев даже в один из самых своих традиционных сюжетов вводит современные моменты. Например, Иван-даревич, уничтожая жилище обманувшей братьев девицы, взрывает пороховой погреб. Особенно это заметно в словаре сказки: встречаются такие слова: «револьвер», «километр», или выражения: «у даревны сейчас мертвый час», «под черным трауром», «старушка, сейчас смылась» и т. д.

ШУТ

Ан. 314 (+ 313 А).

В русском репертуаре сюжет очень редкий. Наша сказка существенно отличается от других вариантов. В ней оригинально прежде всего начало, для которого использован частично сюжет «Чудесное бегство» (Ан. 313 А): Шут помогает куцу вернуть погибшие товары и за это требует «незнаемо дома». В известных нам русских вариантах не встречается также и эпизод с обраче-

нием коня в царевича, заколдованного Шутом. В целом сказка напоминает сюжет «Незнайко» (Ан. 532).

Но самое главное отличие, характерное для всего Коргуевского творчества, — это стремление сказочника реалистически объяснить каждый поступок своих героев. Например, Иван надевает на себя шкуру вола, потому что его платье истлело от огненных стрел, которые бросал во время погони Шут. В других сказках герой наряжается в шкуру быка, вола, надевает пузырь на голову и проч., обычно без всяких мотивировок. Отметим другие реалистические подробности: Шут отбирает коня у героя и нагачивает в него воздух; жена начинает лечить героя: «Докторов позвала, сама была сестрой милосердной». Или, наконец, царю объявляет войну не просто иностранный король, а германский принц.

ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Ан. 531 (+ 327 В). Дополнительно: «Сказки Куприянихи», № 1; Карнаухова, № 46.

Сказка является соединением сюжета о «Коньке Горбунке» (Ан. 531) с некоторыми мотивами из сюжета «Мальчик с пальчик» (Ан. 327 В). Наш вариант довольно традиционен, отличается от других сказок лишь разработкой отдельных деталей. Например, старик находит в лесу яйца и не высиживает их, как обычно, а роняет из-за неплотной опояски, и из каждого яйца выскакивает по молодцу и т. д.

ЧОРТОВ ЗАВОД

Ан. 313 А + 315 А + *313 I + 554 + 300 А.

Сказка является соединением нескольких сюжетов: «Чудесное бегство» (Ан. 313 А), «Звериное молоко» (Ан. 315 А), «Бегство от бабы-яги с помощью чудесных предметов» (Ан. *313 I), «Звери-помощники» (Ан. 554) и «Победитель змея» (Ан. 300 А). Подобное сочетание довольно традиционно и устойчиво во многих вариантах.

Отметим наиболее редкие мотивы в нашей сказке: эпизод с волшебницей (встретился только в сборнике Афанасьева, № 119 а) и эпизод, когда чорт обращается булавкой, а звери, чувствуя его приближение, рычаг и бросаются к сестре (ср. Афанасьев, №№ 118 с и 119 а). Вся сказка носит яркий северный колорит. Действие развивается в лесу, в лесной избушке, на море; герой занимается охотой, питается дичью; особенно красочно описываются северные бурливые реки: «Видят, что (чорт) за порогом стовт, а голосу никакого не слышно».

ИВАН СОСНОВИЧ

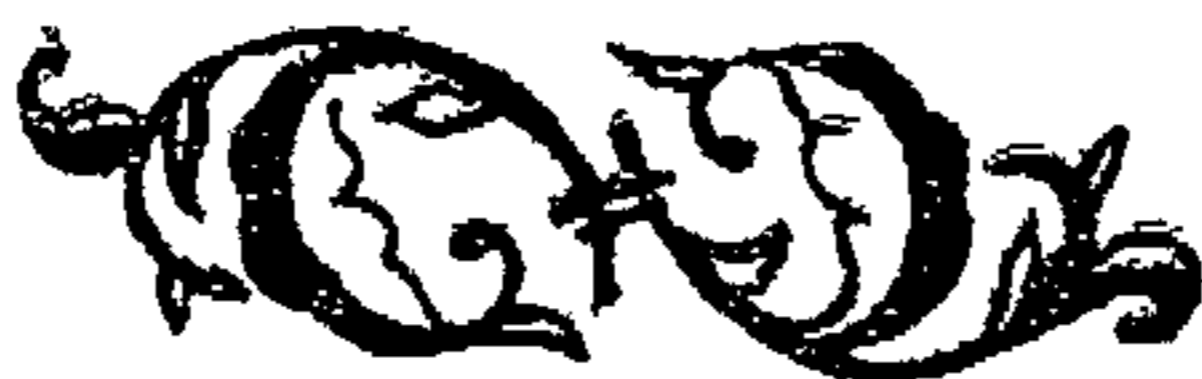
Ан. 301 В (+ 302). Дополнительно: Азадовский, № 22; Карнаухова, №№ 14, 41, 89, 124.

Одна из самых популярных и любимых сказок в русском репертуаре. По сравнению с другими вариантами Коргуевский текст отличается более яркими реалистическими чертами. Коргуев часто снимает обычные для сказочной традиции волшебные мотивы. Действие в основном развивается, опираясь на силу и ловкость героя, а не с помощью чудесных предметов. Так, например, в сказке совершенно отсутствуют традиционные три яичка, в которые царевны свертывают свои дворцы, и другие чудесные мотивы. Кроме того, Коргуев вводит в сказку материал из другого цикла. Так, необычно вплетен мотив похищения царевен Кашеем Бессмертным и добывание Иваном Сосновичем Кашеевой смерти. Единственно близкий вариант можно найти в сборнике Афанасьева, № 93 а, где этот эпизод служит завязкой всей сказки.

ПРО ЧАПАЯ

Сказка представляет собою опыт создания новой героической сказки на современном материале (см. вступительный очерк, стр. 6, 7). Некоторыми эпизодами она близко напоминает другие сказки Коргуева (из помещенных в книге: «Шут»).

Мотив непобедимости легендарного героя гражданской войны у Коргуева близок к образу Зигфрида и Ахиллеса. В сказочном репертуаре см. Ан. 851. Произведение носит все черты сказочной традиции, и в то же время оно органически связано с нашей современностью. Так, например, введен эпизод со шпионкой-иностранкой. Героя нельзя победить в открытом бою, и потому Колчак посылает шпионку-предательницу. Современно звучат некоторые формулы и особенно концовка, где автор выражает свое отношение к герою, отдавшему жизнь за советскую власть, а в заключительной строчке — полная уверенность, что ни одна заслуга перед нашей родиной не останется не отмеченной.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

- А н к е р о́ к, а н к е р — мера жидкостей = 2,7 ведра.
В и́ д а — гибкий удобосвиваемый прут.
В с я́ к о — 1) может быть, 2) всячески.
В ы́ в о л о ч к а — потасовка, трепка.
В ы́ з д ы н у т ь — поднять.
Г р я́ д к а — полка у стены в избе.
Д е л ь н и́ ц ы — шерстяные вязаные рукавицы.
Д о к у́ л ь — до тех пор, покуда.
Д о л о́ н ь — ладонь.
Д р у́ г о ж д ы — в другой раз.
Ж а р а́ т о к, ж а р а́ т к а — место в передней части русской печи, куда сгребают горячий уголь и золу.
З а б а к о в а т ь — упаковать.
З а г а́ ч в в а т ь — загадывать.
З а к о л ь н а — копна сена.
З а л о ж и́ т ь — закрыть на замок.
З а д ы м а́ т ь — поднимать.
З а р о́ д — стог сена.
К о́ л н у т ь с я — чокнуться.
К о р г н о с о в о й — передний конец судна, загиб его основного бруса.
К о с ь ё — кости.
К р я́ д у — сразу.
Л е с и́ н а — дерево.
Л я́ ж к а, л я́ г а — лужа.
Н а́ с е р д к а — неудовольствие, злоба.
Н а т р у́ с к а — страх, трусость.
Н е з а м о́ ч ь — заболеть.
Н е́ к а к — никак нельзя.
О б р а д е́ т ь — обрадоваться.
О б с к а з а т ь — рассказать.
О в е т н ы́ й — заветный.
О д н е́ ж д а — однажды, один раз.
О п о х о ж а́ т ь — см. п о х о ж а т ь.
О т о м с т и́ т ь — отплатить, отблагодарить.
П а́ л и щ е — выжженное место на поляне или сенокосе.
П е р щ а́ т к и — перчатки.

Плѣточка — стальное огниво.
Поветѣрка, поветеръ — попутный ветер.
Подорѣжнички — приготовляемые на дорогу съестные припасы: хлеб, пироги и т. д.
Пѣжня — сенокосное угодье, луг.
Похожѣть — обходить, осматривать силки, ловушки.
Разгрѣбить — разгребать.
Рѣкон — верхняя одежда.
Роп — веревка, канат.
Силья, силѣ (ед. ч.) — силок для ловли птиц.
Сожгѣть — сжечь.
Спрѣвить — сделать.
Сурѣй — резвый, шаловливый.
Тя — тебя.
Ухѣтиться — спрятаться.
Ухѣтриться — изловчиться.
Ухорѣться — спрятаться.
Чернѣть — чернота, темнота.
Эта — здесь.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Нечаев. Сказки М. Коргуева	3
4 Крестьянский сын и жар-птица	11
3 Шкип	39
⊕ Елена Прекрасная	59
⊕ Как Елена-королевна вывела царского сына от волшебного короля	85
2 Ондрей-стрелец	111
⊕ Три брата	135
32 Шут	167
16 Иван Меньшой — Разумом Большой	187
+ Чортов завод	205
Иван Соснович	221
1 Про Чапая	244
Примечания	247
Словарь местных слов	253

Отвѣств. редактор А. Островский.
Технич. редактор А. Курнарская.
Корректор Р. Бекетова. Ленгорлит
№ 17997. С. П. — 82/Л. Сдано в набор
11/VII 1937. Подписано к печ. 11/XI
1937. Тираж 5000. Уч.-а. л. 15,5.
Бум. л. 4. Печ. л. 16. Тип. зн. в 1
б. л. 169 900. Форм. бум. 82 X 110/32.
Отпечатано в тип. им. Володар-
ского, Ленинград, Фонтанка, 57.
Заказ № 3000.

1938

8 р. Переплет 2 р.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
95	16 снизу	запlach	заплачу
141	19 »	варить	вирать
207	21 сверху	осузи	посули
253	18 »	Здымать	Здымать

Беломорские сказки.